

Патриция
Ковчин

Просто
женаты

Убежденный холостяк Адриан Деверо считался самым завидным женихом лондонского света. Измученный приставаниями девиц на выданье и ретивых мамаш, молодой герцог нашел весьма оригинальный способ избавиться от них: женится и овдоветь. Нашлась умирающая незнакомка, состоялось безумное венчание. Увы, Адриана постиг жестокий удар — новобрачная, красавица Ли Стреттон, ухитрилась выжить!

Что же теперь будет? Кошмар, сопровождаемый скандальным разводом? Или прелестная история тонкого соблазна, изысканного обольщения и пылкой, неистовой страсти?..

Патриция Коулин

Просто женаты

Адриан Деверо, шестой герцог Рейвен, вдруг застыл как вкопанный посреди изрытой колеями улицы и вскинул голову развязным жестом человека, изрядно нагружившегося элем.

— Все! — провозгласил он. — Я ухожу в монашество.

— В монашество? — переспросил сэр Колин Торнтон, речистый адвокат по призванию и бонвиван по натуре. — Ты хочешь сказать — в монастырь?

Адриан пожал плечами:

— Монашество, монастырь — не все ли равно? Я решил, и точка!

Дальнейших объяснений не понадобилось, даже если бы Адриан был в состоянии изложить свои доводы. Торнтон и священнослужитель Уилл Грантли, с которыми Адриан дружил с первых дней пребывания в Итоне, и во хмелю прекрасно понимали причину подобного решения.

Тридцатилетний Адриан, прославленный герой войны и испорченный баснословным богатством пэр Англии, блаженствовал, ведя холостяцкую жизнь. Другими словами, аппетитная спелая слива висела перед самым носом рвущихся замуж светских дам, которые вознамерились сорвать ее с колючей ветки одиночества столь же решительно, как Адриан — избежать супружеских уз.

Чем старательнее он пытался жить — или, вернее, прожигать жизнь — соответственно своему прозвищу «Отщепенец лорд Рейвен», тем настойчивее становились преследовательницы. К полному замешательству и отвращению Адриана, в конце концов добрый десяток романтических, но безмозглых представительниц прекрасного пола сочли его завидной добычей и принялись оспаривать друг у друга право «спасти его от пучины порока».

Весь вечер, сидя в пивной «Черный гном», он хмурился, размышляя о предстоящем светском сезоне. С каждой выпитой кружкой эля предлагаемая им тактика борьбы за свободу становилась все более изощренной. Последнюю идею он выдал уже на улице.

— Блестящая мысль, — откликнулся Колин, находчиво объединивший два слова в одно, чтобы справиться с заплетающимся языком.

— Ага, блестящая, — подтвердил Уилл, глотая целые слоги. — Выпьем за монаха Рейва! — Он взмахнул рукой. — За... за... Черт побери, как же обращаться к герцогу, который стал монахом?

— Брат? — подсказал Колин.

Уилл решительно потряс головой:

— Слишком просто. Лучше уж «брат ваша светлость»...

— Нет, воздержание! — перебил Колин. — Ясно? Ваше воздержание... — И они с Уиллом покатались со смеху, поддерживая друг друга, чтобы не упасть.

— Болваны! — процедил Адриан и зашагал вперед.

— Похоже, насчет блестящей мысли мы поторопились, — заключил Уилл и вместе с

Колином поспешил вслед за Адрианом.

Позабыв о лошадях, оставленных в конюшне у пивной, Друзья возвращались в дом приходского священника возле церкви святой Анны — одно из двух уютных жилищ Уилла, которыми он обзавелся по протекции герцога.

— Верно, — мрачно согласился Адриан. — У меня нет способностей к богослужению.

— И монашеской хламиды. И прическа у тебя не та. — Уилл окинул мутными глазами рослую стройную фигуру Адриана и густую шапку каштановых волос. — Им положено выбривать кружок на макушке. Утомительное занятие.

— Зато такая прическа наверняка отпугнет дам, — возразил Колин. — Вот в чем твоя беда, Рейв, слишком уж ты смазлив... Жаль, что ты тогда в Неаполе не расквасил себе нос! — Он похлопал Уилла по спине. — Помнишь Неаполь?

Они вновь расхохотались. Колин со смехом заметил:

— Если ты не против, Рейв, все еще можно поправить.

— Спасибо, обойдусь.

— Сломанным носом делу не поможешь, — принялся рассуждать Уилл. — Твой кошелек для мамаш важнее, чем лицо.

— Какого черта ты напомнил про мамаш? — проворчал Адриан. — Да я лучше соглашусь встретиться с самим Люцифером, чем с какой-нибудь маменькой, ведущей по бальному залу свое сокровище.

— Мамашам следовало бы прятать свои сокровища от таких, как ты, — благоразумно заметил Колин.

— Уж как я только их не убеждал! — пожаловался Адриан. — Мало того, вечно вокруг толчется чертова уйма тетушек и других родственниц, которым лишь бы хлопотать да сводничать! Похоже, весь свет ополчился против бедняги, который мечтает лишь об одном — чтобы его оставили в покое!

— Но не все до одной, — заговорщицки подмигнул Колин. — Ты же не евнух!

— Само собой. — И Адриан расплылся в той самой улыбке, которая неизменно кружила прекрасным дамам головы и причиняла самому Адриану столько хлопот. — Иначе ради чего жить? — Он вздохнул. — Я предпочитаю печь пироги и есть их сколько захочется... Словом, ты меня понял.

— Еще бы! Как вспомню о лакомых кусочках... — Уилл облизнулся. — Райская жизнь!

Адриан фыркнул:

— Откуда вам знать о ней, ваше преподобие?

Уилл ухитрился изобразить праведное негодование и предпринял комичную попытку выпрямиться с тем серьезным видом, который приберегал для редких случаев, когда ему и вправду приходилось участвовать в церковных обрядах.

— Я знаю достаточно, чтобы помолиться о твоей заблудшей душе, сын мой.

— Избавь мою заблудшую душу от такого испытания, — попросил Адриан.

Неожиданно в разговор вмешался Колин:

— А почему бы тебе не последовать примеру Плимптона?

— Реджинальда Плимптона?

— Его самого. — Колин икнул. — Женщины преследовали его, как тебя, пока он не женился.

— У Плимптона нет жены.

— А раньше была, — возразил Колин. — Это случилось, когда ты завоевывал медали во

Франции и сражался за... уж не знаю, за что ты там сражался. Старина Реджи познакомился с молоденькой красоткой из Дорсета и через неделю женился. Вот так-то! — заключил Колин и несколько раз безуспешно попытался прищелкнуть пальцами.

— И чего же он добился? Ты хочешь, чтобы я женился, надеясь спастись от брачных уз? Чертовски мудрое решение, адвокат! — Адриан иронически поклонился. — Если своим клиентам ты даешь такие же советы, неудивительно, что у тебя остается так много времени для охоты.

— Погоди, я еще не закончил, — возразил Колин. — Плимpton сначала женился, а потом стал вдовом. Или вдовой? — Он небрежно махнул рукой. — Словом, человеком, у которого умерла жена.

Адриан нахмурился:

— Но как? Неужели он...

— Убил ее? — Колин покачал головой. — Разумеется, нет! Я слышал, что Реджи был без ума от бедняжки. Говорят, его едва сумели оттащить от гроба. Это его и спасло.

— Что именно?

— Горе, Рейв, горе. Сочувствие не чуждо даже стервятницам с ярмарки невест.

— Ну конечно! — Серьезный, почти благоговейный тон Адриана подпортила внезапная икота. Он негромко засвистел сквозь зубы. — Никому и в голову не придет считать добычей скорбящего вдовца... Что же ты до сих пор молчал? Боже милостивый, Колин, — вот он, выход!

От пивной до дома было недалеко, и холодный ночной воздух подействовал на друзей отрезвляюще. Впрочем, это не помешало им с воодушевлением исполнить излюбленную застольную песню. Это случилось на подходе к дому священника, опрятному трехэтажному особняку в окружении берез и зацветающего кизила.

В окно над парадной дверью высунулась экономка — миссис О'Хара:

— Тише, тише вы! Являетесь домой среди ночи, вопя, как ошпаренные коты... Вы перебудите всех несчастных, спящих через дорогу! — И она указала на расположенное по соседству приходское кладбище.

— Миссис О'Хара, вы отрада для глаз страждущих! — отозвался Уилл, неудачно подражая ирландскому выговору экономки. — Вообразите, я забыл заключить дверь! То есть задверить ключ... или нет, — он потряс головой, — я забыл...

— Вы бы и голову позабыли дома, если бы Господь не позаботился укрепить ее на плечах! — Миссис О'Хара удрученно покачала седовласой головой. — Сейчас спущусь. Только умоляю — ни звука больше!

Вскоре дверь отворилась, и гуляки ввалились в узкую прихожую. Экономка обвела их укоризненным взглядом:

— Ну, что скажете в свое оправдание?

— Я скажу, что вы ангел, — заявил Адриан, подхватив пухлую, загрубевшую от работы ладонь экономки и поднося ее к губам с почтительностью, достойной королевы. — Воистину жемчужина прекрасного пола и...

— А вы, ваша несносная светлость, — позор мужского пола! И нечего посмеиваться надо мной в усы, сэр Колин! — обратилась она к приятелю Адриана. — Подумать только, вы адвокат, уважаемый человек, а несет от вас, как от простого пьянчуги! А вы, — продолжала она, устремив взгляд на Уилла, — как вам не совестно, слугитель Господа! Мы с

нетерпением ждем вас. Клянусь, еще полчаса — и я послала бы кухаркина сына за вами в пивную! И как бы это выглядело, позвольте спросить?

— Ждете? Зачем? — удивился Уилл.

— Чтобы вы выполнили обязанность, возложенную на вас Богом, вот зачем! Здесь больная... — Она понизила голос и кивнула в сторону массивной дубовой лестницы. — Настоящая леди. Ли Стреттон, вот как ее зовут. По пути в Лондон она вдруг захворала, и кучер привез ее сюда. К счастью, наш дом первым попался ему по дороге. По крайней мере теперь вы поможете бедняжке достойно уйти в мир иной.

Уилл побледнел.

— Вы хотите сказать, она...

Миссис О'Хара кивнула:

— Помощник доктора Уэллстоуна говорит, что внутри у нее что-то оборвалось. Эту ночь она вряд ли переживет. Бедняжке дали лауданум... она не знает даже, где очутилась. Хвала Господу, что он не оставил ее без присмотра в час смертный!

— Вы имеете в виду меня? — выпалил Уилл. Миссис О'Хара изумленно вскинула брови:

— А кого же еще?

— К примеру, Бриндли. Почему бы вам не поручить больную заботам Бриндли? — осведомился Уилл, имея в виду Коула Бриндли, младшего vicar, который проводил все церковные службы, пока сам Уилл предавался занятиям совсем другого рода.

— Потому что мистер Бриндли отправился домой — как всегда, когда вы изволите почтить нас своим присутствием.

Уилл поморщился:

— Ах да, совсем забыл!

— Вот до чего доводит пьянство! — фыркнула экономка. — Сейчас принесу чаю. Крепкого чаю, — добавила она, сверля взглядом всю троицу. — А теперь ступайте, — велела она Уиллу. — Найдете больную в комнате справа от лестницы.

— Она одна? — с заметным беспокойством спросил Уилл.

— Да. Горничная просидела рядом с ней почти всю ночь, но в конце концов я уговорила бедняжку немного вздремнуть. Смотрите только не споткнитесь на лестнице, а не то разбудите ее.

Кивнув, Уилл стал подниматься по лестнице, Адриан и Колин последовали за ним. От неожиданного известия все трое если не совсем протрезвели, то по крайней мере посерьезнели и встревожились.

— Уилл, а ты и вправду это умеешь? — с сомнением спросил Колин.

— Я же священник!

— Я не об этом, — пояснил Колин. — Тебе когда-нибудь приходилось напутствовать умирающих?

Глаза Уилла слишком округлились и блестели, чтобы внушать друзьям уверенность. Он с трудом сглотнул.

— Как тебе сказать...

— Он справится, — перебил Адриан. — Уилл знает все, что положено знать священнику, верно, Уилл?

— Разумеется. — Уилл схватился за балясину лестницы, чтобы не свалиться. — Надо только найти молитвенник... Но где его взять? Знаю! В комнате Коула. У него наверняка найдется лишний.

Раздобыв в комнате младшего vicария молитвенник, Уилл зашагал по коридору, листая страницы и бормоча себе под нос:

— Посмотрим... благословение, крещение, где же... А, вот оно! Последние напутствия. — Уилл остановился перед закрытой дверью спальни и глубоко вздохнул.

— Держись, — попытался ободрить друга Адриан. — Кстати, у тебя в книге нет брачной церемонии?

— Есть, но зачем мне... — Уилл растерянно заморгал, уставившись на лучшего друга. — Что ты задумал, Рейв? Надеюсь, я ошибся? Прошу, не надо!

— Я вспомнил о «способе Плимптона».

— О нет!

— Хватит стонать! — прошептал Адриан. — Или ты хочешь разбудить горничную?

— Уж лучше разбудить горничную, чем слушать твой бред, — прошипел в ответ Уилл. — Безумие, вот что это такое! Поверь, утром ты поблаговаришь меня за спасение.

— Благодарности ты не дождешься, и спасать меня не надо. Я хочу жениться.

— На женщине, которую и в глаза не видел? Оттеснив друга, Адриан со скрипом открыл дверь и заглянул в спальню.

— Теперь видел, — ответил он, притворяя дверь. — Так ты проведешь церемонию?

— Ни в коем случае! Не смей уверять, будто это любовь с первого взгляда!

— И не подумай. Ты же знаешь, я не верю в любовь ни с первого, ни с любого другого взгляда! — Глаза Адриана решительно блеснули. — Это знак свыше... Будь любезен, прекрати стонать. Сегодняшнее появление этой женщины здесь — доброе предзнаменование, я в этом уверен. А твой долг священника — выполнить мой приказ. Итак, приказываю!

Уилл решительно потряс головой:

— Напрасно ты пользуешься своим преимуществом, Рейв. Так нечестно — верно, Колин? Адриан негодуя нахмурился:

— Никакими преимуществами я не пользуюсь. Так, Колин? — И он незаметно толкнул задремавшего друга в бок.

— Конечно! — спросонья выпалил Колин и растерянно заморгал. — А в чем дело?

Адриан вновь обернулся к Уиллу:

— Я просто прошу тебя... нет, умоляю, как друга!

— А я, как друг, объясняю, что обязан заботиться о несчастной женщине.

— А ты подумал, на что обрекаешь ее своим отказом? — Адриан уже достаточно протрезвел и понимал, что несет чушь. Но вопрос явно загнал Уилла в тупик, поэтому Адриан поспешил обеими руками ухватиться за неожиданный шанс. — Вспомни, Уилл: эта женщина путешествует одна, без спутников, в обществе одной горничной. Она вынуждена просить приюта у незнакомых людей. Может, она и вправду леди, как считает миссис О'Хара, но, по-моему, ей живется несладко.

Кожа на лбу Уилла собралась в глубокие складки — верный признак замешательства.

— А я мог бы помочь, — продолжал Адриан, призвав на помощь свой дар убеждения. — Как муж дамы, я позаботился бы о... завещании, уладил дела, уплатил долги. Ее родные наверняка были бы рады...

— Но... у тебя нет разрешения на брак! — нашелся Уилл.

Адриан без труда отмел его возражение:

— Получим его потом, сославшись на чрезвычайные обстоятельства. Колин подготовит

бумаги... Ты согласен, Колин?

— Ну да, — выговорил Колин, с трудом удерживаясь на ногах. — Ты должен подписать письмо о намерениях и отказаться от притязаний на имущество дамы, чтобы не вызвать подозрений...

— Да-да, — вмешался Адриан, жестом заставляя товарища замолчать. — Я подпишу все, что понадобится. Итак, Уилл, будущее этой несчастной в твоих руках.

Уилл задумался.

— В твоих доводах есть какая-то неувязка, — наконец произнес он. — Я чувствую это, но не могу понять, в чем дело. Зверски гудит голова...

— Так ты обвенчаешь нас?

— Обвенчаю, но не здесь, — заупрямился Уилл. — Раз ты решил сочетаться законным браком, значит, клятвы надо произнести в церкви.

— В церкви так в церкви, — покладисто отозвался Адриан. — Колин, составь бумаги. Ты, Уилл, разыщи приходскую книгу, а я принесу невесту.

«Я принесу невесту...»

Легче сказать, чем сделать, понял Адриан, стоя у кровати и глядя на лежащую в ней женщину. Незнакомка была бледна как полотно, выглядела немислимо хрупкой, и любой мало-мальски трезвый мужчина наверняка отказался бы от своего замысла. Рядом с мертвенно-бледным лицом женщины оттенок ее блестящих рыжеватых волос, разметавшихся по подушке, казался особенно сочным. Внезапно веки знакомки приподнялись, и она устремила на Адриана взгляд огромных глаз — изумрудно-зеленых, как трава на склоне холма.

— Приветствую вас! — пробормотал Адриан, чувствуя себя полным идиотом. — Мы с вами незнакомы, мадам, но...

— Кристиана! — взволнованно прошептала знакомка. Ее темные брови сошлись на переносице, ярко выделяясь на фоне безупречно белой кожи. У Адриана возникло неожиданное желание провести по ней пальцем. — Кристиана... — повторила женщина и покачала головой. — Приведи себя в порядок. Поправь платье, волосы, ленты... все должно быть, как полагается...

Миссис О'Хара оказалась права; больная не имела ни малейшего представления о том, где и с кем рядом находится.

— Тес! — прошептал Адриан и подхватил знакомку на руки вместе с тяжелым одеялом. — Вам не о чем беспокоиться.

Женщина тревожно зашевелилась.

— А как же Кристиана?

— С ней все будет в порядке, — заверил ее Адриан, понятия не имея, кто такая Кристиана. — Все будет хорошо, обещаю вам.

И он поспешил вниз, к друзьям, ждущим у входной двери.

— Это и есть она? — спросил Колин, уставившись на женщину в объятиях Адриана.

Незнакомка доверчиво склонила голову на грудь герцогу.

— Похоже на то, — прошептал Адриан, опасаясь, как бы миссис О'Хара не застала их в передней. — Идем?

— А ты не передумал, Адриан? — спросил Уилл. — Ты уверен, что так будет лучше? Еще не поздно...

— Уверен.

Ко всему прочему Адриан был убежден, что предстоящая свадебная церемония станет первой и последней в его жизни.

К великому облегчению всех присутствующих, церемония оказалась краткой. Единственная продолжительная пауза возникла, когда Уилл выронил молитвенник и долго не мог подняться, держа его в руках. Но это не имело ни малейшего значения, поскольку церемония была неожиданной, а невеста пребывала в полузабытьи.

Прочитав молитву, Уилл обратился к Адриану:

— Согласны ли вы, Адриан Деверо, герцог Рейвен, маркиз Хейверилл, граф...

— Пропусти титулы, — поторопил Адриан, почувствовав, что невеста у него на руках беспокойно зашевелилась.

— Но так полагается...

— Тогда мы проторчим здесь всю ночь.

— И потом, — добавил Колин, — всем нам известно, кто он такой.

— Ладно, — согласился Уилл. — Согласны ли вы взять в жены Ли Стреттон, чтобы жить с ней в священном браке по закону Господа?

— Я...

— Еще не все! Согласны ли вы любить ее, почитать, лелеять и заботиться о ней в болезни... — Уилл многозначительно взглянул на Адриана, — ...и в здравии и быть верным ей отныне и до смерти?

Адриан кивнул:

— Согласен. Продолжай.

— Согласны ли вы, Ли, взять этого мужчину, Адриана Деверо, герцога Рейвена, и прочая, и прочая, в мужья, и...

— Она согласна. Давай дальше.

— Но она ничего не ответила.

— Ответила, — настаивал Адриан. — Я слышал.

— А я — нет!.. — заартачился Уилл.

— Но... — заметив, как упрямо выдвинулся подбородок Уилла, Адриан сдался: — Ладно, черт с тобой! Слушай. — Наклонив голову, он ласково произнес: — Ли, вы слышите меня? Если слышите, скажите «да». Ну скажите «да», Ли...

— А Кристиана? Платья... карета...

— Да-да — Кристиана и платья. Вы хотите, чтобы с ними было все хорошо?

— Кристиана... да...

— Слышал? — торжествующе осведомился Адриан. — Не вздумай соврать!

— Слышал, — пробормотал Уилл.

Распрямив плечи, он осенил крестом печатку Адриана и велел надеть ее на палец невесты. Кольцо оказалось велико. Адриан придержал его и ощутил странную дрожь, когда тонкие пальцы женщины в ответ стиснули его руку.

Наконец Уилл произнес слова, которых Адриан надеялся никогда не услышать:

— Дарованной мне властью... и так далее объявляю вас мужем и женой.

— И все? — уточнил Адриан. — Мы женаты?

— Вот именно, — подтвердил Уилл.

— Слава Богу! Идем скорее. Надо уложить ее в постель, пока она не испустила... —

Внезапно он спохватился и обменялся неловким взглядом с друзьями. — Пока она не замерзла.

После того как новобрачную благополучно водворили в постель, а все юридические формальности завершились, Адриану незачем было задерживаться в спальне. И тем не менее он всю ночь просидел у кровати Ли Стреттон, обтирая ей лоб влажным полотенцем, успокаивая в минуты волнения, убаюкивая нежным прикосновением руки и медленно, но верно трезвея.

Незадолго до рассвета Адриан принялся мерить шагами спальню больной, с помощью этого маневра надеясь прогнать непрошенные мысли. Он был не из тех, кто способен сожалеть о случившемся — главным образом потому, что последствия никогда не тревожили его. С нежными чувствами Адриан давно распрощался, на поле боя он не раз играл со смертью в прятки. Так чего же ему было бояться? Уж конечно, не собственной совести. Таковой он попросту не имел.

Вещи леди были аккуратно сложены в комод и на туалетном столике. Адриан рассеянно провел пальцем по серебряной ручке щетки, разглядывая сизовато-серое платье, в котором больная, должно быть, отправилась в путь. Насколько Адриан разбирался в подобных тонкостях, платье было сшито по последнему слову моды. Узкая талия и глубокие выточки лифа наводили на мысль, что платье принадлежит стройной, но полногрудой особе. Впрочем, это ему уже известно, заключил Адриан, вспомнив, как держал новоиспеченную жену в объятиях.

Платье источало тот же теплый, дурманящий аромат, который окутывал Адриана, когда он склонялся над Ли Стреттон, чтобы промокнуть ее лоб или пригладить волосы на висках. Ему никак не удавалось вспомнить, что это за аромат... Ну и черт с ним, решил Адриан, небрежно бросив платье на спинку стула.

Его взгляд вдруг упал на ковровый красно-серый саквояж, стоящий на полу. Не следует заглядывать в него, мысленно посоветовал себе Адриан, хотя уже знал, что не последует совету. Он ничего не мог с собой поделать: надо же узнать хоть что-нибудь о женщине, которая теперь считается его законной супругой! Это не праздное любопытство. Ему хотелось сохранить в памяти не только несколько бессвязных слов и пожатие слабых пальцев. Адриан помнил, чем обязан незнакомке.

Одержимый любопытством, он открыл саквояж и уставился на лежащие внутри листки бумаги, исписанные женским почерком. Пока он читал, любопытство сменилось замешательством и наконец переросло в изумление.

«Стены замка Фарэуэй были высоки и неприступны...»

Губы Адриана вздрагивали; дочитав последнюю страницу, он не сдержал усмешки.

«...Несмотря на надежную защиту стен королевского замка, его обительница принцесса Оливия с годами обретала не только красоту, но и беспокойство. Она была не из тех принцесс, что покорно сидят в башнях, поджидая принца, готового брать приступом высокие стены.

По правде говоря, Оливия вовсе не нуждалась в принце. У всех немногочисленных принцев, которых ей довелось повидать, были длинные тонкие носы, роскошные бархатные туники и короны, непрестанно съезжавшие набок. Оливия находила жаб из дворцового пруда гораздо более интересными собеседниками, но поскольку у нее не было ни малейшего желания выходить замуж за жабу, она решила улизнуть из замка и отправиться на поиски

настоящего принца — самого красивого, отважного и благородного на свете.

— Ты совершаешь большую ошибку, — предупредил чайник, пока Оливия однажды летним утром на цыпочках кралась через кухню, ибо в замке Фарэуэй и чайники имели свое мнение.

— Ты об этом еще пожалеешь, — добавила метелка из перьев, висящая на крючке за дверью.

— Может быть, — на ходу отозвалась Оливия. — Но лучше уж раскаиваться, чем изнывать от скуки».

Усмехнувшись, Адриан с неподдельным интересом уставился на лежащую в постели женщину. Похожа ли отчаянная принцесса Оливия на свою создательницу? Об этом ему никогда не узнать, напомнил себе герцог, с непонятым сожалением укладывая рукопись в саквояж. Еще через некоторое время он признался себе, что напрасно ночью не послушался Уилла.

На рассвете миссис О'Хара, вошедшая в комнату больной, застала в ней Адриана. Неприятно удивившись, она попросила выйти незваного гостя. Адриан отказался от предложенного завтрака, торопясь уехать прежде, чем события минувшей ночи станут известны дотошной экономке. Кроме того, сегодня утром у него пропал аппетит.

Колину предстояло вернуться в город вместе с другом, а Уилл оставался дома, чтобы «уладить дела». Адриан был благодарен ему за помощь. Несмотря на выходки, неподобающие священнику, Уилл был добрым и славным малым — именно его Адриан согласился бы видеть рядом, испуская последний вздох.

Ожидая, когда приведут коня, Адриан вручил Уиллу туго набитый кошелек:

— Этих денег хватит на все — в том числе и на то, чтобы горничная и кучер не проболтались раньше срока.

— Об этом я позабочусь, — пообещал Уилл. Судя по его нахмуренным бровям, сегодня утром муки похмелья испытывал не один Адриан.

— Если ей что-нибудь понадобится, — продолжал Адриан, — все, что угодно...

— Знаю, Рейв. Я сообщу тебе, как только... — Он сглотнул. — Словом, я сообщу.

Перед самым отъездом Адриан нашел предлог вновь подняться наверх и в последний раз взглянуть на свою жену.

Кроме нее, в комнате никого не было. Приблизившись к постели, Адриан сжал в ладонях руку Ли, с изумлением обнаружив, что прикосновение шелковистой кожи уже стало для него привычным.

Он почувствовал, как быстро бьется жилка на запястье больной. Возможно ли такое? Ее рука казалась такой теплой, живой. Адриан осторожно поднес ее к губам, поцеловал в ладонь и как замороженный уставился на пальцы, медленно сжавшиеся в кулак.

Пора уезжать отсюда.

С наступлением утра голова у него стала ясной, и тут возникло острое подозрение, что на этот раз он зашел слишком далеко.

— Да сохранит тебя Господь, Ли, — произнес он и с дрожью добавил: — И меня тоже.

— Еще шерри, леди Мередит?

Мередит Гиддинг, супруга сэра Гиддинга, неисправимая ханжа и формалистка, любезно улыбнулась Адриану, чего не делала уже много лет:

— Нет, благодарю вас, ваша светлость.

В этом Адриан сомневался, хотя и понимал, что гостя жаждет не шерри, а сведений. Вместе с другими кумушками и их мужьями она явилась в дом Адриана на Гросвенор-сквер в надежде выведать что-нибудь о женщине, ухитрившейся заманить в свои сети самого неуловимого из светских холостяков. Надежды сплетниц оправдались.

Весь вечер Адриан понемногу выдавал вымышленные подробности скоропалительного романа и внезапного брака. В конце концов, именно для этого он и пригласил три избранные пары к ужину. Побеседовать с леди Мередит и ее дебелыми подругами леди Хоклифф и леди Торрингтон было все равно что поместить в «Таймс» объявление о свадьбе и о том, что его молодая супруга прибудет в город, как только завершатся приготовления к ее приезду. Покамест молодая герцогиня поправлялась после болезни в поместье, у своей сестры.

Все это в большей или меньшей степени соответствовало истине. Получив известие от Уилла, Адриан мог с прискорбием оповестить собравшихся, чем завершился его злополучный брак, а затем изведать радости беззаботной жизни скорбящего вдовца.

Казалось бы, такие мысли должны были воодушевлять его. Но вместо этого Адриан ощущал непривычную тяжесть на сердце. Ему то и дело хотелось ослабить галстук. С тех пор как он вернулся в город, прошло уже две недели, а от Уилла не было ни слуху ни духу. Значит, развязка могла наступить с минуты на минуту.

Неужели бедняжка страдает до сих пор? Задумавшись об этом, Адриан всерьез заволновался, но еще больше беспокойства причиняло ему собственное волнение. Время не воротишь, сделанного не поправишь, оставалось лишь выжидать. Черт бы побрал Уилла! Зачем держать лучшего друга в неведении? Адриан давно отправил бы к Уиллу посыльного, если бы не опасался дать городским кумушкам новую пищу для сплетен — не говоря уже о необъяснимой, но неистребимой боязни поторопить события.

— Довольно рассказов о войне, Торрингтон, — заявила леди Хоклифф супругу своей приятельницы, дружески потрепав графа по руке. — Мы просто обязаны узнать о таинственной супруге Рейвена.

Адриан изобразил чуть смущенную и задумчивую улыбку.

— От друзей у меня нет никаких секретов, леди Хоклифф. Просто стрела Купидона в очередной раз попала в цель. Жаль, что Ли сегодня нет с нами. Невозможно передать словами ее красоту и прекрасный характер.

Леди Мередит одарила его изумленным и одобрительным взглядом.

— Господи помилуй, Рейвен, мне и в голову не приходило, что под маской всем известного ловеласа скрывается такой романтичный юноша!

Маркиз Хоклифф, гораздо ближе знакомый с Адрианом, подозрительно прищурился.

Адриан потупился со смущенной улыбкой:

— Об этом не догадывался даже, я, мадам.

— Скажите, Рейвен, она и вправду так прекрасна, как говорят? — допытывалась леди

Хоклифф.

Адриан кивнул:

— Поистине небесное создание! Можно сказать, существо не от мира сего.

— Ну, таким ответом вы не отделаетесь. Какого цвета ее волосы?

Адриан на миг прикрыл глаза и позволил слегка дрогнуть уголкам губ.

— Цвета пылающих каштанов.

— А глаза?

— Как трава на летнем лугу — густая, сочная зелень, одновременно и теплая, и прохладная. Цвет ее лица безупречен, как свежие сливки, а губы нежны и соблазнительны, словно лепестки розы...

Адриан опасался, как бы от столь приторного описания не стошнило даже его самого. Однако леди Хоклифф осталась довольна.

— Как поэтично! — задумчиво вздохнула она. — Стало быть, вас пленила именно ее красота?

— Поначалу да. — Адриан не забыл благоговейным жестом вскинуть руки. — Но едва она заговорила, меня опутали бархатные цепи ее кротости, великодушия, доброты... Умоляю, не будем больше об этом! Разлука и без того невыносима...

— Странно, зачем вы вообще расстались с молодой женой? — заметила леди Мередит. — Почему вы здесь, в городе, а не рядом с ней?

— Только потому, что такова была настоятельная просьба моей жены. Судя по письму ее сестры, Ли не хочет, чтобы я видел ее бледной и изнуренной. Я, разумеется, поспешил заверить, что для меня она всегда останется совершенством. Но видит Бог, я слишком влюблен, чтобы отказать даме хоть в чем-нибудь, даже ценой разлуки.

Дождавшись, когда хор женских вздохов утихнет, Адриан продолжал:

— Так что теперь мне остается лишь ждать, мечтая о дне, когда возлюбленная воссоединится со мной и ее ангельский голос наполнит этот пустой дом.

— Она поет?

— Как соловей, — подтвердил Адриан.

— И музицирует?

— Virtuозно. Она училась в Риме.

— Стало быть, она получила образование за границей?

— Да, в монастырской школе.

Не выдержав, леди Торрингтон расхохоталась, а остальные ограничились изумленными усмешками.

— Боже милостивый, Рейвен, это уж слишком! Подумать только — вы попались на крючок воспитанницы монастыря!

— Да, и считаю, что мне повезло. — Адриан надеялся, что с монастырем он не переборщил. — А теперь умоляю прекратить эту пытку. Я пригласил вас сюда в надежде развеяться, а не увязать в пучине тоски.

— Должна признаться, ваше приглашение стало для меня неожиданностью, — произнесла леди Торрингтон. — Прежде вы не питали пристрастия к светским развлечениям.

— Осмелюсь заметить, герцог уже пресытился отнюдь не светскими развлечениями, и притом не в гостиных, — вмешался лорд Торрингтон, жертва многочисленных бокалов вина.

— Артур! — упрекнула его жена. — Пожалуйста, не забывайся.

— Конечно, конечно! — Маркиз потупился с видом ребенка, получившего нагоняй.

Адриан с трудом скрыл пренебрежительную гримасу, зная, что его гости привыкли говорить правду лишь за глаза. Такова первая заповедь света. Странно, что Торрингтон решился нарушить ее.

Прокашлявшись, маркиз строго взглянул на Адриана из-под нахмуренных бровей.

— Я только хотел сказать, что вам давно пора отказаться от прежних проказ. В вашем положении шила в мешке не утаишь — верно, Хоклифф?

— Вот именно. Джентльмену положено ставить брак превыше удовольствий. — Хоклифф поспешно повернулся к жене: — Прости, дорогая, если я погрешил против правил этикета. Надеюсь, Рейвен, вы меня поняли?

Адриан кивнул. Он прекрасно понял обоих гостей. Они намекали, что герцог имеет полное право предаваться греховным развлечениям, но при этом обязан производить впечатление верного супруга. Именно так поступали и мужчины, сидящие за столом, и большинство других светских джентльменов — и даже дам. Так поступал отец Адриана, надеясь, что сын последует его примеру. Но тот зашел гораздо дальше.

Замечания гостей разбередили свежую рану в душе Адриана. Вместе с тем они пробудили в нем презрение к лицемерию, которое, судя по всему, служило связующим звеном, залогом целостности светского общества. Адриан нравилось срывать с лицемеров маски — по правде говоря, он полагал, что это и есть предназначение его в остальном бесполезной жизни.

Адриан вспомнил о своей последней затее — неслыханной, скандальной, возмутительной выходке, которая наверняка сделает его изгоем. По мнению Адриана, такая цель оправдывала любые средства. А теперь упреки гостя окончательно убедили его в том, что настал самый подходящий момент для решительных действий.

— Похоже, вы прочли мои мысли, сэръ, — обратила он к Торрингтону, качая головой в притворном восхищении пронизательностью гостя. — По правде говоря, я ничего и не собирался утаивать. Моя цель — стать образцом благопристойности... И незачем так смотреть на меня! — добавил он, заметив, что гости одновременно подняли брови. — Я твердо намерен сдержать слово.

— Каким же образом, позвольте узнать? — осведомилась леди Мередит, сдерживая смех.

— Навсегда отказавшись от... скажем, фривольных проделок и направив энергию в более достойное русло.

— Боже, какая удивительная метаморфоза! — воскликнула леди Торрингтон. — Дорогой, ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

— Никогда, черт побери! — пробормотал ее супруг, сверля Адриана вопросительным взглядом.

— Я стал совсем другим, леди Торрингтон, — объяснил Адриан. — И не без участия присутствующих здесь дам.

— Не без нашего участия? — удивленно повторила гостя. — О чем вы говорите?

— Не так давно вы убедили своих мужей отказаться от моих жертвований в пользу нового Общества защиты животных, чем заставили меня глубоко задуматься.

— Ах, вот в чем дело! — Леди Торрингтон почувствовала неловкость, удивленная осведомленностью хозяина дома: именно она возглавила движение, целью которого было подвергнуть Адриана остракизму. Это случилось несколько месяцев назад, и, говоря

начистоту, Адриан не придавал этому событию никакого значения.

— Вот именно. — Адриан испустил удрученный вздох. — Мне пришлось задать себе вопрос: что я за человек, если приличные дамы считают меня недостойным облагодетельствовать даже несчастные четвероногие существа?

Леди Торрингтон переглянулась с подругами:

— Пожалуй, мы слегка поспешили с...

— Нет, ничуть! — перебил Адриан. — Не стану отрицать, что в своем бесславном прошлом я злоупотреблял обильными возлияниями, азартными играми и, если быть откровенным, связями с особами сомнительного поведения. Прошу вас, не упрекайте меня — просто позвольте доказать, что я способен искупить свою вину! — Он обвел взглядом гостей, наслаждаясь их смущением и изумлением. — Джентльмены, я решил последовать вашему благородному примеру и устроить в Лондоне Дом птиц.

— Как вы сказали — птиц? — переспросил тугоухий Хоклифф, прикладывая ладонь к уху.

— Да, птиц, — подтвердил Адриан. — Редких видов пернатых со всего мира. Экзотических пичуг с самым пестрым оперением, собранных в одном месте для изучения, демонстрации и — самое важное — для вящего удовольствия публики.

— Птичник! — воскликнула леди Мередит, захлопав в ладоши.

— Можно сказать и так, — согласился Адриан с непроницаемым выражением лица.

— Великолепная мысль!

— В самом деле, — подтвердила леди Хоклифф. — Впервые слышу столь удачное предложение. Я намерена принять участие в вашем предприятии, Рейвен. Вы непременно должны позволить Харви внести свой вклад. Ты согласен, дорогой?

— Разумеется, — без особого энтузиазма подхватил ее муж.

— Признаюсь, я не сомневался в вашем желании оказать помощь, — заметил Адриан.

— Скажите же, чем мы можем помочь вам? — спросил сэра Артур.

Адриан улыбнулся:

— Простейшим способом — стать попечителями и своими именами обеспечить успех делу. Ваше участие в нем наверняка привлечет внимание и других достойных людей. А что касается практической стороны дела, я прошу, чтобы мне доверили лично следить за подготовительными работами и сбором экспонатов.

— Вы уже доказали свою решимость, — заверила его леди Торрингтон.

— Благодарю вас, мадам. Надеюсь, результаты моих трудов ошеломят вас. О пышном открытии Лондонского дома птиц в столице не скоро забудут!

Все три дамы заулыбались так сладко, словно за спиной Адриана вдруг выросли ангельские крылья. Адриан ответил им ослепительной улыбкой. В случае успеха он сумеет, так сказать, убить одним выстрелом двух птиц.

Прежде всего он преподаст самым узколобым лондонским лицемерам урок, в котором они давно нуждались. И одновременно упрочит свою скандальную репутацию. В конце концов, должен же когда-нибудь закончиться срок его неприкосновенности вдовца! Дом птиц навсегда укрепит даже самых оптимистично настроенных светских дам во мнении, что Адриан — неподходящая кандидатура для брака, несмотря на все титулы и состояние. Черт побери, таким достижением можно гордиться!

А истина заключалась в том, что в отличие от большинства джентльменов, воспринимавших брак как способ продвинуться по общественной лестнице и наполнить

детскую наследниками, созданными по своему образу и подобию, Адриан никогда не пылал желанием обзавестись женой. И твердо намеревался прожить свой век и умереть холостяком.

— Хотите совет, мадам?

Ли обернулась к Бриджет Грэнан, немолодой горничной, которая прислуживала ей с первого дня появления в Бэмборо.

— Нет, — отозвалась Ли.

— Жаль, поскольку вы его все равно получите.

— Так я и думала.

— Если бы вы спросили меня — а этого вы не сделали, — я сказала бы, что вы совершаете непростительную ошибку. Напрасно вы отправились к этому безумцу.

Экипаж остановился возле Рейвен-Хауса, лондонского особняка герцога Рейвена. Это большое кирпичное здание было расположено в самом фешенебельном квартале города, но само оно показалось Ли не особенно внушительным и к тому же давно нуждалось в ремонте. Если бы Ли не послала кучера Роуланда выведать, дома ли герцог, и не узнала, что в данную минуту он принимает гостей, она могла бы подумать, что дом пуст. Внешне он выглядел заброшенным.

— Бриджет, надо ли напоминать, что этот безумец, как ты предпочитаешь именовать его, — мой муж?

— Муж? — эхом повторила горничная. — Как бы не так! Чужак, и к тому же полоумный — вот кто он такой! Кем еще, по-вашему, может быть человек, женившийся на леди, которую он...

— Довольно, Бриджет! Хватит переливать из пустого в порожнее. Мне известно, что мистер Грантли щедро вознаградил тебя и Роуланда за клятву хранить в тайне обстоятельства моего... брака.

— Нужна мне его награда! — пренебрежительно хмыкнула Бриджет. — И Роуланду она ни к чему. Вы же знаете, мы оба готовы на все ради вас и леди Кристианы.

— Знаю. — Ли энергично встряхнула руку горничной. — А награду ты все-таки должна принять. В конце концов, это деньги из кармана герцога, а он нам многим обязан.

— Скорее уж он обязан вам. Для начала ему следовало бы извиниться.

— Не беспокойся, Бриджет, я сумею потребовать извинений у его светлости.

— Стало быть, вы все-таки зайдете в дом? — спросила горничная.

— Непременно! — кивнула Ли.

По правде говоря, она ни в чем не была уверена — кроме того, что никому, даже печально известному герцогу Рейвену, не позволит лишить ее сестру Кристиану возможности стать счастливой.

Узнав от мистера Грантли о том, что произошло за время ее болезни, Ли пришла в негодование. Несколько дней в ее душе бушевала буря, воспламеняющая давние раны, напоминающая о сердечных горестях и давнишней боли. Постепенно к ней вернулось благоразумие. Ей уже не раз приходилось сталкиваться с несправедливостью. Справиться с ней она сумеет и на этот раз.

Но каким образом? Как отомстить мужу, которого она в глаза не видела и не желала видеть?! Если, конечно, этот мерзавец и в самом деле ее муж, в чем Ли сильно сомневалась. Однако если он, не будучи ее законным супругом, провел ночь в ее спальне, значит, она

погибла. И Кристиана вместе с ней.

Выздоровливая, она колебалась между стремлением отомстить Рейвену самой страшной мезтью — например, посадить его на муравейник — и малодушным желанием вернуться под защиту стен собственного простого, но милого дома, сделав вид, будто ничего не произошло.

Когда же пришлось принимать решение, Ли спросила себя, как поступила бы на ее месте принцесса Оливия. Ответ последовал незамедлительно. Оливия решила бы действовать. Она нашла бы способ обратить каприз судьбы в свою пользу. Ли исполнилась решимости сделать то же самое.

Господи, на что она только надеялась? Что ей, девушке, знакомой с приключениями лишь по собственноручно написанным сказкам, удастся расквитаться с самым знаменитым развратником Англии?

Ли оглядела внушительные чугунные ворота Рейвен-Хауса, украшенные изображением хищной птицы. По ее мнению, этому чудовищу было самое место на вратах ада. Если Оливия обожала приключения — тем хуже для нее. А сама Ли в этот момент предпочла бы изнывать от скуки.

К несчастью, по вине герцога у нее не было выбора. Ли твердо вознамерилась обеспечить будущее Кристианы, и если для этого от нее требовалось войти в львиное логово — значит, так тому и быть.

Призвав на помощь всю свою отвагу, она обратилась к Бриджет.

— Одной решимости войти в логово хищника слишком мало, — заявила она. — Я должна быть уверена в тебе. Если я не смогу на тебя положиться, как же тогда сумею скрыть истину от Кристианы?

— А не проще ли было бы просто рассказать ей правду?

— Нет. — Ли покачала головой. — Об этом не может быть и речи. Ты же знаешь ее вспыльчивый характер. Неизвестно, как она воспримет мой поступок. Боюсь, не пройдет и нескольких часов, как об этой унижительной истории, приукрашенной пикантными подробностями, узнает весь Лондон. В таком случае все мои планы и сбережения, припасенные для выезда Кристианы в свет, пропадут. Может быть, когда-нибудь я и отважусь сказать ей правду, но не теперь.

— Ну, если вы так решили...

— Да, решила.

— Тогда мой рот на замке. — И для пущей убедительности Бриджет приложила палец к губам.

— Прошу тебя, отопри его ненадолго — чтобы пожелать мне удачи.

У Бриджет округлились глаза.

— Так вы зайдете в дом сейчас?

Ли кивнула. Бриджет растерянно заморгала.

— Не лучше ли дождаться утра...

— Нет. Я предпочитаю, чтобы наше маленькое воссоединение состоялось на глазах у свидетелей.

Набросив на плечи плащ, Ли с помощью кучера выбралась из экипажа, глубоко вздохнула и напомнила себе: если ей удастся выглядеть уверенной, рано или поздно она и вправду обретет уверенность в себе.

Оглянувшись в последний раз. Ли увидела, как Бриджет перекрестила ее.

Адриан по-прежнему упивался щедрыми похвалами гостей, но тут рядом с ним вдруг возник старый дворецкий.

— В чем дело, Торн? — спросил Адриан. Торн зашептал, склонившись к уху хозяина:

— Неприятность, сэр. Вы должны...

— Разберись сам! — велел Адриан, не желая прерывать развлечение.

— Слушаюсь, сэр. Но без вас...

— Оставь меня в покое, Торн.

Слуга недовольно поджал губы. Адриан ответил ему гневным взглядом. Официальные приемы были редким явлением в Рейвен-Хаусе, поэтому сегодняшнее событие переполошило весь дом. Однако Снейк, бывший пехотинец, выполнявший обязанности повара, сумел приготовить вполне съедобный ужин, а двое нерасторопных лакеев ухитрились подать его на стол, не выронив по дороге. Старый ворчун-дворецкий мог бы по крайней мере притвориться вышколенным слугой!

Однако Торн не уходил.

— Ваша светлость, дело в том, что...

— Рейвен, дорогой! — послышался из коридора женский голос.

Дорогой?

Едва Адриан заметил злорадство, промелькнувшее в прищуренных глазах Торна, как тот же загадочный женский голос зазвучал вновь — на этот раз с порога столовой.

— Вот ты где! — Раскрыв объятия, женщина улыбнулась Адриану так, словно в комнате больше никого не было. — Сюрприз, дорогой! Я приехала!

Адриан воззрился на нее, словно примерзнув к стулу и не замечая, что остальные джентльмены поспешили вскочить. Это была она. Ли! Его супруга.

Боже милостивый!

Как она очутилась здесь, в его собственной столовой? Откуда она вообще взялась? Ей же полагалось... словом, почтить!

Тяжело опираясь на стол, Адриан с трудом поднялся на свинцовых ногах, краем уха прислушиваясь к выжидательному шепотку гостей.

Стоящая в дверях женщина ничем не походила на труп.

Она была жива и абсолютно здорова. Ее каштаново-рыжеватые волосы блестели, оттенок изумрудных глаз был ярким, как трава на летнем лугу. Господи, его жена и вправду оказалась красавицей!

Его жена...

Черт возьми, как же ему теперь быть?

Потрясение лишило Адриана привычной сообразительности. Внутренний голос подсказывал ему всего два решения. Во-первых, если Ли Стреттон назвала его «дорогим», выдавая себя за его жену, значит, ему самому следует вести себя как подобает любящему мужу. А во-вторых, когда он доберется до Уилла Грантли, в Англии станет одним безмозглым священником-предателем меньше.

— Ли, милая! — воскликнул он, расплываясь в притворной улыбке. — Ты застала меня врасплох...

— Вот и хорошо, — отозвалась она, глядя на него в упор. — Так и было задумано.

Ее взгляд не оставлял сомнений в том, что она с умыслом появилась в доме Адриана и теперь от души наслаждалась его замешательством.

Но почему?

«И вправду, почему?..» — задумался Адриан, понемногу приходя в себя. Ему повезло, что Ли явилась сюда одна и без оружия. Только теперь он удосужился задуматься о том, есть ли у нее братья, притом взрослые братья? Адриан с запозданием на две недели вспомнил об этом.

Но первым делом следовало прогнать нарастающие недоверие и подозрение с лиц зрителей.

Словно на крыльях подлетев к Ли, он схватил ее за плечи.

— Господи, как я соскучился по тебе! Когда ты появилась на пороге, я решил, что у меня начинаются галлюцинации, что от одиночества я лишился рассудка! А теперь... — Он прижал ее руки к своей груди, а потом крепко обнял. Она растерянно заморгала: ее самообладание дало трещину.

«Отлично! — мысленно заключил Адриан. — Не будешь пугать меня».

— Теперь я убежден, что передо мной — настоящая, живая Ли из плоти и крови! — продолжал он с чувством. — Я просто обязан исполнить мечту, которую лелеял с тех пор, как оставил тебя в Девоне целую вечность назад!

Не сводя глаз с Ли, он склонил голову. Он заметил вспышку гнева в ее глазах, почувствовал, как она напряглась, однако Ли не дрогнула и не попыталась вырваться. Если бы она выказала испуг, удовлетворенный Адриан наверняка не стал бы настаивать. Но поскольку Ли оказалась неробкого десятка, он стиснул ее в объятиях и приоткрыл губы, завладевая ее ртом, как полагалось пылкому мужу, вынужденному сдерживаться в присутствии посторонних.

Впрочем, Адриану редко приходилось сдерживаться; и он не собирался изменять своим привычкам и впредь, а тем более в присутствии этой самонадеянной и дерзкой особы. Он целовал ее долго и страстно, почти забыв, что на них смотрят и что сам поцелуй — всего лишь притворство. Его кровь забурлила, одна ладонь скользнула на соблазнительную округлость бедра Ли — так, словно он имел полное право прикасаться к ней.

Наконец Адриан опомнился и медленно поднял голову, наблюдая, как трепещут длинные темные ресницы Ли.

— В Уэстерхэме, — произнесла она уверенным и внятным голосом, который услышали все присутствующие. Адриан нахмурился:

— О чем ты?

— Я говорю, ты оставил меня не в Девоне, а в Уэстерхэме. Или ты уже забыл?

Уэстерхэм. Церковь святой Анны. Ну разумеется! А в Девоне Адриан поселил вымышленную сестру Ли. Но она не могла знать ни об этом, ни о других подробностях своей жизни, выдуманных Адрианом сегодня вечером. Назревал скандал.

Впрочем, какой еще скандал? Адриан чуть не рассмеялся вслух своему нелепому предположению. Происходящее превращалось в настоящую катастрофу у него на глазах!

— Нет-нет, я ничего не забыл! — нежно заверил он. — Но когда ты рядом, мне трудно помнить даже о том, как полагается дышать.

— Не волнуйся, милый. Если понадобится, я подскажу. К счастью, я в совершенстве владею искусством дыхания.

— Вижу, — пробормотал Адриан, заметив злорадный блеск в глазах Ли, которая взирала на него с притворным обожанием. Разжав объятия, он обернулся к гостям: — Прошу простить мою неучтивость. На минуту я совсем забылся.

Сэр Артур поспешил отозваться;

— Тебя можно понять, Рейвен. Не беспокойся.

— Да, новобрачные вправе претендовать на снисходительность, — подхватила его жена, глаза которой горели, как у гончей, почуявшей добычу. — Особенно после долгой разлуки... А теперь, Рейвен, вы непременно должны познакомить нас с новой... гостьей.

— Разумеется... — Представляя Ли собравшимся, Адриан был предельно краток, однако ему все же пришлось произнести ненавистные слова «моя жена». Впрочем, в голове у него мелькало нечто вроде кузины и воспитанницы.

Непоправимое уже свершилось. Ему оставалось надеяться лишь на то, что разразившийся скандал будет не слишком громким. Чтобы избежать самого худшего, он начал придвигать к столу ближайшие из стульев, прежде чем гости вновь успели сесть.

— Надеюсь, вы поймете меня, если ужин закончится преждевременно? — заявил он, увидев, что гости медлят, расспрашивая Ли о здоровье и путешествии... Именно об этом ему не терпелось поговорить с ней наедине. — Боюсь, что если она... Ли... то есть моя жена, переутомится, недуг вновь одолеет ее.

Жена взяла его под руку.

— Твои заботы весьма трогательны, дорогой, но напрасны. Врач заверил меня, что у женщин моего возраста камни в почках образуются крайне редко, поэтому болезнь вряд ли возобновится.

Камни в почках? Адриан похолодел.

— Камни? — воскликнула леди Хоклифф. — Так вот что с вами случилось! Бедняжка, какой ужас! — И она погрозила Рейвену сложенным веером. — Чудовище! На месте вашей жены я никогда не простила бы вам такого предательства! Подумать только, вы оставили ее одну, совсем беспомощную!

— У меня впереди целая жизнь, чтобы загладить свою вину, — провозгласил Адриан, поцеловав руку Ли. Мягким пожатием он предупредил жену, что немного погодя сумеет выжать из нее всю правду.

Герцог Рейвен выпроводил своих гостей с бесцеремонностью, которую Ли сочла отвратительной, но не особенно удивилась. За время продолжительных бесед со стеснительным мистером Грантли она успела узнать, что, к величайшему сожалению, стала женой одного из самых надменных и избалованных негодяев, каких когда-либо носила земля.

Очарованный ею — хотя Ли не считала себя ни опытной, ни по крайней мере сноской чаровницей, — мистер Грантли нехотя признался, что ее муж имеет скверную репутацию, завоеванную многочисленными скандальными выходками. Герцога считали бессердечным и порочным человеком, однако, по уверению Грантли, в глубине души его друг раним и великодушен.

Очевидно, эти достоинства он прятал чересчур старательно.

Короче, если бы у Ли появилась возможность выбирать из всех мужчин мира, свой выбор на герцоге она не остановила бы ни при каких обстоятельствах.

Но размышлять об этом бесполезно, напомнила она себе, наблюдая, как расходятся гости. Ее единственное преимущество в том, что даже человек с репутацией Рейвена наверняка постарается избежать публичного разоблачения.

— Идем со мной! — велел он в тот же миг, как остался наедине с Ли.

Уже успев оправиться от последствий дерзких объятий и поцелуя. Ли не шелохнулась. Она молча смотрела вслед удаляющемуся герцогу.

Дойдя до конца коридора, он оглянулся.

— Может, вы не только скверно воспитаны, но и глухи? — громогласно осведомился он.

Сдерживая судорожно бьющееся сердце. Ли неторопливо огляделась.

— Вы, кажется, не ко мне обращаетесь? Судя по вашему тону, я решила, что вы зовете собаку...

— Нет. — Рейвен зло усмехнулся. — Своих собак я учу откликаться на свист.

— Весьма предусмотрительно с вашей стороны. А что еще вы умеете делать?

Его брови взлетели вверх. В глазах мелькнуло раздражение, граничащее с гневом. Но Ли по-прежнему не двигалась с места.

Минута, пока Рейвен молча смотрел на нее, показалась Ли самой длинной в жизни. Наконец герцог с преувеличенно низким поклоном сделал приглашающий жест рукой:

— Мадам, не соблаговолите ли оказать мне честь, позволив проводить вас в библиотеку, где мы могли бы наедине поговорить о деле большой важности для нас обоих?

Ли улыбнулась, ободренная первой маленькой победой:

— С удовольствием.

На этот раз Рейвен пропустил ее вперед, поднимаясь по лестнице. Библиотека располагалась в глубине просторного, но мрачного особняка. «Тоже мне „дом Рейвена“, — думала Ли. — Скорее уж „берлога Рейвена“!» Шагая по коридору, она украдкой оглядывалась по сторонам и по привычке, появившейся у нее в последнее время, прикидывала, впишется ли этот особняк в ее планы. Дом явно нуждался в ремонте, но заниматься им было некогда. Болезнь и без того отняла у Ли слишком много времени. Пожалуй, хватит и основательной уборки, цветов да, пожалуй, небольшой подкраски.

Если сегодняшний вечер пройдет, как было задумано, вскоре она сумеет пригласить к

себе Кристиану. Только вместо скромного домика в Найтсбридже, единственного жилья, которое позволяли снять ее стесненные средства, Ли вывезет Кристиану в свет из самого фешенебельного особняка во всем Лондоне — не говоря уже о том, что ей окажут поддержку состояние и влияние герцога Рейвена. Если ее новоиспеченный муженек считает, что сумел откупиться пригоршней золотых монет, то он глубоко заблуждается!

— Прощу. — Рейвен указал на кожаное кресло и сдвинул в сторону кипу газет и счетов, освобождая для себя место на углу письменного стола. Сняв плащ, Ли села.

Наступило молчание.

Ожидая, когда хозяин дома заговорит, Ли сложила руки на коленях и огляделась. Вдоль двух стен комнаты выстроились шкафы, набитые книгами в кожаных переплетах. У Ли даже зачесались руки от желания перебрать их. Возле третьей стены высился массивный камин, а четвертую занимали высокие окна, выходящие в огромный сад — такой же запущенный, как и дом. Придется заняться садом в первую очередь, решила Ли, представляя себе живописный оазис пестрых цветов и зелени, где Кристиана могла бы принимать поклонников в погожие дни, Да, это было бы великолепно!

Воспользовавшись затянувшимся молчанием, она внимательно рассмотрела географические карты в рамках, тонкие узоры персидского ковра и... картины с обнаженными фигурами, висящие по обе стороны двери. Не заметить последние было невозможно. С преобладанием ярко-малиновых оттенков, они оживляли мрачную комнату и изображали двух самых пышнотелых и сладострастных женщин, каких Ли когда-либо случалось видеть.

Ли удалось окинуть их таким же безмятежным взором, каким она обводила всю комнату. Картинам она уделила не больше внимания, чем хрустальным графинам или деревянному глобусу — как будто эротические сюжеты давным-давно наскучили ей. Но по правде говоря, она с трудом сдерживала желание подойти поближе к картинам и как следует рассмотреть их.

Несколько раз она искоса поглядывала на мужчину, сидящего напротив. Герцог обладал высоким ростом и безупречным сложением. Он предпочитал одеваться в утонченном и элегантном стиле лорда Браммела. Когда Ли читала об этом законодателе моды, ей представлялся несколько мрачный, но романтичный образ, и Рейвен не разочаровал ее. Черные сапоги, облегающие черные панталоны, черный жилет и сюртук, подчеркивающие безупречную белизну рубашки и галстука, выгодно оттеняли бронзовое лицо герцога и его глаза — самые синие в мире.

Именно таким Ли в мыслях и рисовался этот человек — любитель скандальных выходок, сердцеед, который относился с глубоким пренебрежением ко всем, кроме самого себя. Любой женщине в здравом уме следовало бы подхватить юбки и броситься наутек в тот же миг, едва Рейвен попытался бы поцеловать ее. К несчастью, бегство не было выходом для Ли.

— Итак, — неожиданно нарушил молчание Рейвен, — я жду.

Ли ответила ему вопросительной гримаской. Взгляд Рейвена, прежде надменный и бесстрастный, стал пронзительным.

— Жду объяснений, — уточнил он. — Почему вы ворвались сюда без приглашения, не предупредив меня?

— А по-моему, объяснений должна потребовать именно я.

— Вы? У меня? — Рейвен скрестил руки на груди и издал краткий недоверчивый

смешок. — А вам известно, кто я такой, мадам?

— Разумеется. Должна с прискорбием сообщить, что вы мой муж.

— Я герцог, — нетерпеливо поправил он.

— Следовательно, я герцогиня, — тихо, но твердо изрекла Ли. — Точнее, ваша герцогиня, ваша светлость. В доказательство могу представить подписанное вами письмо и вот это кольцо.

Она протянула вперед левую руку, надеясь, что она не задрожит. По словам мистера Грантли, массивное золотое кольцо с печаткой надел ей на палец сам Рейвен.

— Это не доказательство. Кольцо вам велико.

— Было велико, а теперь впору. — Ли повернула руку ладонью вверх. — Мистер Грантли был так любезен, что отослал кольцо ювелиру.

— Правда? Значит, мистер Грантли...

— Порядочный человек, — перебила Ли. — Он глубоко сожалеет о роли, которую ему навязали в этом фарсе, и потому заверил меня, что готов оказать всяческую помощь. Я на него не в обиде. Людям свойственно ошибаться.

— Еще бы! — Рейвен вскочил и принялся вышагивать по комнате.

— По-моему, вы оказываете на него дурное влияние.

— Вот как? — Обернувшись, Рейвен снова пронзил ее гневным взглядом. Ли вдруг показалось, что герцог в любую секунду может оскалить зубы. — А что еще вам известно о моем характере, герцогиня?

— Известно кое-что, но об этом потом.

Хрипло рассмеявшись, Рейвен провел ладонью по своим темным волнистым волосам, откидывая их со лба. На его лице играл золотистый отблеск свечей.

Он чересчур хорош собой, решила Ли. Его лицо приковывало взгляд — так иной раз невозможно оторваться от превосходной картины. Однако Ли не могла вообразить себе картину, при виде которой ее сердце забилося бы так бешено, как в эту минуту.

— Это безумие, — наконец выпалил Рейвен, безвольно опуская руки.

— И я того же мнения.

— Вы все равно ничего не добьетесь.

Ли вскинула брови:

— О чем вы?

— О том, что привело вас сюда! — Рейвен нетерпеливо взмахнул рукой.

— Всего две недели назад я охотно согласилась бы с вами. Правда, в то время я считала абсолютно невозможным заболеть, а через несколько дней, придя в себя, обнаружить, что ты стала женой совершенно незнакомого человека. Смею добавить: человека сомнительной репутации.

Губы Адриана насмешливо изогнулись.

— Вы же сказали, что с критикой в мой адрес можно подождать.

Ли согласно кивнула.

— Ну ладно! — Герцог схватил стул и уселся на него верхом, не спуская глаз с Ли. — Я совершил ошибку и раскаиваюсь в этом. Во что она обойдется мне?

— Обойдется?

— Вот именно. Назовите свою цену.

— Ах вот как? — Ли окинула его внимательным взглядом. — Скажите, сэр, в чем именно вы раскаиваетесь: в том, что совершили гнусный, непростительный поступок, или в

том, что вместо труппы обрели жену?

Рейвен вдруг почувствовал неловкость, несмотря на всю свою дерзость.

— Послушайте, леди Стреттон... то есть Рейвен... — Он раздраженно вздохнул; — Не знаю даже, как к вам обращаться...

— Не вижу ничего плохого в том, что вы будете звать меня Ли. — Она помолчала. — В конце концов, мы женаты.

Идеально правильные губы герцога сложились в печальную улыбку, и в глубине души Ли шевельнулось некое теплое, непривычное чувство. Должно быть, разыгрались нервы, решила она.

— Хорошо, Ли. — Он ослабил галстук. — Я хотел сказать, что искренне сожалею о случившемся. У меня и в мыслях не было оскорбить вас — напротив, я был готов оплатить все ваши расходы. Надеюсь, добропорядочный мистер Грантли сообщил вам об этом?

— Он рассказал мне все.

— Предатель! — прошипел Рейвен.

— Потому что он служит Богу?

— Уилл? Как бы не так! Чаще всего он служит себе.

— Мистер Грантли посвящен в духовный сан!

— А кто, по-вашему, посвятил его... по крайней мере замолвил за него словечко?

— Он объяснил, что его благодетель вы. — Герцог удовлетворенно кивнул. — В таком случае принуждение с вашей стороны выглядит непростительным.

— Принуждение? — переспросил Адриан. — Да я в ту ночь был пьян! И его преподобие Уилл — тоже. Неужели он умолчал об этом? Все мы были навеселе. Колин вдруг вспомнил, как Реджи Плимpton овдовел почти сразу после женитьбы, вот я и подумал...

— Вы подумали: «Как удобно!» — оборвала Ли герцога, оскорбленная его попыткой оправдаться. — Да-да, мне известно о том, что вы замыслили! Вы считали, что нашли способ превратить брак в защиту от навязчивого внимания дам и при этом не обременять себя заботами о жене!

Адриан пожал плечами:

— Да, что-то вроде того.

— А поскольку я, на ваше счастье, была в забытьи, вы не удосужились спросить моего согласия или выяснить, как я отношусь к вашему решению. Мои мысли, чувства и желания не имели для вас ни малейшего значения! И правда, зачем было задумываться обо мне? Ведь вы же мужчина, джентльмен, пэр Англии! А я всего-навсего женщина, чья жизнь и смерть зависят от ваших прихотей. И смею добавить, капризов рассудка, затуманенного вином!

Внезапно Ли с досадой заметила, что она дрожит. Она не часто теряла самообладание, в сущности, всегда избегая проявления любых сильных чувств. Эту встречу она все откладывала до тех пор, пока не сумела успокоить бурю в душе, вытеснить гнев здравым смыслом, а горечь — тщательно продуманным планом. По крайней мере самой Ли казалось, что в этом она преуспела. Но теперь, когда она так нуждалась в рассудительности и уверенности, самообладание грозило покинуть ее.

Этого она не могла допустить; Она не четырнадцатилетняя девочка, которая трепещет под строгим взглядом отца. Она вовсе не собиралась обливаться слезами или умолять его. Следовало как можно скорее взять себя в руки и перейти к делу.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, Ли приготовилась к наступлению.

Тут она обнаружила, что Рейвен наблюдает за ней с циничной усмешкой на лице. Его

вид лишь укрепил Ли в своем решении.

— Вы закончили? — осведомился он.

— Да.

— Теперь вам легче?

— Нет. Легче мне станет, когда мы уладим злополучное затруднение, виновник которого вы.

— Стало быть, теперь это всего-навсего «злополучное затруднение»? А ведь всего несколько минут назад вы, герцогиня, относились к этому событию гораздо серьезнее и даже в доказательство пылко предъявили мне свое кольцо!

— Ваше кольцо, — поправила Ли. — Но при чем тут пылкость и серьезность? Рискую разочаровать вас, ваша светлость, я все же замечу, что мы всего лишь супруги, а не любовники.

— Боже упаси! Такое мне и в голову не приходило! — Губы Рейвена сжались. — Но довольно препирательств! Перейдем к делу. Чего вы хотите от меня, герцогиня? Денег, драгоценностей? Собственный особняк в городе?

— Ни то, ни другое, ни третье, — отозвалась Ли, почувствовав, что наступил долгожданный момент. — Я требую только того, что вы пообещали мне при свидетелях и перед лицом Бога.

Рейвен озадаченно нахмурился.

— Быть моим мужем, — подсказала Ли.

Он стремительно вскочил, опрокинув стул.

— Вы предлагаете и дальше ломать эту нелепую комедию?

— Я ничего не предлагаю. Я требую, чтобы вы сдержали слово.

— Но это же абсурд! Мы даже не знакомы...

Ли тоже поднялась. Если герцогу вздумалось бушевать, ему придется смотреть ей в глаза.

— О том, что мы совершенно чужие люди, вам следовало задуматься, прежде чем обмениваться со мной клятвами.

— Никакими клятвами мы не обменивались! — возразил Рейвен. — Вы были на грани обморока.

— Кому об этом известно?

— Мне! — рявкнул Рейвен. — И всем, кто присутствовал на церемонии!

— А мне нет, — возразила Ли. — И мистеру Грантли тоже. Он заверил, что если бы не услышал мой голос, то был бы обязан прервать церемонию.

— То, что он услышал... — Рейвен осекся и раздраженно покачал головой. — Словом, об этом не стоит и говорить. Весь этот брак — фальшивка, и никакой суд не поверит вам, если вы попытаетесь доказать обратное.

— Вот именно.

Эти слова стали для Рейвена полной неожиданностью. На миг ему показалось, что он все перепутал и забыл, кто виновник всей этой истории.

Он метнул в Ли испытующий взгляд:

— Так чего же вы добиваетесь, мадам?

— Того же, что и несколько минут назад. Я хочу, чтобы вы сдержали свои обещания... по крайней мере на время.

— А если я откажусь? — поинтересовался Рейвен, скрестив руки на груди и с вызовом

вздернув подбородок.

В этот момент Ли окончательно поняла, что любое проявление слабости или растерянности обернется против нее. Она распрямила плечи.

— Тогда я буду вынуждена погубить вашу репутацию — так, как вы погубили мою.

Рейвен громогласно расхохотался.

— Что в этом смешного? — с упреком спросила Ли, едва сдерживая гнев.

— Каждое слово! — отозвался он, вытирая выступившие от смеха слезы. — Мадам, если ваша цель — погубить мою репутацию, мне остается лишь пожелать вам удачи. За многие годы я сам сумел нанести по своей репутации пару чувствительных ударов, и теперь, боюсь, мое доброе имя навсегда запятнано.

— Мне хорошо известно, что вы пользуетесь славой...

— Подлеца? Развратника? Исчадия ада?

— Повесы. Но женитьба на умирающей женщине без ее согласия — поступок непростительный даже для титулованного джентльмена.

Рейвен пренебрежительно скривил губы.

— Вы были бы изумлены, узнав, что оправдать можно любое преступление — за определенную мзду.

Ли ахнула, встревоженная тем, что разговор принимает совсем другой оборот.

— А если пойдут слухи?

— Ну и пусть, — пожал плечами Рейвен.

— Вы хотите сказать, вам нет дела до того, что думают и говорят о вас люди?

— Ни малейшего!

Похоже, собеседник Ли говорил правду. Внезапно она поняла: каким бы отвратительным ни казался ей Рейвен, судя по описаниям мистера Грантли, священник существенно приукрасил истину. Рейвен — отъявленный мерзавец. Ли лихорадочно обдумывала следующий шаг, помня, что у любого есть уязвимое место.

— А как же ваши друзья? — наконец спросила она. — Мистер Грантли может понести суровое наказание. Чем карается незаконное проведение брачной церемонии? Кажется, четырнадцатью годами каторги?

Герцог издевательски усмехнулся:

— Меткий удар, жаль только, мишень выбрана неудачно. Видите ли, сейчас я и сам не прочь отправить добрейшего викария в Австралию.

— Вы готовы потерять и второго друга — адвоката? Его наверняка призовут к ответу — по крайней мере попросят объяснить, каким образом ваша подпись очутилась на разрешении на брак, оформленном задним числом?

— Старина Колин живуч, как кошка, — возразил Рейвен, иронической улыбкой беспощадно сокрушая надежды Ли. — У него девять жизней. Колин выкарабкается. А что касается разрешения на брак... — Он пожал плечами. — Это обойдется недорого.

— Какая жалость, что вам не хватит денег купить весь Лондон! — фыркнула Ли.

— Кто сказал, что мне их не хватит?

Во время затянувшейся паузы ошеломленная Ли успела как следует обдумать слова герцога и осознать их смысл.

— Ну что ж, — наконец произнесла она, — значит, мне остается только пожелать вам удачи. Потому что удача вам понадобится, когда весь город узнает о том, что вы натворили. Несомненно, ваши друзья оскорбятся, обнаружив, что вы их обманули. — В этот момент

челюсть Рейвена впервые дрогнула, и Ли воспрянула духом, надеясь, что пущенная ею стрела попала в цель. Заложив за спину дрожащие руки, она пристально вгляделась в лицо герцога. — Любопытно, что вы им наплели обо мне? Мне показалось, они обрадовались знакомству...

— Припишите их радость любопытству, — притворно-беспечным тоном откликнулся герцог. — Я сказал им, что вы сбежали из монастыря.

Ли ахнула:

— Вы, конечно, шутите?

Рейвен покачал головой:

— Насколько мне известно, это правда. Вы целуетесь точь-в-точь как монашка.

— Ложь! — возмутилась Ли. — Откуда вам известно, как целуются монахини?

— Вам об этом лучше не знать, — заявил Рейвен.

— Вы правы. Но я жду ответа на свой вопрос. Вы намерены сдержать клятву или нет?

— Вы хотите сказать, согласен ли я до конца жизни расплачиваться за свою ошибку?

— Не до конца жизни, — поправила Ли, — а лишь в течение нынешнего светского сезона.

В глазах герцога вспыхнуло любопытство.

— Но зачем?

— Чтобы я сумела осуществить свои планы. Надеюсь, вам понятен такой мотив, как личные интересы.

— Что еще за интересы? — допытывался герцог, пропустив шпильку мимо ушей.

— Я отправилась в путешествие лишь с одной довольно простой целью — чтобы моя младшая сестра провела светский сезон в столице.

— Кристиана... — пробормотал Рейвен.

— Да. — Ли подозрительно прищурилась. — Откуда вы знаете, как ее зовут?

— В ту ночь вы несколько раз повторили это имя в бреду.

Ли потупилась, на щеках проступил румянец.

— Мистер Грантли говорил, что вы провели у моей постели всю ночь...

— Это правда. Вас мучил жар. Когда я прикладывал к вашему лбу холодный компресс, вы успокаивались.

Эта картина отчетливо возникла перед глазами Ли, прояснив обрывочные воспоминания, которые преследовали ее с тех пор, как она пришла в сознание. Ей вспоминался низкий, успокаивающий голос, бережные прикосновения. Должно быть, она и вправду была при смерти. Человек, стоящий перед ней, просто не способен быть заботливым и ласковым.

— Полагаю, вы ждете от меня слов благодарности? — нарушила Ли затянувшееся молчание. — Вот они: спасибо, что вы погубили мою жизнь.

Пряча усмешку, герцог поклонился.

— Не стоит благодарности, мадам. А теперь объясните, почему вашей сестры нет здесь с вами.

Чуть помедлив, Ли неохотно ответила:

— Я решила сначала обосноваться в городе, а затем послать за сестрой в Бэмборо.

— В Бэмборо?

— Да, там мы живем — в деревушке у самой западной границы. О ней вы вряд ли слышали. Деревня совсем невелика, — добавила она. — Если пропустить поворот дороги,

ведущий к ней, окажешься в Шотландии.

— Для одинокой женщины это слишком долгое и опасное путешествие. Почему вы не взяли с собой сестру?

— Я предпочла бы путешествовать вдвоем, но Кристиане всего восемнадцать, ей вряд ли хватило бы терпения подыскивать жилье и приводить его в порядок. Я решила приехать в город заранее, уладить все дела, а затем послать за Крисси. наших родителей уже нет в живых, поэтому вся ответственность за судьбу Крисси лежит на мне, — заключила она.

— Понятно... — На лице Рейвена появилось задумчивое и скептическое выражение. — Скажите, мадам, чем ваша сестра намерена заняться в Лондоне? Посещать музеи и галереи?

— Да, мы побываем в одном-двух музеях, — подтвердила Ли, уверенная, что Крисси предпочтет посещение модных лавок на Бонд-стрит.

— А может, ей по душе более тихие, умственные занятия?

Тихие, умственные занятия — и Крисси? Ли прикусила язык, чтобы сдержать смешок.

Рейвен продолжал:

— В таком случае она предпочтет уединение в читальне одного из научных обществ столицы. Вероятно, она увлекается астрономией? Или ботаникой?

— По правде говоря, — не выдержала Ли, — Крисси очень живая, общительная девушка. В детстве она умела сама занять себя, но с недавних пор одиночество стало тяготить ее.

Рейвен изумился:

— Неужели, кроме вас двоих, в Бэмборо больше никто не живет?

— Разумеется, нет, но в Лондоне у Крисси появится возможность бывать на балах и приемах, знакомиться с джентльменами... — Поежившись под пристальным взглядом Рейвена, Ли тяжело вздохнула и добавила: — Джентльменами, которые годятся в мужья.

— Вот мы и добрались до истины! Вы приехали, чтобы заманить в капкан мужа для сестры!

Ли нахмурилась:

— Заманить в капкан мужа? Скорее, помочь сестре попасть в ловушку брака — если вспомнить о неравенстве ч прав супругов. Но если Крисси хочет иметь семью, значит, я обязана ей помочь. И я сделаю все возможное, лишь бы моя сестра была счастлива!

— Даже если для этого понадобится стать моей женой?

— Да.

— Какая преданность! — Рейвен вынул из шкафа бутылку бренди и с вопросительным взглядом протянул ее Ли.

Она молча покачала головой.

Отмерив себе щедрую порцию бренди, Рейвен выпил его залпом.

— О преданности и любви близких у меня имеются самые смутные представления. Мой опыт исчерпывается общением с отцом, который всю жизнь запрещал мне то, о чем я мечтал, и с матерью, поглощенной своими туалетами.

— Очень жаль, — негромко отозвалась Ли.

Адриан отвернулся. Он понятия не имел, что заставило его заговорить о родителях, но неподдельное сочувствие в голосе Ли неожиданно тронуло его.

— Мне не о чем жалеть, — возразил он, снова оборачиваясь к ней. — Все, что ни делается, — к лучшему. А как насчет вашего счастья, дорогая супруга? — осведомился он. — Может быть, вы надеялись отпраздновать в столице сразу две свадьбы?

Ее смех прозвучал чуть смущенно, заставив герцога взглянуть в ее лицо.

— Не совсем так. Видите ли, я давно вышла из возраста дебютантки. И кроме того, все, о чем я мечтаю, ждет меня дома.

— Что же это? — Внезапно Рейвен уловил в голосе Ли странный оттенок — задумчивости или облегчения? Этого он не знал.

— Мне нравится писать, работать в саду и, конечно, заниматься хозяйством.

— Как романтично! — сухо заметил он.

— Боюсь, романтической особой меня не назовешь.

— Вот как? — Рейвен внимательно оглядел ее, вспоминая о рукописи, найденной в саквояже. — А что будет с нами?

— С нами?

— Ну, вы понимаете: «пока смерть не разлучит нас» так далее...

Ли закатила глаза.

— Прошу вас, пощадите! Для нас я придумала нечто несравненно более разумное и менее продолжительное.

— Так объясните.

— Наш «брак» продлится до тех пор, пока Кристиана не выйдет замуж. В присутствии посторонних мы должны изображать идеальную пару, внимательных, ласковых и преданных друг другу супругов... Не надо хмуриться! Внезапный брак неизбежно вызовет подозрение. Зная вашу репутацию сердцееда, я не позволю вам давать повод для сплетен, заводя романы на стороне.

— А если ваша сестра не выйдет замуж?

— Выйдет. Кристиана красива, кокетлива, к тому же ее не назовешь синим чулком. Следовательно, она вполне отвечает требованиям светских джентльменов.

— Только глупец взялся бы спорить с вами, — сардонически заметил Рейвен. — А если я соглашусь?

— В таком случае мы разведемся сразу после свадьбы Кристианы, и я больше никогда не переступлю порога вашего дома.

Пройдя по комнате, Рейвен рухнул в кресло за столом. Взгромоздив на стол ноги, он взглянул в лицо Ли. Опыт советовал ему не верить ни единому слову, — Рейвен уже успел убедиться, что все женщины склонны к коварству и неизменно вынашивают тайные планы. Если Ли призналась, что подыскивает мужа для сестры, значит, этим дело не ограничится.

Впрочем, герцог признавал, что его новоиспеченная жена недурна собой. Убедительная решимость сочеталась в ней с трогательной робостью, а на неожиданный поцелуй она ухитрилась ответить со сдержанной страстью. Возможно, она и вправду была родом из глухой деревушки, но вместе с тем ничуть не походила на провинциалку. Ни видом, ни речью она не напоминала робкую деревенскую простушку, и, кроме того, невинной, неопытной девице и в голову не пришло бы предлагать такой выход, а тем более излагать его так подробно.

Рейвен не доверял ей. Вот уже десять лет он не доверял ни единой женщине. И даже если бы ему вздумалось изменить этой привычке, он ни за что не начал бы с женщины, которая не скрывала далеко идущих намерений.

И все-таки ее предложение звучало заманчиво, притом во многих отношениях. Ли Стреттон оказалась красивой женщиной, она не оставила герцога равнодушным, а мысль о том, что она будет жить под крышей его дома, совсем рядом, отнюдь не вызывала

недовольства. Особенно его согревало упоминание о том, что это сожителство будет временным. Поверить в такую удачу было почти невозможно — безобразная выходка Рейвена заслуживала порицания, а не наград.

Следовало задуматься еще кое о чем — о репутации. Рейвен предпочел умалчивать об этом, но знал, что прослыть ловеласом — одно дело, а оказаться уличенным во лжи — совсем другое. Он сам оповестил знакомых о своем браке. Мало того, он похвалялся им! И самое худшее — сегодня вечером он встретил Ли словно жену и таким же образом представил ее шестерым самым отъявленным сплетникам во всем Лондоне. Теперь объяснить ее внезапное исчезновение будет по меньшей мере затруднительно.

И наконец, Рейвен вспомнил о Лондонском доме птиц. Маска верного мужа не только поможет ему осуществить этот замысел, но и придаст убедительность его заверениям в том, что он решил покончить с прошлым.

Адриан прекрасно понимал, что пытается уговорить себя согласиться на условия Ли. Но к его удивлению, решающей причиной оказалась не красота Ли и не его собственные планы, а маленькая, едва заметная морщинка между ее бровями. Вытянувшись в струнку и вцепившись в подлокотники кресла, Ли ждала его решения.

Незачем тратить время, обдумывая ее предложение или собственные намерения, уверял себя герцог. Ли открыто предложила сравнительно безобидный выход из положения. Не просто безобидный, но и надежный — Адриан преисполнился решимости выдать ее сестру замуж к концу сезона, даже если для этого придется подкупить жениха. Два-три месяца плена, и затруднение разрешится, а ему больше не понадобится вспоминать о Ли Стреттон и злополучной разгульной ночи.

— Вы говорите, при посторонних мы должны разыгрывать идеальную пару, — начал он, открывая шкатулку. — Не возражаете? — спросил он, показывая вынутую сигару.

— Ничуть, — улыбнулась Ли. — В конце концов, вы здесь хозяин.

Отрадное убеждение, подумал Адриан, прикуривая сигару.

— А как мы будем вести себя, оставаясь наедине?

Даже если Ли поняла намек и смутилась, то ничем не выдала свое замешательство.

— Мы будем как можно меньше общаться друг с другом. Но я настаиваю на одном условии: никто, даже ваши друзья — мистер Грантли и мистер Торнтон, не должен знать всей правды.

— Не поздновато ли вы спохватились?

— Нет, если мы проявим находчивость. Мы просто объясним, что решили воспользоваться случаем, а это почти не искажает истину, и попросим молчать о том, при каких обстоятельствах совершился наш брак. А вот к Кристиане нужен более деликатный подход. Мы с ней очень близки — боюсь, она быстро заподозрит неладное.

— Не проще ли будет сказать ей правду?

— Ни в коем случае! Она оскорбится за меня, начнет беспокоиться, терзаться угрызениями совести, уверенная, что я решилась на такую жертву ради нее, и все испортит. У нее есть только одна возможность начать жизнь, о которой она давно мечтала, и я не хочу упустить эту возможность. Я не позволю сплетничать ни друзьям, ни слугам. Иллюзия должна быть полной.

— Конечно, — пробормотал Адриан, медленно обводя Ли взглядом и воображая себя в роли ее мужа.

— Значит, вы согласны?

— В любое другое время, столкнувшись со столь возмутительным наступлением, я подал бы на вас в суд. Видите ли, мне нравится быть участником шумных, пикантных скандалов. Скандалы оживляют светскую жизнь и помогают держать в узде самых рьяных охотниц за мужьями. Но сейчас я затеял одно... щекотливое дело, которому сплетни только повредят. Поэтому, — заключил он, протягивая Ли руку, — я согласен вступить с вами в сделку.

— Превосходно! — Ли обменялась с Адрианом рукопожатием, продолжавшимся ровно столько, сколько требовали правила приличия.

И все-таки Адриану хватило времени почувствовать знакомую нежность ее кожи и убедиться, что рука Ли полностью умещается в его ладони.

— Я немедленно напишу Кристиане, чтобы сообщить о нашем браке и передать, что вам не терпится принять ее здесь, в Рейвен-Хаусе, — сообщила Ли.

— Здесь? — Адриан поднялся, швырнув сигару в мраморную пепельницу. — *Вы хотите сказать, что намерены поселить сестру в моем доме?*

Ли покачала головой, словно упрекая не слишком смышленного ребенка:

— Конечно, где же еще?

Адриан нахмурился: к такому повороту он оказался не готов. Откуда ему было знать, как вывозят младших сестер в свет?

— А где вы собирались поселиться раньше? — полюбопытствовал он.

— Я сняла на сезон небольшой дом в Найтсбридже, но о том, чтобы Крисси жила там без компаньонки, не может быть и речи. Кроме того, ваш особняк гораздо лучше подходит для приема визитеров и для званых вечеров.

— Визитеров? Вечеров?! — Адриана затошнило.

— Конечно. Во всем этом кошмаре меня утешает только одно, — призналась она, довольно улыбаясь. — Под вашим покровительством Кристиана удачнее и быстрее выйдет замуж.

«Под вашим покровительством...» Теперь все ясно: на шее у него оказалась не только жена, но и юная девственница. Это у него-то, убежденного холостяка! На миг Адриану показалось, что какой-то проказник перевернул весь мир с ног на голову.

— Ладно, пусть остается здесь, — решил он, — но сразу предупреждаю: я отказываюсь принимать какое бы то ни было участие в охоте на мужа.

— Вот и хорошо, — подытожила Ли, взяла плащ и перебросила его через руку.

Расправляя складки плаща, она повернулась спиной к Адриану. Выбившаяся из тяжелого узла волос блестящая рыжеватая прядь упала ей на хрупкое полуобнаженное плечо в вырезе бледно-зеленого платья. Внезапно Адриан вообразил себя развалившимся в кресле в своей спальне: он мысленно наблюдал, как Ли распускает волосы, стоя перед зеркалом. К его удивлению, зрелище оказалось весьма соблазнительным.

Дав волю фантазии, он распустил шнуровку ее платья и кружевной нижней кофточки, которая плавно соскользнула по округлым бедрам и пышным облаком легла у длинных ног. Едва Адриан успел покинуть воображаемое кресло и повернуть Ли лицом к себе, она и в самом деле обернулась.

— Поскольку наш разговор закончен, — произнесла она, — будьте так любезны поручить кому-нибудь из слуг проводить меня в мою комнату.

— В вашу комнату?.. Ну разумеется! Торн проводит вас.

— Благодарю.

— Ли! — окликнул Адриан. Она оглянулась через плечо.

— В чем дело?

— Ваш план кажется вполне разумным, но что будет, если за это время вы влюбитесь в меня?

— Это исключено.

— Откуда такая уверенность? Большинство женщин находят меня неотразимым.

— И сильно заблуждаются, — сухо возразила она, — притом дают вам лишний повод гордиться собой. А я привыкла повиноваться рассудку. И кроме того, заранее предупрежденный — заранее вооруженный.

Адриан негромко рассмеялся:

— Тогда готовьтесь к бою. За шесть лет, проведенных в армии под командованием Веллингтона, я утратил вкус к легким победам.

— Прекрасно, потому что на этот раз вам придется смириться с поражением. Поверьте, Рейвен, гораздо вероятнее то, что вы влюбитесь в меня.

Улыбка сползла с его лица.

— Я не верю в любовь.

— Тогда нам обоим не о чем беспокоиться.

— Вы правы, и все-таки я считаю своим долгом предупредить...

Ли насторожилась:

— О чем?

— В начале разговора вы спросили, что еще я умею. Я убежден, что стоит мне захотеть, и я научу вас отзывать на свист.

Ее глаза округлились, затем сузились. Несколько секунд Ли стояла неподвижно, покусывая нижнюю губу с видом примерной школьницы, забывшей урок. Внезапно она вздернула подбородок, смерила прямым и откровенным взглядом Адриана с головы до ног и обратно, изучая каждый фут и дюйм его фигуры.

— Попробуйте, — коротко отозвалась она.

Адриан усмехнулся. Ли покинула комнату.

«Попробуйте...»

«Что это было — вызов? Или приглашение? Скоро узнаю», — думал Адриан, предвкушая нечто особенное. Да, сегодня ему пришлось пережить пару неприятных минут, но отныне все будет зависеть от него.

Разыгрывать идеального мужа в течение нескольких месяцев не способен разве что болван. Пожалуй, он даже сумеет преподать бедным женатым товарищам урок, как надо обращаться с женой. Ему не терпелось взяться за дело — по всем правилам сыграть роль мужа. Теперь, когда болезнь отступила, Ли казалась ему гораздо соблазнительнее. И слишком уж норовистой. Адриан и вправду презирал легкие победы.

Все дело в чутье, удовлетворенно размышлял он, откидываясь на спинку кресла и закуривая сигару. Когда речь заходит о женщинах, у мужчины либо есть это чутье, либо его нет. А сам Адриан никогда не жаловался на его отсутствие.

Ли повел в комнату слуга с удивительно подходящей ему фамилией Торн [\[1\]](#) — сутулый, с заросшим седой щетиной подбородком. Судя по всему, известие о том, что Ли останется в доме, его не обрадовало. Она никак не могла решить, чем вызвано недовольство слуги — ею самой, неприязнью ко всем женщинам или просто сварливым характером.

Предоставленная Ли спальня оказалась довольно большой, но загроможденной массивной старинной мебелью. Здесь было всего в избытке: лишний умывальник, несколько зеркал и целых восемь ламп. Похоже, в комнату стащили ненужный хлам со всего дома, словно никто не ожидал, что здесь когда-нибудь появится хозяйка.

Что ж, одним сюрпризом больше.

— Скажите, Торн, — начала Ли, смахивая толстый слой пыли с уродливой фарфоровой совы, — чем вы здесь занимаетесь?

— То тем, то другим — всем понемногу.

— Ясно. — Насколько понимала Ли, ключевым в ответе было слово «понемногу».

— Если вам что-нибудь понадобится, позвоните в колокольчик. — Слуга мотнул встрепанной седой головой, указывая на шнур, висевший возле черной ореховой кровати под балдахином.

— Благодарю. Моя горничная позаботится обо мне.

Слуга что-то проворчал — очевидно, снисходительно согласился с ее словами.

— У меня еще вопрос. Где находится спальня герцога?

— Вон там. — Слуга указал на дверь, соединяющую спальню Ли с соседней комнатой.

— Понятно. — Ли встревоженно уставилась на дверь. — А ключ...

— Потерялся, — известил ее слуга, — уже давным-давно. Но это не беда. Однажды я видел, как его светлость в ярости проломил кирпичную стену.

— Весьма поучительная история, — сухо заметила Ли. — Благодарю за предупреждение. Постараюсь лечь спать подальше от стены.

В глазах старого слуги промелькнуло нечто похожее на любопытство. Он вновь оглядел Ли.

— И правильно сделаете, ваша светлость. Жизнь и без того слишком коротка — почему бы не подстелить соломки, зная, где упадешь?

«Ваша светлость»! Ли чуть было не оглянулась, ища взглядом прокравшегося в спальню герцога, но внезапно вспомнила, что теперь она герцогиня Рейвен, хозяйка Рейвен-Хауса.

— Спасибо, Торн. Можете идти. — И она отпустила слугу величественным кивком, вполне достойным герцогини.

— «Ваша светлость»! — прошептала она, оставшись одна. — Звучит неплохо.

Заметив зеркало во весь рост, стоявшее в углу, Ли поклонилась собственному отражению, покачала головой и смущенно засмеялась. «Не стоит привыкать к титулам, — посоветовала она себе. — Они исчезнут так же быстро, как появились».

Вошла Бриджет, сопровождаемая целым отрядом лакеев, несущих саквояжи и сундуки Ли. Горничная немедленно начала распаковывать багаж, ворча, что этот дом напоминает ей звериное логово. Выяснилось, что когда она известила Торна, в каком часу завтракает и какие блюда предпочитает ее госпожа, старый слуга спросил, где она забыла свое помело.

— Если этому брюзге не терпится увидеть ведьму, я...

— Это ни к чему, Бриджет. Я сама поговорю с Торном, — пообещала Ли, надеясь без посторонней помощи укротить дворецкого. По правде говоря, она привыкла распоряжаться в доме, где слуги были преданными, расторопными и к ним относились почти как к членам семьи.

Почти.

Несмотря на всю преданность и заботу, они не могли исполнить желание Ли иметь настоящую семью или же вернуть так внезапно исчезнувшее ощущение покоя и надежной защиты. Именно к такой жизни стремилась Ли, но не смела признаться в этом, пока не решилась судьба Кристианы. Кристиана заслуживала любящего мужа и детей. Вот почему светскому сезону в городе Ли придавала такое значение.

— Вот и все, — объявила Бриджет, вешая в шкаф последнее платье. — Ни в шкаф, ни в комод теперь не втиснуть даже спичку — там не осталось места.

— Будем надеяться, что шкаф в комнате Кристианы окажется попросторнее, — заметила Ли. — У нее вдвое больше вещей, чем у меня.

В Бэмборо никто не следил за модой, поэтому несколько месяцев назад Ли заказала новый гардероб для себя и Кристианы известной модистке из Бата. Ли смирилась с участием старой девы, но не желала давать сплетникам повод высмеивать туалеты старшей дочери знаменитой Дейвы. Теперь она вдвойне порадовалась своей предусмотрительности: если ей суждено сыграть роль герцогини, она должна выглядеть соответственно.

— Я сама разденусь и причешусь на ночь, Бриджет, — сказала она, едва горничная взялась за щетку с серебряной ручкой. — Пока не поздно, надо написать Кристиане. Должно быть, ты тоже устала. Ступай спать.

Кивнув, Бриджет удалилась.

Оставшись одна. Ли подошла к окну и отодвинула тяжелую бордовую портьеру, поднявшую облако пыли. Затаив дыхание Ли обвела улицу взглядом. Большинство горожан уже давно разошлись по домам и улеглись спать, но по улице время от времени проезжали изящные экипажи и даже проходили пешеходы. Ли живо представились балы, концерты и театральные спектакли, с которых, по-видимому, возвращались прохожие.

Эту поездку Ли затеяла только ради Кристианы, но теперь, очутившись в Лондоне, она изнывала от желания увидеть и испытать все, что могла предложить столица.

Ей стоило немалого труда оторваться от окна и сесть за письменный стол.

«Дорогая Крисси...» — написала она.

«Ты ни за что не догадаешься...»

«Чудесные новости!»

«Ты сидишь?»

Через десять минут пол вокруг стола был усеян скомканными листками бумаги, а нижняя губа Ли искусана до крови.

Нелегко солгать человеку, ближе которого у тебя никого нет. Человеку, который знает тебя как свои пять пальцев и заподозрит неладное, даже находясь на другом конце страны. Не то чтобы Ли не хотелось лгать — у нее просто не было выбора.

«Дорогая Крисси, — написала она, — я вышла замуж» .

Вот так. Это правда.

«Если от этого известия ты еще не упала, советую тебе поскорее сесть, прежде чем читать письмо дальше. Мой муж — дыши глубже! — не кто иной, как герцог Рейвен».

Ли перечитала написанное, стараясь представить себе лицо Кристианы.

«Я отчетливо вижу, как округлились твои глаза, как с губ слетел недоверчивый взглас: „Моя сестра — и герцог? Но как это вышло?“ Весьма уместный вопрос, дорогая сестричка».

Ли жалела, что у нее нет столь же уместного и правдоподобного ответа. Окунув перо в чернильницу, она задумалась.

«Видишь ли, я была...»

«Более удивительного события невозможно себе представить...»

«Тебе бы и в голову не пришло...»

Вот так номер! Сообщить известие сестре оказалось труднее, чем предполагалось. Особенно потому, что в эту минуту Ли подмывало излить Крисси душу и узнать ее мнение о возмутительной выходке Рейвена.

Крисси наверняка назвала бы Рейвена себялюбивым, беспринципным мужланом, что соответствовало действительности, заявила бы, что его поступок — вопиющее безобразие, а так оно и есть, и добавила бы, что Ли должна публично разоблачить его... А это было немыслимо.

Подстегнутые скандалом, сплетники наверняка начнут ворошить прошлое, тем самым разрушив надежды Крисси на приличную партию. Мало того, раздраженно подумала Ли, ей даже не удастся позлорадствовать, видя Рейвена униженным, — ведь ему, насколько ей известно, нет никакого дела до мнения окружающих. Нет, надо стиснуть зубы и извлечь из своего положения всю возможную пользу, даже если ради этого придется слегка приукрасить истину в письме к сестре.

Ли задумчиво водила кончиком пальца по перу, ее лицо постепенно прояснялось. Приукрасить истину... Почему прежде это ей не приходило в голову? Слово «приукрасить» звучит гораздо приятнее, чем «солгать». И кроме того, это ее конек. В конце концов, она пишет волшебные сказки — разумеется, своеобразные, не похожие на другие, но тем не менее сказки. Ее героинями не раз становились принцессы, которых любовь подстерегала в самых неожиданных местах. Значит, она наверняка сумеет сочинить сказку про себя и Рейвена. Схватившись за перо, Ли быстро описала внезапный и краткий приступ своей болезни и ночлег в доме викария церкви святой Анны, где остановился и Рейвен.

«О счастливое совпадение!»— писала она, закусив губу, а затем перешла прямо к первой встрече с Рейвеном — а именно к встрече в его доме, — кое-где подправляя истину по мере необходимости.

«Оправившись после болезни, я наконец спустилась в столовую и встретила взглядом с самым прекрасным мужчиной, когда-либо созданным природой, — герцогом Рейвеном, моим дорогим Адрианом! Перед глазами у меня вспыхнули искры, в ушах зазвенело, а сердце затрепетало так, что я испугалась, как бы оно не вырвалось из груди...»

Все правильно, заверила себя Ли, вспоминая, как она нервничала несколько часов назад.

«Едва успев обменяться взглядами, мы...»

И что же дальше?

«...мы поняли, что созданы друг для друга».

По крайней мере временно.

«Забыв обо всем на свете, мы стояли молча, глядя друг другу в глаза и думая об одном и том же...»

Улыбнувшись, Ли закрыла глаза. Как легко дается ложь, думала она, если втайне упражняться в ней годами!

«А потом он поцеловал меня и...»

Хотя бы здесь ей не придется сочинять. Вспоминая о том, как Рейвен обнял ее и поцеловал. Ли вновь почувствовала, как заколотилось сердце, и забыла о письме. Лицо вновь овеяло горячее дыхание Рейвена, его ладонь заскользила по спине и коснулась бедра, на губах остался легкий привкус бренди.

Ли часто размышляла о том, что это такое — целоваться с мужчиной. Целоваться по-настоящему, а не терпеть прикосновения вялых, синюшных губ вдовца из соседнего поместья, который однажды воспользовался тем, что Ли не успела увернуться. Поцелуй Рейвена заставил ее задуматься о том, как бедно ее воображение.

Покачав головой, она смущенно поморщилась, вспоминая ночи, когда она лежала в постели, обнимая подушку и упражняясь на ней в искусстве поцелуев. Как молода она была в то время, как наивна! В ту пору она еще верила в рыцарей в сияющих доспехах и надеялась, что один из них подоспеет вовремя и спасет ее от участи старой девы.

Порывисто поднявшись. Ли схватила с постели пышно взбитую подушку. Она давно уже не верила в рыцарей и чудесное спасение, но теперь, пережив один невероятный поцелуй, могла по крайней мере воскресить его в памяти.

Обняв подушку обеими руками, она прижала ее к лицу. От льняной наволочки пахло пылью, словно ее возлюбленный слишком долго проторчал на чердаке. Мало того, он держался так, словно набрал полный рот вязкой овсянки. Внезапно Ли почувствовала себя глупо. Такая выходка достойна школьницы, а не взрослой женщины... к тому же замужней.

— Чем это вы занимаетесь, черт возьми?

Вздрагнув, Ли обернулась.

И приросла к месту.

В дверях, отделяющих спальню Ли от хозяйской спальни, стоял Рейвен, озадаченно уставившись на нее.

Мысленно застонав, она медленно опустила подушку.

— Что вы сказали? — спросила она.

— Я спросил, зачем вы прижимаете к лицу подушку?

— Подушку? — эхом повторила Ли, продолжая держать ее на весу.

Рейвен усмехнулся:

— Вот именно, подушку. Вы прижимали ее к лицу, верно?

— Да.

— Ну и что же? Чего вы добивались от нее?

— Я... икала, — наконец нашлась Ли. — И пыталась остановить икоту.

— Путем удушения? — Герцог приподнял темную бровь. — Не слишком ли суровый метод?

— Зато забавный. Я пыталась задержать дыхание. Это старинное деревенское средство — как видите, оно подействовало. А теперь позвольте спросить, что вы делаете здесь, в моей спальне?

— Я увидел свет и решил, что вы уснули, забыв погасить свечу.

Ли кивнула в сторону стола:

— Я писала письмо сестре.

— До тех пор, пока вас не сразил внезапный приступ икоты?

— Вот именно.

Наступило молчание. Прижимая к себе подушку, девушка старалась не дрогнуть под пристальным, вызывающим взглядом Рейвена.

— Признаться, я рада вашему визиту.

Он понимающе усмехнулся.

— Так я и думал, — пробормотал он, медленно, но неотвратимо приближаясь к Ли.

Он остановился в нескольких дюймах от нее.

Пульс Ли участился, по спине побежали мурашки, все тело сжалось в предчувствии опасности, которую еще не успел осознать рассудок. Она тревожно следила за руками герцога, который потянулся к подушке.

— Что вы делаете? — спросила она, желая услышать то, что давно поняли ее тело, сердце и душа.

— Мешок с перьями — плохая замена любовнику из плоти и крови, Ли... — Отняв у нее подушку, Рейвен отшвырнул ее прочь. — Даже если в Бэмборо вы нуждались в такой замене, то теперь она вам ни к чему.

Жаркая волна, вызванная отчасти смущением, отчасти предвкушением, окатила ее.

— Вы хотите сказать, что я... никогда не...

— Само собой, — негромко отозвался Рейвен, не сводя взгляда с ее губ и беря ее за подбородок. — Откройте рот — вот так...

С этими словами он склонил голову, и Ли поняла: сейчас случится то, чего она опасалась и о чем мечтала. Он коснулся ее губ, оставив на них легкий привкус дыма и бренди и вызвав у Ли всплеск прежде неведомых ощущений.

Слегка нажав большим пальцем, он заставил ее открыть рот — впрочем, с этой задачей Ли справилась бы и без посторонней помощи. В глубине души, сама того не желая, она жаждала поцелуя, дерзких и нежных ударов языка, странного и чудесного взрыва удовольствия, от которого перехватывало дыхание и кружилась голова.

Это всего лишь игра, убеждала себя Ли. Должна же она проверить, были ли ее первые ощущения случайными, вызванными нервозностью. Она разрешит ему всего один, и только один, поцелуй.

А потом...

Язык Рейвена проник в ее рот, и Ли растерялась. Ее мысли начали путаться. Он прикасался языком к ее губам, водил по ровному ряду зубов. Он дразнил ее, играл с ней, скользя ладонями по плечам и спине, увлекая за собой в мир чистого наслаждения, где нет места запретам и сожалениям.

Когда поцелуй наконец прекратился, он оставил Ли опустошенной. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить: это была только игра.

— Что вы делаете? — запоздало возмутилась она, едва успев прийти в себя.

— А вы еще не поняли? Весьма прискорбно. Но раз уж вы спросили, я отвечу: я целую вас... — И в подтверждение своих слов он вновь склонился к ней, но Ли остановила его, упершись ладонями в грудь.

— Но зачем?

— Что значит «зачем»? — с оттенком раздражения переспросил он. — Мне казалось, было бы неприлично просто ворваться сюда, бросить вас на постель и задрать юбку. Впрочем, вы же сами сказали, что чужды романтизма. Если вы предпочитаете решительные действия...

— Нет, — прервала Ли. — Я предпочитаю, чтобы вы вообще не приближались ко мне.

Или вы уже забыли о нашем соглашении?

— Похоже, о нем забыли вы. Я честно играл роль вашего мужа. Но если в ваших краях бытуют совсем другие брачные обычаи...

Ли вновь перебила:

— При посторонних. По условиям сделки, вам предстоит играть роль моего мужа только в присутствии посторонних.

— И что это значит, черт возьми?

— По-моему, я выразилась достаточно ясно.

Рейвен опустил руки.

— А по-моему, нет.

— Хорошо, ваша светлость, я объясню: это означает, что вы не имеете права приближаться ко мне ни сегодня, ни в последующие ночи.

— Вы шутите? Вы думаете, что ночь за ночью можно спать в соседних комнатах и ни разу не прикоснуться друг к другу? Это... противоестественно!

— Я не против прикосновений. — Рейвен вздохнул было с облегчением, но Ли продолжала: — По правде говоря, без них наш брак будет выглядеть неубедительно. Ласковое поглаживание по плечу или спине наверняка убедит зрителей, что мы самая счастливая супружеская пара во всем христианском мире!

— Не знаю, правильно ли я понял вас... Итак, мне запрещено спать с другими женщинами, чтобы не вызвать сплетен?

— Верно.

— И запрещено спать с вами, потому что...

Рейвен растерянно замолчал, а Ли покачала головой.

— Потому, — напомнила она, — что вскоре наш брак будет признан недействительным.

Он недоверчиво усмехнулся:

— Значит, только предстоящий развод и удерживает вас?

— А вы нашли другой выход?

— Я вообще ничего не искал. Об этом я успею подумать, когда придет время.

— Вот как? — Ли неодобрительно нахмурилась. — Похоже, вы привыкли сначала действовать, а лишь потом думать о последствиях. Но на этот раз все будет по-другому, Рейвен. Мы станем вести себя согласно условиям сделки. Как только Кристиана благополучно выйдет замуж, мы расторгнем наш так называемый брак на том основании, что он не получил должного завершения.

Рейвен прищурился, сверля Ли взглядом:

— Вы рехнулись?

— Ничуть. — Ли пыталась говорить ровным голосом и успокоить дрожь в коленях. — По-моему, это самое очевидное из решений.

— Вы хотите сказать — самый очевидный способ выставить меня на посмешище? Подумать только, мне запрещено спать с собственной женой! — Герцог расхохотался. — Вы представляете себе, что будет, когда сплетники пронюхают об этом?

Ли представляла — притом слишком отчетливо, но пока у нее хватало собственных забот, чтобы размышлять о сплетниках.

— По-моему, вам нет дела до чужого мнения, — заметила она.

— Ни малейшего, — с жаром подтвердил Рейвен, — но...

Ли одарила его тонкой, сочувственной улыбкой, надеясь задеть за живое:

— Ясно. Стало быть, вы все-таки боитесь злых языков.

Слово «боитесь» подействовало мгновенно.

— Черта с два! — рывкнул Адриан, окидывая Ли хищным взглядом. — Но это не главное. Что, если властям понадобятся доказательства того, что наш брак не был завершен? Вы подумали об этом?

— Они получают доказательства, — сухо отозвалась Ли.

— Понятно.

— Вот и хорошо, что вы все поняли. Итак, решено — конечно, если вы умеете держать себя в руках и выполните условия нашей сделки.

— Держать себя в руках? — эхом повторил Адриан, не скрывая возмущения. — Если вы сомневаетесь в этом, мадам, значит, вы переоцениваете либо свои чары, либо мою слабость.

Небрежно кивнув, он повернулся и направился прочь, не оглядываясь на слегка уязвленную последним замечанием Ли. Впрочем, она не стала расстраиваться: отступление Рейвена говорило само за себя: в этот раз победила она. И потом, его попросили уйти, разве не так?

Уже на пороге он вдруг обернулся:

— Почему же тогда вы солгали, что рады видеть меня?

— Ах, вот вы о чем! — Ли медлила: судя по выражению лица Адриана, злить его было опасно. Ну и пусть! Не хватало еще беспокоиться о том, как бы не рассердить его. — Дело в том, что я как раз хотела попросить вас об одном одолжении.

— Я слушаю.

— Не могли бы вы послать экипаж за моей сестрой? Я собиралась отправить за ней свою карету, но Роулэнд говорит, что сломалась ось. Несомненно, он починит ее, это он умеет, но...

Адриан поднял руку, останавливая ее:

— Ни слова больше! Я непременно отправлю за ней экипаж.

— Выберите самый вместительный, — посоветовала Ли.

Адриан вскинул бровь:

— Неужели ваша сестра — такая дородная особа?

— Совсем напротив, — улыбнулась Ли, — очень стройная. Но она везет с собой много вещей. Боюсь, чересчур много.

Глаза Адриана злорадно вспыхнули.

— Разумеется — свое оружие и боеприпасы. Без них на успех предприятия нечего и надеяться. Я пошлю за вашей сестрицей самую вместительную из своих карет и пару самых дюжих лакеев. Вы довольны?

— Вполне, благодарю вас. В письме я сообщу Кристиане, что наши планы изменились. — Она кивнула в сторону стола. — Если отправить его рано утром, оно прибудет в Бэмборо раньше, чем экипаж.

Адриан коротко кивнул, по его волнистым волосам пробежал отблеск свечи.

— Это все?

— Ну, раз уж вы спросили... — начала Ли, забыв об осторожности. — Надеюсь, вы не станете возражать, если до приезда Кристианы я займусь ремонтом дома? Пожалуй, достаточно будет...

— Избавьте меня от подробностей, — прервал герцог. — Делайте что угодно, только не

мешайте мне. — Помедлив, он осведомился: — Надеюсь, это все?

Ли кивнула.

— Больше вам ничего не нужно? — Он насмешливо скривил губы. — Может быть, прислать подушку побольше?

— Нет, благодарю, — сухо откликнулась Ли.

— В таком случае спокойной ночи.

Дверь захлопнулась. Ли облегченно вздохнула.

Для игры это уже чересчур. Вместо того чтобы потратить две недели, представляя себе, как встретит ее законный супруг, ей следовало бы самой подготовиться к встрече.

Но какие же чувства она испытала при встрече с мужем? Равнодушие? Как бы не так! Любопытство? Нет, более глубокое и мощное чувство. Каким бы неприятным ни было для нее это признание, каким бы малым ни был ее опыт в подобных делах, женская интуиция подсказывала, что в объятиях герцога она пережила вспышку страсти. Меньше всего ей хотелось вспылать страстью к мужчине — любому, особенно столь беспринципному, как Рейвен.

Ли не имела ничего против страсти, тем более редких ее проявлений. Однако она вовсе не собиралась поддаваться сильному чувству, тем более рисковать упорядоченной жизнью. Из трагической судьбы матери Ли извлекла самый важный урок: слишком быстро страсть становится необузданной. По вине этого чувства ее мать лишилась всего — даже жизни.

Несколько лет назад Ли твердо решила, что никогда не повторит судьбу матери. Она упрямо избегала чувств, которыми была не в силах управлять. В Бэмборо это было совсем нетрудно. Ли ни с кем не делилась своими желаниями и мечтами. То, что Рейвен чуть не выпустил из бутылки злополучного джинна, насторожило девушку. Она ощутила опасность. Позволить себе иметь ребенка от мужчины, чьи руки только что бесцеремонно шарили по ее телу, она просто не могла.

Прижав ладони к щекам. Ли почувствовала их жар. Но румянец был вызван не только смущением.

При этой мысли она покраснела еще гуще.

«Прекрати», — велела она себе. Ничего не случилось и не случится. Да, Рейвен неглуп, обаятелен, опытен и чужд щепетильности. Но и она теперь гораздо умнее, чем полчаса назад. Наконец Ли приняла решение: впредь не играть с огнем!

Она поспешно закончила письмо, описав Рейвен-Хаус, первые впечатления от Лондона и в завершение заклиная Кристиану приехать немедленно. Чем раньше решится судьба сестры, тем скорее сама Ли сумеет вернуться домой и вновь обрести покой.

Запечатав письмо, она вынула из саквояжа рукопись и вскоре так увлеклась злоключениями принцессы Оливии, что забыла о собственных.

«Будь Оливия более разумной, она отправилась бы в путь в экипаже. Но она предпочла брести пешком по узкой дороге с таким множеством поворотов, что ей казалось, будто она ходит по одному месту кругами. Бедняжка устала, проголодалась и потеряла красную туфельку, когда позади вдруг послышался топот. Оглянувшись, принцесса увидела...»

Но что?

Закрыв глаза. Ли представила себе иллюстрацию к будущей книге.

Оливия обернулась и увидела... увидела...

Рыцаря верхом на тигре. Рыцаря, одетого в серебристые доспехи и черную кожаную маску. Его звали Невар, принц страны Здесь-и-Сейчас.

Спрыгнув со спины своего тигра Занзибара, принц протянул Оливии потерянную туфельку с галантностью, на которую способны лишь принцы. Но Оливия не сумела надеть туфельку.

« — Боюсь, от ходьбы ваши ножки утомились, — произнес принц. — Позвольте отвезти вас в мой замок, где вы сможете отдохнуть.

— Мне некогда отдыхать, — ответила она. — Я принцесса Оливия из страны Фарэуэй. Я ищу одного человека.

И Оливия рассказала принцу о старой колдунье и ее проклятии.

— Ясно, — произнес принц, выслушав ее. — А если вы найдете человека, который будет отвечать только трем из четырех ваших требований? Вы согласитесь быть моей гостьей?

Оливия покачала головой:

— Нет. А теперь моя очередь задать вам вопрос: почему вы носите маску?

— Потому что надо мной тоже висит проклятие. Чтобы найти невесту, я вынужден носить маску.

Оливия прониклась таким сочувствием к принцу, что согласилась, когда он во второй раз пригласил ее в замок.

Принц усадил Оливию перед собой на спину тигра. Она старалась не думать о лице, скрытом под маской. Принц Невар понравился Оливии, и ей было жаль, что ему недостает качества, стоящего в ее списке на первом месте».

— Но дорога в страну Здесь-и-Сейчас длинна и извилиста, принцесса, — прошептала Ли и потянулась, готовясь лечь в постель. Благодаря заботам сказочницы, принцу Невару с избытком хватит времени, чтобы научить упрямую Оливию искусству мириться с неизбежным и доказать ей свою смелость, честность и преданность.

Словом, проявить все те качества, которыми не обладал Адриан, герцог Рейвен, принц Повеса, не к ночи будь помянут!

Тем временем Адриан разыскал Уилла у Будла — в клубе, который друзья редко обходили вниманием. Уилл устроился за столиком в глубине зала, повернувшись спиной к двери в тщетной попытке остаться незамеченным. Но в своем нынешнем настроении Адриан достал бы его даже из-под земли.

Он помедлил на пороге уютно освещенного зала. Его раздирали на части два желания. Что предпочесть: подойти к Уиллу и без предупреждения одним ударом опрокинуть его на пол или прежде помучить предателя? Если бы Уилл вовремя сообщил ему, что Ли выздоравливает, он бы... он непременно бы... Черт побери, он сумел бы предотвратить катастрофу! А теперь в жены ему досталось самое неподходящее существо на свете — девственница! Притом упрямая, но любопытная и не скрывающая этого.

Прощагав по залу, Адриан словно невзначай остановился возле столика Уилла и изобразил изумление.

— Уилл! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

От круглого лица Уилла мгновенно отхлынула кровь.

— Где... что... — Его глаза беспокойно забегали, челюсть затряслась.

— Господи, что это со мной? — притворно спохватился Адриан. — Твое появление может означать только одно... — И он тяжело рухнул на стул рядом с Уиллом, скорбно склонив голову, и перекрестился. — Скажи, дружище, неужто она отошла в муках?

— О чем это т-ты? — изумился Уилл, как всегда, от волнения начав заикаться. — Никуда она не отошла...

Адриан притворился растерянным:

— Ты хочешь сказать, она до сих пор при смерти?

— Она здесь! — прошипел Уилл, понизив голос.

— У Будла?

— В Лондоне.

— Ну конечно, — одобрительно кивнул Адриан. — Я думал, что похороны состоятся в Уэстерхэме, но теперь вижу, что ты прав. Я просто обязан присутствовать на церемонии и, кроме того, время от времени со скорбным видом появляться у могилы и возлагать на нее цветы. — Он похлопал Уилла по плечу. — Я знал, что ты меня не подведешь.

— Боже милостивый, Рейвен, ее еще рано хоронить! Она здесь затем, чтобы... Мне надо в-выпить.

Адриан велел официанту принести бутылку бренди и сам наполнил бокалы. Уилл осушил свой одним глотком.

— Правильно, бренди поможет тебе успокоиться, — одобрительно кивнул Адриан. — Вижу, эта трагедия стала для тебя жестоким ударом. Я не забуду твою преданность, дружище.

Уилл плеснул себе еще бренди.

Дождавшись, когда он поднесет бокал к губам, Адриан осведомился:

— Так где же он?

Уилл поперхнулся и закашлялся, вытирая подбородок ладонью.

— Кто?

— Как это кто? — не слишком правдоподобно изумился Адриан, чувствуя, что теряет терпение. — Труп, разумеется.

Белое лицо его друга стало пепельно-серым.

— Без заупокойной службы нам не обойтись, верно? — продолжал Адриан. — Ты уже сообщил печальное известие ее ближайшим родственникам?

Уилл кивнул:

— Да. Ее ближайший родственник — ты.

— Конечно, скорбящий, преданный супруг и все такое прочее. Но я имел в виду настоящих близких...

Рассвирепев, Уилл схватил его за лацканы сюртука.

— Это ты болван! — Волосы на висках Уилла взмокли. — Слушай, Рейвен, она не умерла. Она жива, и она здесь, в городе, в твоем доме! По крайней мере туда она направилась.

В этот миг из игорного зала вышел самодовольно усмехающийся Колин.

— Поздравьте меня! — сказал он. — Я только что выиграл у несносного молодого Уикерсона половину его годового дохода и... — он прищурился, глядя на вексель, — галерею в Сохо. На кой черт она мне сдалась?

Пожав плечами, он свернул бумажку, сунул ее в карман жилета и наконец заметил, что между его друзьями пробежала кошка. Он перевел взгляд с Адриана, поправляющего воротник, на вспотевшего Уилла, затем обратно и присвистнул.

— Похоже, тайное стало явным? — Он придвинулся к Уиллу. — Как он узнал?

— Ничего он не знает, — отозвался Уилл. — Он понятия не имеет, что она жива.

Значит, она так и не появилась в Рейвен-Хаусе?.. Должно быть, она заблудилась... или еще хуже. Это я во всем виноват!

Адриан удовлетворенно слушал бормотание Уилла, в котором явственно сквозило отчаяние. К тому времени как Уилл оказался близок к апоплексическому удару, Адриан почти насытился мстью.

— Напрасно я сам не отвез ее в Рейвен-Хаус! — причитал Уилл. — Но она решила поговорить с Рейвеном с глазу на глаз, а если уж герцогиня приняла решение...

— Герцогиня? — переспросил Адриан.

— А как еще прикажешь ее называть? — удивился Уилл. — И потом, она и вправду герцогиня.

— Ну, раз уж ты так считаешь, — заявил Адриан, — позволь сообщить, где она находится. В настоящее время герцогиня, — последнее слово вызвало у него болезненную гримасу, — мирно спит в спальне рядом с моей собственной.

Уилл и Колин недоуменно уставились на него. Колин опомнился первым и усмехнулся:

— Неплохо, Рейвен. Я поначалу даже растерялся.

Уилл облизнул губы.

— Ты хочешь сказать, что... все знал? С самого начала? Негодяй! — выпалил он. — Мало того, что ты втянул меня в эту дьявольскую авантюру, а затем заставил ухаживать за разъяренной женщиной, так ты еще выставил меня на посмешище!

— И поделом тебе! — подхватил Адриан. — Считаю, что ты дешево отделался. Почему, черт побери, ты не предупредил меня, что она жива? По твоей вине она вломилась в мою столовую и разыграла любящую жену перед целым сборищем любителей ударов в спину — Хокклиффом, Торрингтоном и Гиддингом с женами!

Колин скривился, словно надкусил гнилое яблоко.

— Ты впустил эту свору в свою столовую?

— Что же ты сделал, увидев ее? — осторожно осведомился Уилл.

— А что я мог? Приветствовал ее с распростертыми объятиями и был вынужден взвалить на плечи непосильную ношу.

— Хочешь сказать, что отныне ты женатый человек? — воскликнул Колин.

— А разве у него есть выбор? — с вызовом парировал Уилл.

— Гостья пригрозила мне публичным разоблачением, — объяснил Адриан.

— Пусть грозит, сколько пожелает, — отмахнулся Колин. — Мы и не такое терпели.

Адриан смерил его саркастическим взглядом:

— Что может быть хуже лишения духовного сана, судебных обвинений против тебя и позорного клейма для меня? По-моему, ничто. Даже мне не все позволено.

Колин заскрипел зубами.

— Черт возьми, Рейв, она загнала тебя в угол!

— Вот именно. Но мы с ней договорились извлечь из злополучного происшествия всю возможную пользу.

Колин пропустил его слова мимо ушей. Качая головой, он тоскливо протянул:

— Вот уж не думал, что такое случится с тобой! Подумать только, Рейв женат! — Совсем загрузив, он поспешил развеяться с помощью остатков бренди. — Если уж ты попал в западню, на что же надеяться нам, простым смертным?

«Попал в западню»! Адриан оскорбился. Позволив друзьям погрузиться еще пару минут, он наконец заявил:

— Но в любом положении есть свои преимущества.

— Какие? — уныло пробормотал Колин, не поднимая головы.

— Пожалуй, я немного поспешил прибегнуть к Способу Плимптона.

— Я же говорил, — вставил Уилл. — Я уверял, что ты об этом пожалеешь, но разве ты слушал?

Колин протянул ему бокал бренди:

— Возьми, утопи свои печали или себя самого — мне все равно, только замолчи! — И он кивком попросил Адриана продолжать.

— В целом, Плимpton избрал верный подход, однако здесь необходимо внести ряд поправок — что я и сделал. Я буду пользоваться всеми преимуществами супружеской жизни, пока это блаженство не осточертеет мне. И лишь потом — и только потом! — я прикажу герцогине уложить вещи и вернуться домой — к тихой, уединенной жизни, которую она так любит, а сам буду волен поступать так, как мне вздумается.

— А как же клятвы? — запротестовал Уилл.

— А клятвы навсегда обеспечат мне законную неприкосновенность. Развода не будет. Никогда! Ни при каких обстоятельствах.

Наморщив лоб, Колин соображал.

— Значит, ты будешь женат и вместе с тем сможешь жить по-холостяцки?

— Я назвал свое изобретение «способом Плимптона наоборот».

— Рейв, это же блестящее решение, черт бы тебя побрал! Нет, не просто блестящее, оно...

— Идеальное, — подсказал Адриан и внезапно сам уверовал в совершенство найденного замысла. Выход родился неожиданно, в попытке хоть немного возвыситься в глазах друзей, но теперь, все обдумав, Адриан возликовал. В выигрыше останутся все. Ли получит то, о чем мечтала — мужа для сестры и возможность вернуться домой, а сам Адриан — неприкосновенность женатого человека и полное отсутствие каких бы то ни было осложнений.

Оставалось только убедить Ли отказаться от развода, но Адриан знал один верный способ преодолеть это затруднение.

Отобрав у Уилла стакан, он залпом осушил его, наслаждаясь обжигающей горло жидкостью так, как он только что радовался хитроумному плану и предстоящему соблазнению собственной жены.

Адриан проснулся незадолго до полудня, как всегда, вялый и сонный после бурной ночи, и по привычке, прошлепал вниз босиком и в халате. Забрав по пути газету со столика в холле и мимоходом просматривая заголовки, он направился в столовую, где его ждали две неизменные чашки горького шоколада и тосты с маслом, щедро посыпанные сахаром с корицей.

Все шло, как обычно, пока на пороге столовой Адриан не застыл столбом, морщась и загораживая глаза ладонью.

— Что здесь происходит, черт возьми? — выпалил он. — Откуда столько света?

Торн стоял на обычном месте, возле стола. Ковыряя в зубах спичкой, он ждал, когда хозяин сядет, чтобы положить ему на колени салфетку и налить шоколаду. В ответ на вопрос Адриана слуга невнятно пробурчал что-то себе под нос.

— Прекрати ворчать, Торн! — Щурясь, Адриан огляделся. — Что это так ярко светит?

— Солнце, ваша светлость.

— Солнце? — Посмотрев на окна, Адриан только теперь заметил, что с них сняты тяжелые темно-синие шторы, которые висели здесь с тех пор, как он себя помнил. — Куда подевались шторы?

— Герцогиня приказала снять их.

— Зачем?

— Она сказала, что из-за них в комнате слишком темно.

— Для этого и нужны шторы. Где эта жен... моя жена... то есть герцогиня?

— Отправилась за покупками.

— Она сказала, когда вернется?

— Только к вечеру. Я объяснил, что поскольку вы обычно спите до...

— Ладно, ладно! — перебил Адриан. — Эта женщина явно не в своем уме. Как, по-твоему, я теперь должен завтракать? — Он с неприязнью взглянул на окна. — Скажи, солнце всегда светит так ярко в этот час?

— Да, ваша светлость, — за исключением дождливых дней.

— Придется помолиться, чтобы завтра пошел дождь. А сегодня я позавтракаю в библиотеке.

По пути в библиотеку герцога ждали новые сюрпризы. В коридоре второго этажа он наткнулся на незнакомца, срывающего стенные панели. Треск дерева и стук лома заставили Адриана поморщиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что, черт возьми, он делает? — спросил Адриан у Торна, шествующего следом за ним с подносом.

— Снимает стенные панели, — отозвался слуга.

— Сам вижу, дьявол тебя побери! Я хочу знать зачем.

— Герцогиня приказала снять панели — они скрывают лепнину и стены, расписанные лютиками.

— Лютиками?

— Да, ваша светлость, лютиками. По мнению герцогини, это оживит дом, — добавил Торн. — А панели выглядели слишком мрачно.

— Но мне нравятся темные панели, — возразил Адриан, хотя на самом деле он никогда не замечал не только цвета панелей, но даже их самих. — Лютики я терпеть не могу! Так и передайте герцогине.

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Так пусть этот человек сделает все как было — водворит на место все эти мрачные, темные панели.

Тори повернулся к рабочему:

— Слышал, что сказал герцог? Верни их на место, да смотри, осторожнее!

— Лютики... — брюзжал Адриан себе под нос. — Лютики, солнечный свет — что за мерзость!

Пока он располагался в библиотеке. Тори убрал со стула кучу бумаг и книг и поставил перед хозяином поднос.

— Прошу прощения, — заговорил Тори, наполняя чашку, — но леди дала понять ясно как день, что вы не против ремонта...

— Насчет лютиков я ничего не говорил. И насчет слепящего света тоже... и этого адского грохота, — добавил Адриан, прислушавшись и сделав недовольную гримасу. — Это еще что такое?

— Должно быть, рабочие сколачивают беседку, ваша светлость.

— Нет у меня никакой беседки!

— Теперь есть, — сообщил Тори. — Герцогиня пожелала увить ее плющом.

— Я ей покажу плющ! — Отбросив салфетку, Адриан кинулся к окну и увидел, как двое коренастых молодцов, стоя на стремянках, сколачивают деревянную беседку в саду за домом. Оглядев сад, он изумленно поднял брови. — А там что такое?

— В бочонках или ящиках? — осведомился Торн, даже не удосужившись выглянуть в окно.

— И в том, и в другом.

— В бочонках — кусты роз, в ящиках — кусты сирени. А бассейн с голым купидоном — в повозке перед домом. Герцогиня...

— Зашла слишком далеко! — оборвал его Адриан. — Не успев и дня прожить в этом доме, она обошлась мне в целое состояние!

— По правде говоря, сэр, посыльный из оранжереи утверждает, что герцогиня заранее заплатила за все сама.

Адриан почувствовал, что его нервы натянуты до отказа.

— Вот как? Значит, эта особа считает, что я не могу позволить себе отремонтировать дом? Да если кто-нибудь в городе узнает, что она платит за все из собственного кармана, меня засмеют! Клянусь Богом, этого я не допущу! Она не сказала, куда...

— На Бонд-стрит.

— А мой конь...

— Ждет возле дома.

Адриан нашел жену в лавке Тэтчера и Суона, которые гордо именовали себя торговцами шелком, хотя на самом деле предлагали покупателям самые разные ткани и торговали всякой всячиной. Ли сидела на высоком табурете в задней комнате лавки, перед ней на длинном столе были разложены образчики тканей. Каким бы сильным ни было желание Адриана сразу броситься к ней, он замедлил шаги, разглядывая прямую спину супруги с

таким же удовольствием, с каким любовался изящными очертаниями ее бедер и ягодич. Склонив хорошенькую головку, Ли стягивала перчатку, чтобы пощупать ткань.

Адриан не произнес ни слова, неслышно ступая по мягкому ковру, но все же Ли почувствовала его приближение и вскинула голову. И улыбнулась.

У Адриана перехватило дыхание. Это было все равно что вновь войти в ярко освещенную столовую — правда, улыбка Ли затмевала тысячи солнц. Адриан мгновенно насторожился, предвидя очередную каверзу.

— Рейвен, какой приятный сюрприз! — воскликнула она.

Адриан вновь поразился, услышав этот мелодичный, не слишком высокий голос с неспешными переливами. Казалось, единственная цель жизни его обладательницы — обмениваться с герцогом любезностями, а не продуманно и настойчиво пытаться выдать замуж сестру... попутно превращая жизнь самого Адриана в ад. Терпеть все это он не собирался.

— Вот уж не думала увидеть вас здесь, — добавила Ли.

— Уверяю, мадам, — отозвался Адриан, пренебрежительно оглядевшись по сторонам, — я никогда не бы-: ваю в подобных заведениях.

Несмотря на едкий тон Адриана, Ли не перестала улыбаться.

— И все-таки я очень рада видеть вас!

— Надеюсь, мои слова не лишат вас этой радости.

— О Господи! — Ее улыбка исчезла.

Адриану вдруг вспомнился один давний зимний день, когда он слепил маленького снеговика из первого снега. Но снегопад сменился дождем, и творение Адриана растаяло у него на глазах. Как и тогда, сейчас он испытал безумное желание сделать хоть что-нибудь, чтобы все стало, как прежде.

Гнев Адриана слегка поутих, однако ему по-прежнему не терпелось призвать к ответу мятежную жену.

— Я хотел поговорить насчет дома, — наконец произнес он, — то есть перемен в доме — стенных панелей, беседки, пропавших штор...

— Значит, вы недовольны?

Недоволен? Адриан задумался, глядя, как Ли озабоченно морщит свой гладкий лоб. Само собой, он недоволен. Эта женщина пыталась превратить его дом в выставочный экспонат. Но сообщить ей об этом следовало так, чтобы не создавать препятствий на пути к вожделенной цели — соблазнению.

— Нет, не то чтобы недоволен... Я... озабочен.

Так и есть. Он всего-навсего озабочен. Случившееся недостойно более сильных чувств. Ли — цель, оправдывающая любые средства, заверил себя Адриан.

— Понятно... — Она поджала губы. — Боюсь, я зашла слишком далеко, приказав снять панели...

— Вовсе нет, — неожиданно для самого себя отозвался Адриан. — По правде говоря, я давно собирался их заменить. Вы просто избавили меня от лишних хлопот.

Столь наглой, неприкрытой ложью он добился от Ли еще одной улыбки. И в самом деле, что плохого в нескольких кустах и бассейне, если эти уступки в конце концов приведут его в постель этой красавицы?

Она нерешительно взглянула на него:

— А я боялась, что вы сочтете такую перемену слишком неожиданной...

— Ничуть. Меня вполне устраивают лютики.

— О, как я рада! — воскликнула она, просияв. — В таком случае я распоряжусь восстановить роспись на потолке столовой.

Боже милостивый!

— Архитектор Роберт Адам считает роспись потолка одним из самых важных элементов отделки этой комнаты, — продолжала Ли, — и я согласна с ним.

— Кто бы спорил? — рассеянно пробормотал Адриан, не сводя глаз с губ Ли.

— Он порекомендовал для потолка и стен пастельные тона, отделку белой лепниной и позолотой в умеренных количествах. А вы как думаете?

— Звучит великолепно! — отозвался Адриан, понятия не имея, что именно одобряет.

— Но если вы согласны снять панели, что же именно вас беспокоит?

— Меня? — Адриан на миг растерялся. — Расходы. Я настаиваю, чтобы в будущем все счета присылали ко мне.

— Но это ни к чему. Отказавшись от аренды дома в Найтсбридже, я сэкономила внушительную сумму. По-моему, несправедливо просить вас оплачивать мои затеи...

— Напротив, совершенно справедливо, — возразил Адриан. — Дом принадлежит мне, вы — моя жена, стало быть, счета должен оплачивать я. Подумайте, что скажут люди, узнав, что моя жена из своего кармана оплачивает ремонт моего фамильного особняка?

— Неужели вам не все равно? — с лукавой усмешкой осведомилась Ли.

Еще вчера вечером он ответил бы на этот вопрос не задумываясь. И правда, какое ему дело до того, что говорят о нем? Или о ней? Но сказать об этом вслух Адриан не мог, только сейчас осознав, сколько перемен может произойти за один-единственный день.

— Просто присылайте счета ко мне, — мрачно распорядился он.

Ли кивнула:

— Отлично! Не хотите ли узнать, как я задумала отделать столовую?

Адриан пожал плечами:

— Почему бы и нет?

Он не столько слушал, сколько наблюдал за ней, убаюканный мелодичным голосом и замороженной выразительностью глаз Ли. Они искрились, то широко раскрываясь, то прячась под самыми длинными ресницами, какие только доводилось видеть Адриану. Ее слова об обивке стен спитлфилдским шелком абрикосового цвета, позолоченных медальонах на потолке и парчовых драпировках с бахромой влетали в одно ухо Адриана и вылетали из другого.

— ...Вы помните, какого он цвета?

Вопрос застал его врасплох. Между тем Ли нетерпеливо ждала ответа, устремив на Адриана пылкий взгляд и вызывая в нем...

— Зеленого, — ответил он.

Ли нахмурилась.

«Осечка!» — подумал он.

— Зеленого? Неужели? Ковер в столовой? — Лицо Ли стало озадаченным.

Адриан колебался: что делать — притвориться, что выпад был ложным, или парировать удар? Какого черта!

— Не ковер, — мягко поправил он, придвигаясь поближе и касаясь грудью ее плеча. Аромат Ли кружил ему голову. Это был едва уловимый, женственный запах с почти незаметной цветочной ноткой. Адриан упивался им, как изголодавшийся человек — полной

тарелкой овсянки, и чувствовал себя полным идиотом. Не помогали даже напоминания о том, что происходящее — всего лишь игра. — Я говорю о ваших глазах.

— Вот как? — Ее ресницы дрогнули.

Адриан взял ее за подбородок и повернул лицом к себе.

— Это самый нежный, глубокий и опасный оттенок зеленого.

— Опасный? — негромко переспросила она и неловко усмехнулась. — Чем же может быть опасен цвет глаз?

— Тем, что он завораживает мужчину, притягивает его, вызывает желание утонуть в этих зеленых глубинах.

— О Господи! — Ресницы быстро затрепетали и опустились.

Адриан почувствовал, что подбородок Ли дрогнул — знакомый знак. Стоя за спиной Ли, он дотронулся до руки, с которой она сняла перчатку, и сплел с ней пальцы, чувствуя лихорадочное биение жилки на запястье. Почти так же неистово колотилось его собственное сердце.

Подняв голову. Ли что-то прошептала. Адриан не расслышал.

— Прошу прощения?

— Я попросила пожать мне руку, — повторила она шепотом. — Это добавит теплого колорита.

Теплого колорита? Неужто она спятила? Достаточно того, что он прильнул к ее спине чуть ли не всем телом. Тем не менее Адриан покладисто пожал Ли руку.

Она поблагодарила его манящей улыбкой.

— Великолепно! Вы знаете в этом толк, — пробормотала она.

Только теперь он огляделся по сторонам и впервые заметил нескольких женщин. Все они делали вид, что рассматривают ткани и безделушки, а на самом деле с жадным любопытством следили за герцогом Рейвеном и его женой.

Стало быть, Ли дала это представление для зрителей! Она-то с самого начала знала, что за ними наблюдают. Неудивительно, что она вдруг стала такой нежной и соблазнительной. Она вела свою игру, притом чертовски умело, решил Адриан, вспомнив ее легкий трепет и опущенные ресницы. А он, ни о чем не подозревая, позволил себе увлечься ею, стал пешкой в ее руках, словно влюбленный мальчишка!

Адриану не терпелось продемонстрировать коварной супруге и праздным зевакам приступ супружеского пыла. И он немедленно осуществил бы свое намерение, если бы не вспомнил о своем обещании избегать скандалов, а не устраивать их. Проучить Ли можно и дома, подальше от любопытных глаз.

Он поднес руку Ли к губам и запечатлел на ней страстный поцелуй, вызвав у одной из любопытствующих громкий томный вздох.

— Заказывайте все, что пожелаете, — разрешил он, с притворным нежеланием выпуская ладонь Ли, — иначе Рейвен-Хаус, подобно его хозяину, останется, недостойным вас.

— Вы были великолепны! — заявила Ли, остановившись за дверью лавки. — Благодарю вас.

— Я просто выполняю свои условия сделки.

Ли восхищалась надменностью герцога. В довершение всего он оказался опытным комедиантом — его ничуть не взволновал маленький спектакль, после которого Ли до сих

пор била дрожь. Впрочем, Адриан наверняка давно привык к нежным прикосновениям и ласкам.

Слава Богу, сама Ли вовремя заметила, что за ними наблюдают, и сумела взять себя в руки прежде, чем превратилась в желе. Пора, давно пора ей научиться владеть собой!

— Вот вы где! — К ним метнулась женщина в лимонно-желтой шляпке и коротком черном бархатном плаще с меховой отделкой.

Ли узнала в ней вчерашнюю гостью Адриана, но никак не могла вспомнить ее имени.

— Добрый день, леди Торрингтон, — произнес Адриан, и Ли последовала его примеру.

— Ваша светлость, — отозвалась женщина и присела в реверансе, пристально разглядывая сиреневый костюм Ли, дополненный фиолетовой кашемировой мантильей, — до меня дошли слухи, что вы, как два голубка, вместе отправились за покупками, и я решила завернуть на Бонд-стрит, чтобы воочию убедиться в этом. Дорогая, надеюсь, вы понимаете, каким чудесным преобразованием обязан вам муж?

— Пожалуй, да, — отозвалась Ли, переглянувшись с Адрианом. — Но поверьте, мне не пришлось долго уговаривать его пройтись по лавкам.

— В таком случае вы без труда убедите его побывать у меня сегодня вечером. Вы опять забыли, о моем приглашении, — добавила она, погрозив пальцем Рейвену. — И тем не менее вы всегда желанный гость в моем доме. Почту за честь первой в Лондоне принять у себя в салоне молодую герцогиню Рейвен.

Молодожены ответили в один голос.

— Мы с удовольствием принимаем ваше приглашение, — произнесла Ли.

— К сожалению, этот вечер у нас занят, — заявил ее супруг.

Последовала неловкая пауза. Ли едва заметно толкнула мужа локтем в бок и объяснила:

— У нас и правда были другие планы, но недавно мы узнали, что их придется отменить. — Одарив Рейвена ласковой, но многозначительной улыбкой, она добавила: — Разве я об этом еще не говорила? Дорогой, прошу тебя, не сердись!

— Не буду... милая. — Рейвен незаметно стиснул локоть Ли. — Но поскольку мне известно, с каким нетерпением ты ждала сегодняшнего вечера, мы проведем его вдвоем.

— По правде говоря, — возразила Ли, высвобождая локоть, — я предпочла бы побывать на балу у леди Торрингтон. Прошу тебя, не упрячься!

Ли заметила, как прищурились глаза Рейвена, как нервно задергалась его щека, и всеми фибрами своей души почувствовала, что Адриан намерен отклонить приглашение.

— Ну хорошо, — наконец произнес он, удивляясь самому себе. — Мы поедем на бал, если уж тебе так хочется.

Предостерегающую нотку Ли пропустила мимо ушей.

— Да, очень!

— Тогда решено, — заключила леди Торрингтон. — Увидимся вечером.

Оставшись наедине с Ли, Рейвен обернулся к ней, не скрывая досады:

— Вы понимаете, что натворили?

— Конечно. Я не позволила вам пропустить одно из самых важных светских событий сезона.

— Очередной бал? — пренебрежительно осведомился Рейвен.

Ли с жаром кивнула:

— Я читала о приготовлениях к балу у Торрингтонов на странице светских новостей...

— В какой газете? «Бэмборо ньюс»?

— В «Лондон таймс», — парировала Ли. — Я подписалась на нее, чтобы...

— Разработать стратегию? Заранее расставить капканы?

— Нечто вроде того. — Ли не позволила цинизму мужа лишить ее радостного предвкушения. — Не могу поверить, что я и правда побываю на балу!

— И я тоже, — мрачно подхватил Адриан. — Да будет вам известно, мадам, что я терпеть не могу балы — еще больше, чем ссориться с женой на людях.

— Да ну?

— Как вы сказали?

— Я сказала «да ну?».

— И мне так послышалось. И что же это означает?

— Это означает, — объяснила Ли, открывая свой зонт с оборками так неожиданно, что герцог едва успел увернуться, — что вы слишком часто разглаживаете о своем полном равнодушии к мнению окружающих, тогда как на самом деле — и я уже трижды убеждалась в этом — вы весьма близко к сердцу принимаете его.

— И все это вы сумели выразить двумя коротенькими словами?

— Как видите, я немногословна.

— Прежде я этого не замечал, мадам, но будем надеяться, что источник вашего лаконизма не иссякнет.

Последовало молчание.

— Итак, — заговорил Рейвен, ведя жену к экипажу, — вы сказали, что трижды уличали меня во лжи. Хотелось бы знать, когда именно?

— Вы ждете ответа? — с притворным изумлением осведомилась Ли. — А я думала, вы предпочитаете, чтобы я хранила молчание...

— Я дам вам знать, когда нужно будет молчать. А сейчас мне не терпится услышать исчерпывающий ответ на свой вопрос.

Искоса взглянув на Рейвена, Ли убедилась, что он и в самом деле раздражен. Довольная очередной победой. Ли сочла своим долгом ответить:

— Вы опасаетесь, как бы люди не услышали, что вы ссоритесь с женой, позволяете ей самой оплачивать счета и спите в разных спальнях. Вот вам все три случая.

Рейвен беспокойно огляделся:

— Черт побери, неужели нельзя говорить потише?

— Вот видите!

— Я вижу только, что вы сделали слишком поспешные выводы из моих слов о том, что я терпеть не могу балы. И это правда. В особенности мне ненавистен сегодняшний бал — ведь мне известно, что вы расцениваете его только как выдающееся событие сезона и удобный случай поохотиться.

— Простите, как вы сказали? — в притворном недоумении прервала Ли.

— Я имел в виду охоту на кандидатов в мужья, агнцев, готовых к закланию.

— Какой вздор!

— И я того же мнения. Вот почему я отказываюсь участвовать в ваших играх.

— Ухаживание — не игра, а искусство, — терпеливо объяснила Ли так, словно разговаривала с невежественным иностранцем. — Искусство, освященное веками, о котором вы, судя по всему, не имеете ни малейшего представления. Поэтому было бы нелепо надеяться на вашу помощь в...

Она осеклась и негромко ахнула: Рейвен схватил ее за руку и потянул в сторону.

Увлеченная своей лекцией, Ли не заметила, что прямо на них, понурив голову, движется немолодой, хорошо одетый джентльмен. Но Рейвен спохватился слишком поздно, и мужчина толкнул Ли плечом.

— Прошу прощения! — воскликнул он. — Теперь я буду внимательнее смотреть, куда иду. Надеюсь, я не ушиб вас, мадам?

— Ничуть, — заверила его Ли, демонстративно потирая плечо. — Мне уже случалось наткаться на стены.

— Знакомые слова! Я часто... — Внезапно он осекся, на его лице отразился ужас. — Дейва? Боже мой, это ты?..

Ли быстро отвернулась с таким чувством, словно кто-то сунул ей за шиворот сосульку

— Простите, но я вас не понимаю. — Она взглянула на Рейвена: — Мы идем?

— Конечно, — отозвался он, подавая ей руку.

— Но... вы же... — растерялся незнакомец.

Не обращая на него внимания, Рейвен повел жену к ждущему неподалеку экипажу и помог ей сесть.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросил он, тревожно вглядываясь в лицо Ли.

— В полном.

— С виду не скажешь, — возразил Рейвен. — Можно подумать, что вы увидели призрак.

— Не болтайте вздор! Просто я устала и хочу домой, да поскорее.

Рейвен кивнул и закрыл дверцу экипажа.

— Быстрее домой, — велел он кучеру, не спуская глаз с Ли. — Я поеду следом.

Едва экипаж тронулся с места, Ли откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и поддалась отчаянию, которое не посмела выказать в присутствии Рейвена. Она говорила правду: никаких призраков она не видела. Однако Ли не сомневалась, что джентльмену, столкнувшемуся с ней, явилось пугающее зрелище.

Ли влетела в дом прежде, чем Рейвен спешил, и направилась напрямик к себе в спальню, надеясь под предлогом головной боли остаться одна и собраться с мыслями. Проходя мимо зеркала в позолоченной раме, она отвернулась, боясь увидеть собственное отражение.

С годами материнское лицо поблекло в ее памяти, но иногда Ли посещали мысли о том, действительно ли она точная копия своей матери? Было невозможно отрицать, что она унаследовала ее зеленые глаза, густые рыжеватые волосы и тонкое выразительное лицо, но на свете найдутся сотни женщин с зелеными глазами, каштановыми волосами и высокими скулами.

Очевидно, джентльмена с Бонд-стрит потрясло что-то другое. Неужели выражение ее лица напомнило ему мать девушки? Или манеры? А может, сияние глаз? Или то, что Ли сопровождал Рейвен, обладатель скандальной репутации, которому она опрометчиво позволила столько вольностей?

Ли крепко сцепила пальцы, ужасаясь мысли о том, что унаследовала не только внешний облик матери, но и... ее нрав.

Она принялась тревожно ходить по комнате. В Бэмборо с ней никогда бы не случилось ничего подобного. Но здесь все было иначе. Она сама изменилась. Рядом с Рейвеном она стала более беспечной, уязвимой, жаждущей — все вместе.

Этому пора положить конец. И немедленно! Очевидно, ее сходство с матерью невозможно не заметить. Значит, у нее есть два выхода; либо рассказать Рейвену обо всем и надеяться, что он не откажется от сделки, либо с замиранием сердца ждать, пока кто-нибудь не сообщит ему все пикантные подробности семейного скандала — возможно, уже сегодня вечером, на балу.

Надо действовать самой, решила Ли. Что бы ни сказал ей Рейвен наедине, это не нанесет такого ущерба ее планам, как публичная сцена. Итак, решено, заключила она, ложась в постель, чтобы обдумать предстоящий разговор. Но вскоре ее сморил сон. Когда Ли проснулась, за окнами было уже темно; пришлось зажечь лампу. Стараясь прогнать дремоту, она позвала Бриджет и принялась подыскивать в своем гардеробе туалет, подходящий для бала.

Власяницу — вот что ей следует носить, с горькой иронией подумала Ли. И посыпать голову пеплом. Чем хуже она будет выглядеть, тем меньше напомнит людям Дейву. И тем реже Рейвен будет поглядывать на нее алчно, как кот на кувшин со сливками, тем скорее он поймет, что развлечений следует искать в другом месте.

Беда заключалась в том, что Ли не хотелось выглядеть пугалом. Она мечтала нравиться, и это желание тоже было новым и тревожным. Она никогда не считала себя кокеткой, озабоченной лишь нарядами, но внезапно все грани и черты характера, до времени погребенные в глубине души, всплыли на поверхность. Но еще сильнее ее тревожило желание нравиться Рейвену, увидеть восторженный блеск в его глазах — только Богу известно, зачем ей это понадобилось! Все это настораживало Ли и совершенно не вязалось с ее прежними представлениями о себе, но где-то в глубине души ей нравилось играть роль кувшина со сливками для такого кота.

Вот именно, играть! И не более того, заверила себя Ли. Ее брак был и навсегда

останется фиктивным. А если Рейвен вынашивает иные планы, ему придется забыть о них.

С помощью горничной Ли облачилась в декольтированное бальное платье из ярко-голубого шелка, с кружевным чехлом, украшенным по подолу жемчугом и белыми атласными розетками. Так же были отделаны ее туфельки, веер и ридикюль. Это платье, лучшее в ее гардеробе. Ли намеревалась приберечь для особого случая — может быть, даже для свадьбы Крисси. После того как Бриджет причесала ее, выпустив из узла массу блестящих кудрей, ниспадающих на затылок. Ли величественным шагом вплыла в пустую; безмолвную гостиную.

Торна она нашла в кухне

— А где герцог, Торн? — спросила она.

— Уехал. — Слуга лишь на миг оторвал взгляд от блюда в духовке: ни жемчуг, ни розетки Ли не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Уехал?!

Дворецкий, кивнул.

— Куда? — продолжала расспросы Ли.

— Куда-то.

Ли сжала кулаки.

— Так вам известно, куда уехал герцог, или нет?

— Понятия не имею, — отозвался Торн, вынимая из духовки пирог. Окутанный аппетитным ароматом, он пронес блюдо мимо Ли к длинному сосновому столу.

— Что это? — спросила она.

Слуга вынул из отверстия подставки нож.

— Пирог с мясом.

Уже знакомая с кулинарными шедеврами Снейка, Ли без воодушевления взглянула на пирог.

— Снейк приготовил на ужин пирог?

— Нет, куриное фрикасе. Как каждый третий вечер.

— Каждый третий вечер? Что это значит?

— В первый вечер он готовит жареную баранину, во второй — рагу из говядины, а в третий — фрикасе. Затем повторяется все сначала.

— Вы хотите сказать, он изо дня в день кормит вас всего тремя блюдами? Не может быть!

— Еще как может! — пробормотал Торн и разрезал пирог, обнажив его ароматную начинку.

— И он никогда не пробовал приготовить что-нибудь другое?

— Разок попробовал — и бросил. По крайней мере эти три кушанья удаются ему. Надо быть смельчаком, чтобы отважиться есть стряпню Снейка.

— Понимаю, — кивнула Ли с невеселой улыбкой. — Я уже попробовала приготовленные им яйца...

— Этого более чем достаточно, — сообщил Торн, не поднимая головы.

Ли поняла, что он прячет улыбку. Несомненно, ему и в голову не приходило смеяться вместе с женщиной, которая вторглась в царство мужского хаоса.

— Откуда же взялся этот пирог? — допытывалась Ли.

— Я испек его.

Ли удивилась:

— Вы умеете готовить?

— Немного.

Тяжело вздохнув. Ли напрямик спросила Торна:

— Как вы думаете, Торн, мы могли бы поговорить? По-настоящему, на равных? Чтобы мне не пришлось вытягивать из вас в час по слову? С таким же успехом можно искать блох в собачьей шерсти.

Торн окинул ее подозрительным взглядом.

— Откуда вам известно, что у собак бывают блохи?

— Видите ли, я не всю жизнь провела в Лондоне...

— Но разве леди пристало беседовать со слугами... ваша светлость?

— Насчет других леди не знаю, а мне бы хотелось, чтобы мы с вами научились понимать друг друга. Ваше мнение мне небезразлично. В конце концов, мы живем под одной крышей! — Она бросила ридикюль на стол. — Как видите, я собралась на бал, но понятия не имею, где находится мой муж. К тому же во рту у меня с утра не было ни крошки, а пирог так аппетитно пахнет...

— Хотите кусочек? — не слишком любезно предложил Торн.

— А можно?

Он пожал плечами:

— Это ваш дом.

— А пирог ваш.

Несколько секунд слуга смотрел на Ли так, словно старался разгадать ее тайный замысел. Наконец он произнес:

— Здесь хватит нам обоим. Прикажете подать ужин в столовую... ваша светлость?

— Разумеется, нет! И перестаньте так смотреть на меня. Мне не впервой ужинать на кухне. Там, где я жила раньше, это было в порядке вещей. Сказать по правде, тарелку супа, съеденную под звон кастрюль и ложек, я предпочитаю ужину из нескольких блюд, поданному в роскошной столовой. Прежде компанию мне составляли только моя сестра и экономка.

— Садитесь, — велел Торн и, подумав, прибавил: — ваша светлость.

Он принес ножи и вилки, достал из буфета накрахмаленную льняную салфетку и положил на обе тарелки по увесистому куску пирога. Его вкус превосходил запах — так Ли и сказала. Разговор возобновился, когда оба утолили первый голод.

— Так вы расскажете мне, где научились готовить?

После долгого молчания Тори с явным отсутствием воодушевления произнес:

— У матери. — И, поскольку Ли не сводила с него выжидательного взгляда, добавил: — Когда мне было тринадцать, она заболела и пролежала в постели чуть ли не целый год. Мы перенесли ее кровать на кухню — там было теплее. Не вставая, мать объясняла мне, что и как надо делать. Вот я и научился.

— И если принять за образец этот пирог, достигли больших успехов. Что же было дальше, когда ваша матушка поправилась? Она сама принялась готовить или к тому времени ученик превзошел наставницу?

— Она не поправилась. — Торн с трудом сглотнул, не поднимая глаз.

— Простите... — Ли вдруг протянула руку и коснулась ладони слуги. Торн не отодвинул ее. — Я тоже потеряла мать примерно в том же возрасте.

— Очень жаль, — угрюмо отозвался Торн и запихнул в рот большой кусок пирога, давая

понять, что предпочитает еду разговорам.

Ли последовала его примеру, но так и не сумела одолеть больше половины своей порции.

— Скажите, Торн, — снова заговорила она, отложив вилку и переходя к более безобидной теме, — Снейк не возражает, когда вы вторгаетесь в его владения?

Тори фыркнул:

— Никогда! Он готов часами болтать о всякой чепухе.

— Чепухе?

— Ну да — розах, мимозах, как они там называются? Снейк говорит, что в садоводстве Мэннингтон не смыслит ни хре... — Он осекся и покраснел.

Ли кивнула:

— Понятно. Как, по-вашему, Снейк прав?

— Кто знает? — Желание хозяйки узнать его мнение польстило Торну и вместе с тем удивило его. — Прежде здесь никому и в голову не приходило ухаживать за садом, поэтому старина Мэннингтон неделями не вылезал из конюшни. Лошадей он любит больше, чем людей.

— Ясно...

Ли поняла, что если разобраться во всей этой путанице — дворецком, способном заменить повара, поваре, который предпочитает садоводство, и садовнике, обожающем лошадей, — найдется решение одного из самых серьезных затруднений, вставших перед ней. Сколько бы она ни пыталась привести в порядок Рейвен-Хаус, если слуги и впредь будут заниматься не своим делом, дом вскоре вновь придет в плачевное состояние.

— Но скажите, Торн, если уж вам так нравится готовить, почему же поваром стал Снейк, а не вы?

— Мы бросили жребий.

— Что, простите?

— Жребий. Это когда...

— Мне известно, что такое жребий. Я не понимаю одного: зачем распределять обязанности между слугами таким способом?

— Так решил герцог.

— Вот как? — Это объясняло все и ничего. К удивлению Ли, ей не пришлось выпытывать объяснения у Торна.

— Мы служим его светлости со времен битвы при Саламанке. Второго такого храброго и опытного офицера нигде не найти. Когда все мы вернулись домой, нам понадобилась работа, вот его светлость и нанял нас. Нам и в голову не приходило уклоняться от своих обязанностей.

— А куда же делась та прислуга, что раньше работала в доме?

— Ее уже не было. Старый герцог давно умер, с тех пор дом пустовал. По правде говоря, думаю, его светлость дождется, когда дом развалится от старости, и переселится туда, где нет призраков. Он живет здесь только потому, что в доме хватает места для прислуги.

— Все ясно... — Запущенность дома Ли приписывала лености и себялюбию Рейвена, а погоне за удовольствиями не уделяющего ни малейшего внимания пятнам на потолках или безалаберности прислуги. Однако выслушав замечания Торна, она заподозрила, что ремонтом дома герцог не занимался умышленно.

Но почему? Ли задумалась. Что заставило Рейвена с таким пренебрежением отнестись к

наследству? Чьи призраки обитают в Рейвен-Хаусе?

В конторе Сирила Гейтса на Глассхаус-стрит не было ни души, если не считать Адриана и самого Сирила. Своему не слишком преуспевающему поверенному Адриан поручал дела необычного или щекотливого свойства. Для таких поручений Сирил годился идеально, поскольку был чужд щепетильности и умел держать рот на замке. А еще он обладал достоинством, которого недоставало другим поверенным Адриана, занятым привычными делами, — всеми мыслимыми и немыслимыми связями.

— Вы получили мои распоряжения? — спросил Адриан, как только устроился в кресле в небольшом кабинете. Здесь пахло старой кожей и табаком, единственная лампа отбрасывала на стол пятно света.

— Ваше письмо я получил, — отозвался Гейтс, поправляя очки в тонкой металлической оправе. Круглые карие глаза за совершенно круглыми стеклами и жидкий пушок вокруг лысины Гейтса создавали у Адриана впечатление, что он обсуждает свои дела с филином. — Ваши распоряжения, — продолжал поверенный, — показались мне несколько... туманными.

— Так и было задумано. Некоторые детали я хотел обсудить при встрече.

— Конечно, конечно! Стало быть, я правильно понял, что этот Дом птиц — весьма... деликатное предприятие?

— Вот именно.

— Прекрасно! Тогда прежде всего нам следует выбрать подходящее место.

— Об этом я уже позаботился. Мне известна одна галерея в Сохо, которую можно приобрести без лишнего шума.

— Отлично. Значит, мы можем перейти к... самим птицам, ваша светлость?

Адриан кивнул, едва заметно улыбнувшись.

— Насколько я понимаю, речь идет отнюдь не о тех пичужках, которых человек с несколькими фунтами в кармане найдет на каждом углу?

— Ни в коем случае! Я намерен приобрести самые редкостные экземпляры. Эти существа должны быть красивыми, забавными и, разумеется, непохожими друг на друга.

— Само собой, — подтвердил Гейтс, слегка поморщившись. — Иначе вашим... посетителям вскоре наскучит переходить от одной клетки к другой.

Адриан возликовал:

— Клетки! Блестящая мысль, Гейтс! И как я сам до этого не додумался?

— Я употребил это слово в переносном смысле...

— Нет-нет, вы подали мне идею! Думаю, клетки надо устроить так, чтобы наш птичник отличался от всех подобных заведений Лондона. Я уже вижу эти клетки размером с целую комнату, предназначенные для того, чтобы подчеркнуть достоинства того или иного вида пернатых. К примеру, в клетке канарейки все будет желтым — от пола до потолка, а в клетке кардинала...

— Красным, — подсказал Гейтс. — Да-да, теперь я понимаю, как вы правы. Я в восторге!

Как были бы в восторге все прочие настоящие мужчины города, удовлетворенно добавил про себя Адриан.

— Значит, во всем заведении не должно быть даже пары одинаковых птиц, — заявил он Гейтсу. — Возможно, их понадобится ввозить из-за границы. Вы готовы взяться за это?

— О, я вполне способен выбрать лучших птичек! Но как я уже сказал, мы говорим

отнюдь не о голубках, поэтому обойдутся они недешево.

Адриан расплылся в злорадной улыбке.

— А разве я забыл упомянуть о том, что мне удалось собрать щедрые пожертвования у самых высокопоставленных лиц города? Расставляйте ловушки, Гейтс. Цена не имеет значения.

Выйдя из конторы Гейтса, Адриан с вызывающим видом повернул коня не к дому, а в сторону клуба. Весь день ему пришлось вышагивать по гостиной в ожидании герцогини, которая под удобным предлогом головной боли заперлась у себя в спальне. Теперь пришла ее очередь подождать.

Колин и Уилл уже осчастливили клуб своим присутствием и теперь увлеченно играли в карты. Оба уже успели пропустить по стаканчику. Увидев Адриана, Колин предложил навестить мадам Луазель, заведение которой славилось самыми дорогими и изысканными жрицами любви во всем Лондоне.

— Только без меня, джентльмены, — отказался Адриан. — У меня другие планы. — И он рассказал о приглашении на бал к Торрингтонам.

Оба друга изумленно воззрились на него.

— На бал? — переспросил Колин, на лице которого отразилось явное недоверие. — Ты едешь на бал? По доброй воле?

— Разумеется, по доброй воле, — хмыкнул Адриан.

— И ты доволен?

— Вполне. Герцогиня пожелала войти в общество, и я решил, что это самое меньшее, на что я способен.

— Очень благородно с твоей стороны, Рейв, — заявил Уилл, одобрительно кивая.

Колин залпом осушил свой бокал.

— С этого все и начинается. Сначала ты позволишь затащить тебя на бал, затем на музыкальный вечер к чьей-нибудь дурнушке племяннице. Дойдет до того, что ты начнешь сопровождать герцогиню по лавкам Бонд-стрит, рассуждая о шелках новейших расцветок, увешанный свертками, словно вьючное животное!

Адриан подозрительно прищурился. Неужели Колин видел его на Бонд-стрит? Не может быть. Колин наверняка высмеял бы его на месте. К тому же ему, слава Богу, не пришлось тащить никакие свертки!

— Благодарю за предостережение, — откликнулся Рейвен. — А теперь, джентльмены, позвольте откланяться...

— Ни за что! — заявил Колин и встал. — Я не собирался на бал к Торрингтонам, но, черт побери, мне вдруг захотелось пикулей с перепелиными яйцами и вальсов. А тебе, Уилл?

Уилл решительно поднялся. Он редко проявлял инициативу, но еще реже отклонял предложения Колина.

— Пожалуй, я тоже не прочь попробовать парочку перепелиных яиц.

Колин усмехнулся:

— И кроме того, у меня появится возможность увидеть твою супругу в сознании.

— А не кажется ли вам, что подобные развлечения вам не по возрасту? — покровительственно осведомился Адриан.

— Нет! — хором ответили друзья.

— Значит, прихватим герцогиню — и в бой? — спросил Колин.

Втайне Адриан надеялся, что «прихватить герцогиню» не составит труда. Он уже давно понял, что Ли непредсказуема и наделена способностью воспринимать события совсем не так, как полагается женщине.

Адриан сознавал, что сегодня вечером заставил жену ждать. Возможно, она уже отчаялась и отправилась на бал без него. С другой стороны, она могла попросту лечь спать. Или решила дожидаться его у двери и сразу высказать все, что о нем думает. В любом из трех случаев ему будет неловко перед всегда готовыми посмеяться друзьями.

Сколько раз он сам потешался над мужьями, оказавшимися в столь унижительном положении!

Колин с Уиллом наверняка напомнят ему об этом.

Но как бы там ни было, Адриан не имел права рисковать, особенно предстоящей кампанией. Нельзя забывать, что его конечная цель — оказаться в постели с герцогиней, ласковой, страстной, жаждущей его, как ни одна женщина в мире.

Адриан вошел в дом, приготовившись к самому страшному. Не готов он был лишь к одному: застать жену на кухне. Ли смеялась, попивая чай в обществе самого ворчливого из слуг. Когда-то Адриан спас Торна от военного суда, а еще дважды — от удара ножом в спину, и теперь твердо знал, что старый дворецкий беззаветно предан ему.

При виде мужа Ли грациозно поднялась, а Адриана охватило стремительно нарастающее желание. Волосы Ли, собранные на макушке, обнажали стройную шею, роскошные плечи и восхитительную грудь. Она производила впечатление соблазнительного лакомства в обертке из голубого шелка, долгожданного подарка, на который Адриану не терпелось взглянуть.

Ли улыбнулась — очевидно, радуясь появлению мужа после непонятого отсутствия.

А где же раздражение, вполне объяснимое у женщины, вынужденной ждать? Где праведное негодование? Где вспышка супружеского гнева?

Впрочем, Адриан вовсе не хотел вызвать недовольство жены. Просто он не любил неожиданностей. А Ли устраивала ему один сюрприз за другим.

— Герцогиня, позвольте представить вам сэра Колина Торнтона.

Рослый, гибкий мужчина выступил вперед и поклонился. Его глаза напоминали темный янтарь, на лице играла неподражаемая улыбка.

Плут, сразу решила Ли, пока Колин целовал ей руку. И все же к этому человеку она не испытывала неприязни.

Рейвен сухо продолжал:

— А с мистером Грантли вы уже знакомы.

Ли дружески улыбнулась, отвечая на смущенное приветствие Уилла Грантли.

— Рад познакомиться с вами, ваша светлость, — произнес Колин. — Осмелюсь заметить, что более прелестного создания я еще никогда не встречал. Этот счастливчик не заслужил такой награды, — кивнул он в сторону Рейвена.

— Не знаю, стоит ли верить вам, сэр Колин? — откликнулась Ли. — Ваше красноречие свидетельствует о том, что вы давно привыкли встречаться с «прелестными созданиями».

Колин добродушно усмехнулся:

— О, красота и ум! Редкое и заманчивое сочетание!

— Может быть, отправимся на бал? — вмешался Рейвен. — Или тебе еще не надоело флиртовать с моей женой?

— Рейвен обожает балы, — поведал Колин тоном, которому Ли ни на минуту не поверила. — Попросите его рассказать, как однажды ему удалось мгновенно остановить всех танцующих. Это случилось на балу у графа Пенвика.

Ли с любопытством взглянула на супруга.

— В другой раз, — нехотя пообещал Адриан, предлагая Ли руку. — Если вы не передумали, джентльмены, предлагаю поспешить.

— Этот бал Адриан не пропустил бы ни за что на свете, — рассказывал Колин, в то время как Ли боролась с досадой, узнав, что друзья Рейвена будут сопровождать их. По дороге она рассчитывала поговорить с герцогом с глазу на глаз. Она сожалела о том, что не рассказала о себе с самого начала. — Я готов поспешить лишь в том случае, если герцогиня пообещает мне первый танец, — не унимался Колин.

— Это исключено, — возразил Рейвен. — Первый танец она уже пообещала мне.

Его друг изумленно поднял брови:

— Ты же не танцуешь!

— Теперь танцую.

— Это правда, герцогиня? — обратился Колин к Ли. — Вы намерены погрешить против правил света, отдав первый танец собственному мужу?

Ли взглянула на Рейвена — тот гордо вскинул голову, надменно свел на переносице брови. По спине Ли пробежал холодок. В этот момент она была уверена, что они не заключали никакой сделки и не соглашались ни на какие компромиссы. «Ты моя, — казалось, говорил его взгляд, — и я буду танцевать с тобой когда и где пожелаю».

— К сожалению, да, — ответила она Колину.

— В таком случае, — нашелся он, — за мной второй танец.

— А за мной — третий! — подхватил Уилл.

Ли улыбнулась, польщенная и удивленная новизной ощущений: она впервые оказалась в

центре мужского внимания!

— При условии, что танцы не кончатся к тому времени, как мы приедем на бал, — проворчал Рейвен, словно и не был виновен в опоздании.

Он и вправду несносен, подумала Ли, пока Рейвен помогал ей набросить черный бархатный плащ и повел всю компанию к двери. При этом он жестом собственника придерживал Ли за талию, вызывая у нее легкое головокружение. То же самое чувство она испытала несколько минут назад, когда герцог смотрел на нее взглядом голодного льва, а не ленивого кота. Откровенно говоря, на это она и рассчитывала, выбирая платье.

Путем дерзких маневров Рейвен ухитрился занять в экипаже место рядом с женой. Он сидел так близко, что Ли ощущала тепло его бедра сквозь тонкий слой шелка и кружева. По ее спине продолжали пробегать мурашки. Все, на что она была способна в эту минуту, — кое-как поддерживать разговор. Как она ни старалась сосредоточиться, ее мысли путались, неизменно возвращаясь к человеку, сидящему рядом. Жар сильного тела и мужской запах опьяняли ее.

Ли поежилась. Она затеяла опасную игру. Внутренний голос предупреждал, что Рейвен ничем не лучше других мужчин: увлекшись им, она рано или поздно будет вынуждена пожертвовать всем.

По лондонским меркам особняк Торрингтонов был вершиной великолепия. От шумной Пиккадилли его отделял большой двор. Чугунные ворота были широко распахнуты, и к парадным дверям вереницей подъезжали экипажи гостей.

Ли и Рейвен с друзьями оказались не единственными опоздавшими. Непрерывный поток разодетых дам и джентльменов напомнил Ли балы, которые ее родители устраивали, живя в большом доме близ Гайд-парка. В те годы, ускользнув из спальни, Ли восторженно наблюдала за гостями с лестницы. Дом точно так же наполняли смех и радостное возбуждение. Отличие заключалось лишь в том, что теперь Ли была своей на празднике взрослых.

И если бы не пресловутый меч, висящий над ней, она от души наслаждалась бы вечером.

— Итак, — заговорил Рейвен, кружа жену по заполненному гостями бальному залу с великолепным позолоченным потолком и обитыми бордовым шелком стенами, — каково чувствовать себя грешницей?

Ли растерялась.

— Что, простите?

— Грешить против светских правил — кажется, так Колин отозвался о танце с мужем?

— Ах, вот вы о чем! — Ли рассмеялась с облегчением. — Полагаю, это на редкость скучное зрелище.

— Напротив — судя по взглядам, обращенным на нас.

— Правда? — в замешательстве произнесла Ли, стараясь скрыть от Рейвена волнение. — Я не заметила.

По крайней мере она старалась ничего не замечать. Ее тревога только усилилась при виде множества любопытных глаз.

— Разве вы не видите, как все смотрят нам вслед? По меньшей мере половина танцующих сбилась с такта и чуть не вывернула шеи, чтобы лучше разглядеть вас.

Очевидно, Рейвен вовсе не радовался тому, что его жена стала предметом пристального внимания. Ли не хотелось даже думать о том, что он скажет, узнав истинную причину

подобного любопытства, которую она неосмотрительно утаила, обсуждая условия сделки.

— Мой первый лондонский бал слишком ошеломил меня. Напрасно вы сказали, что на нас смотрят. Уверена, все гости сочли меня деревенской простушкой, способной только глазеть по сторонам и танцевать с собственным мужем.

Рейвен иронически усмехнулся:

— Уверяю вас, мадам, мысли по крайней мере половины из тех, о ком я упомянул — мужской половины, — отнюдь не так невинны. Вы забыли, какое на вас платье?

Ли удивленно уставилась на него:

— Неужто вы ревнуете, Рейвен?

— Что за чепуха!

Непонятное раздражение Рейвена не ускользнуло от Ли, и она задумалась о том, чем грозит ей такая перемена.

Когда музыка смолкла, герцог удивил жену во второй раз, удержав ее за руку и не позволив покинуть зал.

— Что вам угодно? — осведомилась Ли, остро сознавая направленные на нее пристальные взгляды и шепотки, разнесшиеся по залу.

— Вас, — ответил герцог, и Ли испуганно ахнула. Оркестр заиграл следующий вальс. — Видеть вас рядом со мной, на вашем законном месте. Она неуверенно оглянулась.

— Но сэр Колин...

— К черту Колина! Вы моя! — У Ли забилося сердце, а герцог привлек ее к себе непозволительно близко, рискуя вызвать скандал. Но Ли просто не могла и не хотела отстраниться. — Побудьте со мной еще немного. Поскучаем вместе,

Его хрипловатый голос слышали пары, стоявшие поблизости, и, судя по всему, решительно вознамерились оповестить о словах герцога всех присутствующих. Вскоре все вокруг будут судачить только о преданности герцога Рейвена молодой жене. Что он затеял? Может, он просто играет навязанную ему роль? Или задумал нечто большее? Неужели и он испытывает те же чувства, которые грозят захлестнуть Ли? И притворяется бесстрастным, как она сама?

Нет, это невозможно! Не может быть, чтобы на столь искушенного человека, как Рейвен, произвели впечатление прикосновения провинциальной старой девы, лишившейся рассудка. Должно быть, она спутала свои фантазии с реальностью. Но как трудно рассуждать здраво, когда кружится голова! А бесконечные нагромождения лжи и притворства окончательно все запутали.

— Так что же? — в конце концов осведомился герцог, с насмешливым упреком глядя на Ли. — Неужели вы исчерпали свой словарный запас, кокетничая с моими друзьями, и теперь вам нечего сказать?

Нечего сказать? Да ее распирало от избытка слов, но переполненный бальный зал не лучшее место для исповедей и объяснений.

— Отнюдь. Просто я пытаюсь следовать вашим указаниям и вести себя, как подобает любящей жене.

— Каким еще указаниям?

— Вы же предложили поскучать. У меня получается?

— Откровенно говоря, нет. — Рейвен невесело усмехнулся. — Время, проведенное вдвоем, я едва ли назвал бы скучным.

— Тогда каким же? — не задумываясь, спросила Ли.

Он пожал плечами:

— Скажем, многообещающим, беспокойным. Удивительным. И незабываемым.

— Незабываемым... — эхом повторила Ли, словно пробуя это слово на вкус, и улыбнулась. — Это подходит.

— А что бы предпочли вы?

Этот вопрос заставил Ли задуматься о будущем, когда она благополучно вернется домой, в Бэмборо, вспоминая о недавнем испытании. Ей бы радоваться, но вместо того Ли ощутила непривычное и непонятное томление.

— Многообещающее, — наконец ответила она. — Тревожное, удивительное. И опасное.

— Чем же опасен танец?

Всем, мысленно ответила Ли. Подобное ей и в голову не приходило — до тех пор, пока Рейвен не ворвался в ее жизнь и не дал понять, что она слишком плохо знает самое себя.

— Нельзя не признать, что мы оказались в весьма рискованном положении, — отозвалась она.

— Потому, что все это только фарс?

— Тсс! — Ли украдкой огляделась по сторонам. — При посторонних забудьте это слово!

— Но почему? Я редко бываю на балах, но мне известно, что светские господа не умеют читать по губам.

— Осторожность никогда не помешает. — Ли вновь огляделась. — Нельзя, чтобы эти люди хоть что-нибудь заподозрили.

— Значит, этому есть причины?

Она вскинула голову и настороженно взглядела в лицо Рейвена:

— Почему вы спрашиваете?

Рейвен продолжал умело вести ее в танце.

— Потому, что вы вдруг одеревенели, и мне показалось, что я танцую с трупом. Помните, еще недавно вы обвиняли меня в том, что я желаю вам поскорее обратиться в него?

— Очень забавно. Но я не одеревенела, — возразила Ли, пробуя расслабить плечи. — Просто отвлеклась — как, должно быть, и вы.

— С какой стати? — Рейвен провел ладонью по спине Ли, и все ее старания взять себя в руки пропали даром. — Подумайте, Ли, что плохого, если мы пошлем свою сделку ко всем чертям и прекратим этот фарс?

— Что плохого? — возмущенно переспросила Ли, опасаясь, что Рейвен решил пойти на попятную. — Это... отвратительно! Скверно! В таком случае все пропало...

Внезапно она почувствовала, что танцует с трупом.

— Полагаю, под «все» вы понимаете цель своего приезда в Лондон? — напряженным тоном осведомился герцог.

— Конечно, что же еще?

— И правда, что? — пробормотал он. — Можете успокоиться. Я не лишу вашу сестру надежды поймать достойную добычу.

— Лично я предпочитаю называть это иначе. Нельзя лишать Кристиану шанса встретить порядочного, достойного человека и отпраздновать свадьбу — с цветами, музыкой и церковным обрядом.

— Такую, о которой мечтали и вы?

— Да... — Ли спохватилась. — То есть нет. Вы меня совсем запутали!

— Тогда позвольте помочь вам разобраться. Ясно, что, хотя вы не причисляете себя к романтическим особам, вы так же подвержены сентиментальности, как любая другая представительница прекрасного пола.

— А вы — такой же циник и лжец, как любой другой мужчина.

— Улыбнитесь, — посоветовал Рейвен. — Наши зрители не умеют читать по губам, зато мгновенно замечают ссоры мнимых влюбленных.

Он дождался, когда губы Ли сложатся в принужденную улыбку, склонил голову и коснулся ее волос. Этот мимолетный, почти неосознанный жест поверг Ли в трепет, грозящий перерасти во взрыв, когда Рейвен привлек ее к себе и коснулся языком ее уха. Это горячее, влажное и дерзкое скольжение ошеломило ее. Она никак не могла поверить, что Рейвен позволил себе подобную выходку в присутствии посторонних.

— Что вы делаете? — возмутилась она.

— Убеждаю окружающих, что я без ума от вас. Разве не это требуется от меня по условиям сделки?

— Не совсем. Мы договорились, что в присутствии посторонних будем оказывать друг другу пристойные знаки внимания.

— Разве пробовать вас на вкус непристойно?

— Вы несносны! — выпалила Ли.

— А вы слишком аппетитны. Кстати, — добавил он с довольной усмешкой, — именно таким способом я остановил танцующих на балу у старины Пенвика. Правда, в тот раз я попробовал на вкус жену самого Пенвика, а не свою собственную. Так на чем мы остановились прежде, чем я поддался искушению?

Ли, которая никак не могла прогнать головокружение, уязвило безразличие партнера.

— Ах да, теперь я припоминаю! — продолжал герцог. — Мы обсуждали ваши заветные мечты о пышной свадьбе, сыгранной по всем правилам. Скажите, герцогиня, вы уже успели выбрать жениха или были слишком заняты подбором цветов? Может, какой-нибудь достопочтенный эсквайр с нетерпением ждет, когда вы вернетесь домой?

— Если бы таковой имелся, ваша светлость, он не стал бы дожидаться, когда я лишусь чувств, чтобы понести меня к алтарю!

— Вот опять! — упрекнул герцог. — Улыбайтесь!.. Уже лучше. А вам не приходило в голову, что я предпочитаю видеть вас в обмороке?

— Боятесь?

— Скорее, избегаю сопротивления.

— С вами просто невозможно разговаривать!

Обернувшись, Ли и Рейвен увидели, рядом Колина Торнтон.

— Ей-богу, вы не сводили глаз друг с друга с тех пор, как начался танец, — сказал Колин и с усмешкой обратился к Рейвену: — Но если ты надеялся на мою забывчивость, то просчитался. Этот танец твоя жена обещала мне. — И он протянул руку: — Вы позволите?

— Сделай одолжение, — отозвался Рейвен, с готовностью отпуская партнершу.

— А я думал, придется выдержать бой, — заметил Колин. Он легко положил ладонь на талию Ли, выказывая гораздо больше равнодушия, чем Рейвен, и, к раздражению самой Ли, не вызывая в ней ни малейшего трепета. Сказать по правде, она не знала, что хуже — отзываться на прикосновения любого мужчины или оживать только в присутствии Рейвена. — Похоже, бедняге Рейву не хотелось расставаться с вами, — продолжал Колин.

— Напротив, — заверила его Ли, — он был счастлив отделаться от меня. Он недоволен мной.

— Что? Вы уже поссорились?

— Нет, что вы! — негодуяще воскликнула Ли, но тут же спохватилась, что столь бурный ответ выглядит неестественно. — Просто разошлись во мнениях.

— В таком случае теперь вам нечего опасаться, герцогиня: во мне вы найдете самого покладистого партнера. Отныне цель моей жизни — по крайней мере на сегодняшний вечер — соглашаться с вами во всем. — Не выдержав. Ли улыбнулась. Заметив это, Колин поднял бровь. — Вы мне не верите?

— А вам можно верить?

— Пожалуй, нет. Да-да, не стоит! Мужчина обязан завоевать доверие женщины. Слово за вами.

— Простите?..

— Повторяю, слово за вами. Устройте мне испытание. Скажите что-нибудь — что угодно, а я соглашусь с вашим мнением, каким бы нелепым оно ни было. По правде говоря, — добавил он, сверкнув искренней улыбкой, согревшей душу Ли, — чем более нелепым оно будет, тем охотнее я соглашусь.

Не расположенная к шуткам, Ли покачала головой и тут заметила, что Рейвен наблюдает за ней, стоя у стены. Его горящий взгляд был настолько пристальным и зловещим, что Ли пришла в голову странная мысль: он гипнотизирует ее!

Вызывающе тряхнув головой, она одарила партнера самой чарующей из своих улыбок:

— Сейчас проверим. Я считаю, что... луна сделана из зеленого сыра.

Он кивнул:

— Разумеется. Не хотите ли прогуляться со мной по саду и подтвердить свое предположение?

— Вы неисправимы! — воскликнула Ли, заливаясь веселым смехом.

— Не совсем, — запротестовал Колин. — К примеру, совершенно неисправимый человек упустил бы случай извиниться за роль, которую он сыграл в вашем недавнем браке... а я его не упущу и искренне попрошу прощения. Простите ли вы меня хоть когда-нибудь, герцогиня?

— Конечно. Уже простила.

Колин мгновенно сбился с такта, наступил Ли на ногу и рассыпался в извинениях.

— Уже простили? И это все? — На его лице надежда смешалась с недоверием, а Ли вновь рассмеялась.

— Да, все. А вы чего ждали?

— Пыток, дыбы или по крайней мере того, что меня обмажут смолой и обваляют в перьях. Я не шучу: большинство знакомых мне женщин предпочли бы помучить меня неизвестностью, заставить на коленях вымаливать прощение и наслаждаться местью.

— Значит, ваши знакомые несравненно талантливее меня: я понятия не имею, как заставить вас вымаливать прощение и что делать с вами дальше!

Колин слегка отстранился и уставился на Ли с таким видом, словно не знал, как расценить ее слова. Вероятно, она совершила досадную ошибку, подумала Ли. Незачем было признаваться в своей неискренности.

Она поспешила добавить:

— Но если повезет, здесь, в городе, я научусь мучить джентльменов.

— Надеюсь, этого не произойдет, герцогиня, — с невеселой улыбкой отозвался Колин. — Искренне на это надеюсь!

К тому времени как кончился танец, Ли согласилась звать партнера по имени и даровала ему ту же привилегию. А затем решила, что ее первое впечатление не было ошибочным: Колин Торнтон и правда оказался на редкость приятным собеседником. И преданным другом. Никакими уговорами Ли не удалось заставить его подробнее рассказать о том, как Рейвен танцевал с леди Пенвик. Колин оправдывался тем, что ему слишком дорог собственный язык, но Ли не сомневалась, что он дорожит дружбой больше, чем боится ее мужа.

Как только музыка умолкла, Уилл Грантли приблизился к ним и напомнил Ли об обещанном танце. Следующим танцем оказался котильон, не способствующий беседе. И все-таки Уилл ухитрился убедить Ли в своем равнодушии к ней и попросить обращаться к нему всякий раз, когда ей потребуется помощь.

— Рейв не такой уж дурной человек, — заверил Уилл, когда очередная фигура танца свела их лицом к лицу, — просто иногда с ним бывает трудно — особенно когда ему не удается...

— Добиться своего, — сухо подсказала Ли.

— Да, добиться своего, — грустно подтвердил Уилл. — В такие минуты он напоминает голодного медведя, застигнутого возле улья. Он способен натворить немало бед, сам того не сознавая.

— Я и сама прекрасно знаю, что Рейвен иногда поступает опрометчиво и что это не приносит ничего, кроме сожалений.

Наученная трудной судьбой матери, Ли стала неплохо разбираться в людях.

— Я бы так не сказал, — возразил Уилл со смущенной улыбкой. — Посмотрите-ка, каким удачным оказался ваш брак!

Ли спрятала усмешку, не желая спорить.

В последние минуты танца им пришлось двигаться по кругу от одного партнера к другому. Ли запыхалась, ее щеки покраснелись.

— Вам душно, — заметил Уилл, которого явно мучила одышка. — Я бы предложил вам прогуляться по саду, но не знаю, как это воспримет Рейв. Скорее всего он будет недоволен.

— Почему? — заинтересовалась Ли. — Значит, по натуре он собственник?

— Трудно сказать. Прежде у него никогда не было повода проявлять подобные чувства. Не считая Шарлотты Боннер, которую я и не считаю, поскольку это случилось давно, когда Рейву едва минул двадцать один год. Он был молод и неопытен, особенно по сравнению с женщиной на двенадцать лет старше. По крайней мере так она сама говорила. Но мы с Колином считали, что она убавила себе добрых пять лет. Во всяком случае, все кончилось таким скандалом, что Рейв предпочел забыть о нем навсегда.

— Кто такая Шарлотта? — спросила Ли.

Уилл растерянно заморгал:

— Что вы сказали?

— Я спросила, кто такая Шарлотта?

— Никто, — неуверенно отозвался Уилл. — Не знаю даже, зачем я упомянул это имя... Ах, да: вы спросили, собственник ли Рейвен, а он совсем не такой. Для друга он готов снять с себя последнюю рубашку. Впрочем, это совсем другое дело... Вы же не рубашка, вы жена... — Его глаза просияли. — Я нашел выход. Не хотите ли выпить чего-нибудь

прохладительного? Это вам не повредит.

— И я так думаю, — согласилась Ли, сердясь на себя за нелепое желание схватить Уилла за плечи и вытрясти из него всю подноготную Шарлотты Боннер.

Таинственная дама не первой молодости и пылкий, самовлюбленный юный герцог... Перед мысленным взором Ли возникла почти непристойная картина, заставив ее пожалеть о живости и богатстве собственного воображения. Репутация Рейвена ей была давно известна, но вспоминать о толпах безымянных женщин оказалось легче, чем знать, что две из них имели имена. За одной из них Рейвен волочился на балу, а вторая сыграла важную роль в его прошлом.

Пока Ли пыталась усмирить разыгравшееся воображение, танец закончился, и Уилл отвел ее к стене.

— Подождите здесь, — попросил он. — Я немедленно принесу вам прохладительного.

— Но... — не дослушав протест Ли, Уилл скрылся в толпе, даже не подумав о том, что оставляет ее в окружении совершенно незнакомых людей. Незнакомцы перешептывались, окидывали Ли пристальными взглядами. Внезапно ей захотелось домой, в Бэмборо, где танцам аккомпанировал единственный пианист, да еще изредка слуга, умеющий играть на скрипке. Все привычное и неопасное вдруг очутилось на другом краю земли.

Ли в отчаянии огляделась, надеясь увидеть хоть одно знакомое лицо. По иронии судьбы, единственным знакомым ей человеком в зале был Рейвен.

«Так просто я не сдамся», — решила Ли, пытаясь улыбкой придать себе уверенности и всеми силами стараясь не выглядеть перепуганной дурнушкой, посмевшей явиться на бал и теперь уныло подпирающей стену и сожалеющей о том, что...

— Ли?

Она мгновенно узнала этот неприятный женский голос, памятный ей по самым черным дням жизни и ужаса — ющим ночным кошмарам. «Вот и сбылась моя мечта увидеть здесь знакомое лицо», — усмехнулась над собой Ли. Стараясь не морщиться, она обернулась, чтобы поприветствовать особу, которую меньше всего желала видеть, женщину, с лица которой не сходило кислое выражение, злобную фурию с черной, как сажа, душой, мстительную сплетницу, не ведающую о том, что такое доброта и преданность.

— Добрый вечер, тетя Миллисент. Какой... — чудесный? Замечательный? Приятный? Нет, Ли не могла заставить себя выговорить эти слова, — удивительный сюрприз!

— Значит, тебе все же хватило наглости явиться сюда?.. — отозвалась тетя.

— Вы хотите сказать, после того как вы не ответили на письмо, в котором я сообщала, что привезу Кристиану в город на светский сезон? Да, как видите, я здесь. — Ли ухитрилась ответить любезным тоном, хотя ее до сих пор жгли воспоминания о резком письме тетки.

А между тем Ли вовсе не просила о помощи или гостеприимстве, хотя ее дядя и тетя, нынешние граф и графиня Олдвик, занимали уютный и просторный лондонский особняк, который Ли и Кресси некогда считали своим домом. Ли написала тетке только ради соблюдения приличий — в конце концов, более близких родственников у нее не осталось. Не хватало еще, чтобы о приезде сестер тетка узнала от чужих людей! По правде говоря, Ли надеялась, что заблаговременное предостережение позволит ей избежать омерзительной сцены, которая уже назревала, судя по брезгливо поджатым бесцветным губам Миллисент.

— И на что же ты надеялась, явившись сюда? — осведомилась графиня.

— Приятно провести вечер, — уклончиво ответила Ли. Меньше всего ей хотелось, чтобы Рейвен услышал, как они с теткой перетряхивают грязное семейное белье. —

Чудесный бал, не правда ли? Впервые слышу такую замечательную музыку...

— Не дерзи, скверная девчонка! Ты прекрасно понимаешь, что речь идет не о бале, а о твоём появлении в Лондоне. Ты явилась сюда лишь для того, чтобы досадить всем нам и испортить сезон моей Дженни!

С кузиной Дженни Ли не виделась уже много лет, но отлично запомнила ее угрюмой веснушчатой семилетней девочкой, испортить сезон которой вряд ли могло чье-либо присутствие. Однако эту мысль Ли оставила при себе, стремясь вежливо закончить неприятный разговор.

— Я никому не собиралась досаждать и ничего не хотела портить, тетя Миллисент. Моя единственная цель — предоставить сестре ту же возможность, какую вы предоставили Дженни, дать ей шанс познакомиться с достойным человеком и удачно выйти замуж.

— Место твоей сестры — в Бэмборо! — Глубокие борозды на густо осыпанном пудрой лице тетки стали еще глубже. — И твое тоже. Мне казалось, в письме я дала это понять, но, очевидно, мне следовало высказаться яснее. Ни одному достойному джентльмену и в голову не придет жениться на дочери распутницы. Пусть твоя сестра радуется, если найдет мужа в деревне. А тебе и на это нечего надеяться — вряд ли найдется мужчина, способный терпеть твои дерзости. — Графиня окинула Ли пренебрежительным взглядом. — Здесь тебе нечего делать.

Эти слова стали для Ли последней каплей. Стремление вести себя осмотрительно и любезно сменилось жгучим желанием отомстить за все упреки и оскорбления, которыми тетка вечно осыпала ее, Крисси и их мать.

— Напротив, — возразила она. — Мое место там, где живет мой муж. Отныне его дом принадлежит также мне и Кристиане, если она того пожелает.

Тетка недоверчиво прищурилась:

— Муж? Что ты несешь?

— Это правда, тетя. Я замужем за человеком, который согласился не только терпеть мою дерзость, но и жениться на дочери распутницы.

Необъятная грудь графини раздулась от ярости.

— И ты не стесняешься бравировать этим? Как будто наследством твоей матери можно гордиться!

— Да, я горжусь своей матерью! Конечно, она была небезгрешна, но добра и умела любить... и привыкла рассчитывать только на себя, — колко заключила Ли.

— Неудивительно, что ты защищаешь ее, — процедила тетка, презрительно скривив губы. — Ты еще в детстве была ее точной копией. Твой отец поступил мудро, отослав тебя в Бэмборо, подальше отсюда. — Туда, где вы с дядей решили оставить меня после его смерти!

— Для твоего же блага. Кто знает, каким позором ты покрыла бы себя и родных?

— Позором? Да я была еще ребенком, когда меня увезли из Лондона, а Крисси едва минуло семь лет! Нас разлучили с друзьями и родными...

— С вами была мать! — бросила тетка.

— Мама умерла через год после того, как вы предали ее. А она считала вас, свою невестку, подругой! Неужели вы об этом забыли?

— Это твоя мать была предательницей. Она изменила твоему отцу и смешала наше доброе имя с грязью! Это она решила жить по-своему, бросив детей на произвол судьбы, — или ты забыла об этом?

— Нет. И никогда не забуду.

— Рада слышать. Возможно, ты не повторишь ошибок матери. Впрочем, я твердо верю, что дурная кровь непременно скажется. Иначе почему ты вышла замуж тайно? Не спросив позволения у дяди?

Ли изумленно уставилась на тетку:

— Вы и в самом деле ждали, что я стану просить разрешения на брак у дяди, которому нет до меня никакого дела? Который много лет подряд общался с нами через поверенных?

Графиня фыркнула:

— Граф Олдвик очень занятой человек...

— А я — занятая женщина...

— И чем же ты занята? — прервала ее тетка. — Своими жалкими книжонками?

— В том числе, — парировала Ли, раздраженная тем, что слова графини по-прежнему ранят ее. — Да, я слишком занята, чтобы завоевывать расположение тех, чьим мнением не дорожу. Решения я предпочитаю принимать сама.

Графиня с вызовом вскинула многочисленные трясущиеся подбородки.

— Хочешь сказать, что именно поэтому ты вышла замуж тайно? А может, тебе просто не хотелось знакомить нас с этим своим... мужем? — Ее глаза злорадно вспыхнули. — Да разве найдется хоть один мужчина, готовый жениться на женщине, с которой не желают знаться даже ближайшие родственники?

— Как видите, уже нашелся, — прозвучал мужской голос.

Обернувшись, Ли увидела рядом Рейвена. У нее мелькнула досадная мысль: проживи она даже сто лет и напиши миллион «жалких книжонок», ей ни за что не выдумать столь увлекательного сюжета. Она не удосужилась подумать о том, что успел услышать Рейвен. С этим можно было подождать. А пока Ли упивалась выражением полной растерянности на лице тетки.

Не обращая внимания на графиню, Рейвен нежно улыбнулся жене. Увидев, как исполнилось ее заветное желание,

Ли вдруг ощутила прилив счастья, хотя и знала, что улыбка Рейвена рассчитана прежде всего на окружающих.

— Я соскучился, — пробормотал он, осыпая поцелуями руку жены. — Больше никогда не отпущу тебя так надолго.

— Всего на два танца, — напомнила Ли.

— Это слишком много, любимая! — И Рейвен обернулся к графине с улыбкой, сверкнувшей подобно обнаженному мечу: — Прошу прощения, я увлекся! — Снова устремив взгляд на Ли, он продолжал: — Дорогая, будь добра представить мне свою собеседницу.

— Конечно... милый. Познакомься с моей тетей, графиней Олдвик. — Ли успела заметить удивление, промелькнувшее в темных глазах Рейвена, но невозмутимо продолжала: — Тетя, это мой муж, герцог Рейвен.

— Я... — Графиня вконец растерялась.

— Рад знакомству, мадам, — с поклоном произнес Рейвен. — Теперь я знаю, от кого моя жена унаследовала красоту и обаяние... — Ироничная улыбка противоречила словам, но манеры Рейвена были безупречны и не вызвали сомнений в том, что Ли сделала блестящую партию. — Значит, Олдвик? Кажется, в прошлом я имел дело с вашим мужем. Если мне не изменяет память, речь шла о морских судах.

Графиня охотно закивала, с трудом преодолев потрясение:

— Да-да, так оно и было! Граф вложил в постройку морских судов крупную сумму.

Но не столь крупную, как сам герцог Рейвен. Мало кто располагал таким же внушительным состоянием — именно это и вызвало льстивую улыбку на лице графини. Ли ощутила, как ее тетка подыскивает верные слова, спеша ухватиться за неожиданное знакомство. Рейвен избавил графиню от таких трудов.

— Поскольку теперь мы родственники, я непременно подумаю о возобновлении наших деловых связей с графом, — произнес он. — Уверен, Ли сообщит мне все необходимые подробности.

— Разумеется! — Графиня без зазрения совести заулыбалась племяннице. — А я как раз упрекала Ли в том, что она не предупредила нас о свадьбе и не позволила дядюшке взять на себя расходы...

— Боюсь, в этом виноват только я, — объяснил Рейвен, вновь беря Ли за руку. — Найдя то, о чем мечтал, я обнаружил, что не в силах ждать. Я отказался от объявлений, приглашений, церемоний и прочей чепухи, лишь бы Ли поскорее стала моей. И кроме того, я ни с кем не намерен делиться женой, так что прошу простить нас. Идем, дорогая, — обратился он к Ли голосом, окутавшим ее подобно черному бархату.

— Но твой дядя... — Графиня вцепилась в рукав Ли и завертела головой, рискуя

свернуть шею. — Он где-то здесь. Он будет рад пожелать вам счастья, ваша светлость... то есть вам обоим.

— В другой раз, — отказался Рейвен, а тетка Ли улыбнулась так, словно ее благословили, а не бесцеремонно отвергли.

Вино улыбки Рейвена и вправду опьяняло.

— Мы могли бы навестить вас, — настаивала графиня.

— Пришлите свою карточку, — посоветовал Рейвен. — Ли намерена всецело преобразить Рейвен-Хаус, так же как и меня, а это займет у нее большую часть времени, оставшегося до приезда сестры.

— Ах да, нашей маленькой Кристианы! Мы будем рады видеть ее!

— Нисколько не сомневаюсь. — Рейвен увлекал Ли прочь, но графиня упрямо семенила вслед за ними. — Кажется, ты собиралась устроить званый вечер, дорогая?

Ли Кивнула.

— Званый вечер? — воскликнула графиня. — В Рей-вен-Хаусе? Бесподобно! Пожалуй, моя Дженни и Кристиана могли бы...

— Может быть, — перебил Рейвен, с умыслом поворачиваясь так, чтобы преградить графине путь. — Пришлите карточку.

Когда супругам наконец удалось отделаться от назойливой графини. Ли вздохнула с нескрываемым облегчением. Они с Рейвеном шли по бальному залу рука об руку. Постепенно Ли успокаивалась, только теперь понимая, с каким трудом дался ей этот разговор.

— Спасибо вам, — произнесла она.

— Не стоит благодарности.

— Клянусь, эту женщину я ненавижу всеми силами своей души!

— И должен заметить, не без причины. Ли похолодела:

— Но почему? Вы что-то слышали?

— Я услышал достаточно, чтобы решить: в следующий раз я свяжусь с вашим дядей лишь для того, чтобы потопить корабль, пассажиркой на котором будет ваша тетушка. — Ли рассмеялась. — И кроме того, я понял, что вас надо спасти, — добавил Рейвен.

Улыбка Ли стала задумчивой.

— Меня еще никогда никто не спасал.

— В таком случае мы квиты: прежде мне и в голову не приходило кого-нибудь спасать. Я отнюдь не питаю слабости к девицам в расстроенных чувствах.

— Почему же сегодня вы мне помогли?

— Хотите знать правду? — осведомился Рейвен, окидывая Ли таким взглядом, словно пытаясь решить, способна ли она понять его.

— Конечно.

— Я хотел подольститься к вам, а тут представился удачный случай.

— Подольститься ко мне? Но зачем?

— Чтобы уложить вас в свою постель... несмотря на условия сделки.

Ли нетерпеливо перебила:

— Не смейтесь надо мной, Рейвен! Скажите правду, зачем вы это сделали?

Он остановился и покачал головой, устремив на Ли почти ошеломленный взгляд.

— Ну, если вы настаиваете... Всею причиной вот это крохотное V, — он указал на морщинку между бровями Ли, — которое появляется каждый раз, когда вы сердитесь или

волнуетесь. Не знаю, почему, но каждый раз при виде его мне хочется... меня мучают мысли, какие прежде и в голову не приходили...

Затаив дыхание Ли смотрела на него до тех пор, пока не вспомнила, какой Рейвен опытный притворщик.

— Ну ладно, не хотите говорить правду — не надо, — заключила она. — Это не имеет значения. Как бы там ни было, я благодарна вам. А теперь я хочу домой.

Рейвен удержал ее за руку.

— Хотите сбежать? Вы разочаровали меня, герцогиня. Вот уж не думал, что вы трусиха!

— Я ничего не боюсь! — возмутилась Ли.

— Рад слышать. Членам семьи Деверо не пристало спасаться бегством. Таков наш фамильный девиз: «Не отступать и не сдаваться!»

— Но я же не член семьи Деверо! — Спohватившись, она добавила: — По крайней мере в строгом смысле слова.

— Напротив, вы — Деверо во всех смыслах слова, кроме одного, о котором мы поговорим позже. Вы моя жена, — провозгласил он спокойным, не терпящим возражений тоном. — Жена Адриана Деверо, и если вы еще не поняли, что это означает, то тем, кто сейчас наблюдает за нами, это доподлинно известно.

Едва повернув голову. Ли поняла, что Рейвен прав: за ними наблюдали. Играла музыка, но даже танцующие пары не сводили глаз с затененной ниши, где остановились молодожены.

— Теперь-то я точно хочу уехать отсюда, — заявила Ли, круто развернувшись.

Рейвен повернул ее к себе.

— А я — нет!

— Что же вы предлагаете? — выпалила Ли. — Остаться здесь, зная, что о нас сплетничают весь вечер?

— О нас будут сплетничать в любом случае, даже если мы уедем отсюда. Но поскольку все эти люди — лицемеры, они предпочитают перешептываться у нас за спиной. Мне приятно осознавать, что я способен лишить их такой возможности.

— А по-моему, в этом нет ничего приятного, — возразила Ли, забыв о недавнем чувстве благодарности мужу.

— Правда? — Адриан неспешно заложил непокорный завиток волос за ухо Ли, ухитрившись придать этому невинному жесту подобие супружеской ласки. Этот поступок, рассчитанный на зрителей, вызвал у Ли дрожь. — Должно быть, в таком деле нужна привычка, — заметил он.

— Увы, у меня нет ни малейшего желания приобретать ее.

— Вам следовало бы подумать об этом раньше — прежде чем вы согласились остаться женой такого человека, как я.

— Вы же обещали вести себя прилично, — напомнила Ли.

— Что я и делаю. Этот вечер принадлежит вам, герцогиня. Я просто учу вас пользоваться этим преимуществом.

— Каким же образом? — не удержалась от вопроса Ли.

— Поправьте мне галстук.

— Что? — удивленно переспросила Ли.

— Галстук, — нетерпеливо повторил он. Ли смущенно подняла руки и поправила безупречно повязанный галстук.

— Да не так! — Рейвен склонил голову с обольстительной улыбкой, которая наверняка ввела в заблуждение присутствующих. — Медленнее, тщательнее! Ей-богу, вы прикасаетесь ко мне как врач, а не жена.

Ли заставила себя медленно разглядеть воображаемые складки белого шелкового галстука и соблазнительным жестом заправить его концы под расшитый жилет.

— Уже лучше, — одобрил Рейвен. — Уверенность — вот о чем надо помнить. О непоколебимой уверенности в том, что я принадлежу вам, что бы ни болтали сплетники.

Все это понятно, думала Ли, подыскивая ответ. Она предчувствовала, что эта нелепая комедия превратится для нее в катастрофу.

В последний раз пригладив концы галстука, она скептически уставилась на Рейвена.

— И это все? Выглядеть уверенной и непрестанно возиться с вашим галстуком — это и есть ваш чудодейственный рецепт от беды, которую может навлечь на меня злой язык тети?

— Такую беду ничем не поправишь, — беспечно отозвался Рейвен.

— Так что же...

— ...тем более попытками спорить и все отрицать. Нет, — продолжал он с дьявольской усмешкой, — против злых языков нет оружия. Единственный способ отомстить — показать сплетникам, что их слова вас ничуть не задели.

— Словом, не отступать...

— И не сдаваться. Потанцуем? — спросил он, предлагая руку.

Пробираясь сквозь толпу, он то и дело кивал знакомым, которые улыбались и кивали в ответ. Несколько раз Адриан останавливался, чтобы представить Ли друзьям. Учтивый, даже несколько подобострастный прием слегка ободрил Ли, но не пробудил в ней радужных надежд. В бархатной перчатке таился железный кулак. Судя по всему, никто из гостей не сомневался в том, что Рейвен не постесняется обнажить его, если понадобится.

Не успев дойти до середины зала, они столкнулись с сэром Артуром Гиддингом и его женой, которых Ли запомнила со времен своего первого неожиданного визита в дом Рейвена.

Шутливо толкнув Рейвена локтем в бок, сэр Артур заметил, явно имея в виду недавнее происшествие с галстуком:

— На вашем месте, Рейвен, я препоручил бы все обязанности камердинера молодой жене.

Леди Мередит укоризненно взглянула на мужа:

— Как вам понравился бал, герцогиня?

— Боюсь, , мы прибыли слишком поздно, чтобы успеть как следует развлечься, — отозвалась Ли.

— Считайте, что вам повезло, — возразила леди Мередит, понизив голос и закатив глаза, и добавила: — Перед началом танцев племянница леди Торрингтон играла на флейте, притом отвратительно. Впрочем, звуки флейты мне неприятны даже при самом лучшем исполнении. Я предпочитаю слушать фортепиано. Не могу дождаться, когда вы согласитесь сыграть нам.

— В таком случае вам придется очень долго ждать, леди Мередит. Способностей у меня не больше, чем у ежа. Нет, пожалуй, у ежей слух получше.

Негромко хмыкнув, Рейвен одобряюще пожал руку жены.

— Не скромничай, дорогая.

— Да, не стоит скромничать, — подхватила леди Мередит. — Так когда же вы сыграете

нам?

Ли задумалась. Опомниться ее заставил Рейвен, с силой сжав локоть.

— Поверьте, я не шучу. Я упорно сопротивлялась всем попыткам гувернантки открыть во мне талант музыкантши, хотя в остальном училась успешно. Лучше всего мне удавались верховая езда, скачки с препятствиями и стрельба. Если позволите, когда-нибудь я повеселю вас, выбив пробку из бутылки с тридцати шагов.

На лице леди Мередит появилось такое кислое выражение, словно Ли предложила ей ломтик лимона.

— Гувернантки? А Рейвен говорил, что с вами занимался опытный учитель. В Риме.

Ли перевела взгляд на мужа, вдруг осознав, почему он так крепко сжал ей локоть. Но несмотря на ее растерянность, лицо Рейвена осталось безмятежным.

— Разве я сказал «в Риме»? — удивился он. — Конечно, я имел в виду Шотландию! Поместье герцогини расположено так близко от границы, что если пропустить нужный поворот дороги, придется слушать визг волынок и облачиться в клетчатую юбку.

Сэр Артур расхохотался:

— Неплохо сказано, Рейвен!

— Да, весьма забавно... — Леди Мередит слегка наморщила нос, словно учуяла запах гнили, но не могла понять, откуда он исходит. — Стало быть, вы учились музицировать в Шотландии, а не в Риме?

— А разве я сказал «музицировать»? — вновь изумился Рейвен, качая головой и расплываясь в скромной, но невозможно обаятельной улыбке. — Я имел в виду верховую езду. Герцогиня училась ездить верхом в Шотландии, у искусного наездника. Дорогая, расскажи сэру Артуру и леди Мередит о том, как ты завоевала первый приз в конкурсе на ярмарке в Бэмборо... да еще в грозу!

Ли постаралась не выказать изумления. Первый приз? В грозу? Должно быть, Рейвен спятил!

— Как не стыдно, дорогой! — укоризненно проворковала она. — Ты же знаешь, я не люблю хвастаться. И потом, ты рассказываешь об этом лучше, чем я.

Глаза Рейвена озорно заблестели:

— Зато ты искуснее подражаешь грохоту грома, а еще — бесподобно передразниваешь шепелявого судью. Так что рассказывать будешь ты.

— Ни за что! Ты шепелявишь забавнее, чем я. Помнишь, как ты рассмешил своих друзей?

Ли перевела взгляд на собеседников, но прежде чем она успела что-нибудь добавить, Рейвен обнял ее за плечи.

— Скажите, разве она не прелестна, когда робеет? — спросил он у четы Гиддингов. — Сэр Артур, помогите мне уговорить герцогиню!

Само собой, сэр Гиддинг мгновенно присоединился к просьбам Рейвена, и у Ли не осталось выхода, кроме как вытаскивать Рейвена из подстроенной им самим западни. Она наспех сочинила смехотворную историю о состязаниях по конкуру, которые чуть было не сорвались из-за страшной грозы.

— Спасибо, — пробормотал Рейвен, когда им наконец удалось отделаться от Гиддингов.

— Я всегда считала, что долг платежом красен. — Ли укоризненно покачала головой. — Но неужели вы и вправду сказали им, что я училась в Риме, да еще у известного

музыканта? Не кажется ли вам, что вы переборщили?

— Ничуть, — отозвался Рейвен, приготовившись к началу танца. — Правда, я опасался, что похвалы вашему голосу покажутся неубедительными.

— Вы сказали им, что я пою? — возмутилась Ли.

— Если быть точным — как соловей. Это правда? — учтиво осведомился он.

— Я не сумею пропеть ни единой ноты даже ради спасения собственной жизни! Неужели вы не могли похвастаться теми талантами, какими я и вправду обладаю?

— Не мог, — сухо сообщил он, — потому что понятия о них не имел. Вы показались мне такой хрупкой, такой...-утонченной! Мне и в голову не приходило, что вы умеете торговаться, как лавочник из Чипсайда, и выбивать пробку из бутылки с двадцати шагов.

— С тридцати.

— Да, с тридцати шагов.

— Как вы думаете, сэр Артур и его жена кому-нибудь расскажут о наших... разногласиях?

— Безусловно! Значит, нам придется обсудить дальнейшие действия. Будем продолжать в том же духе или попробуем познакомиться поближе?

— Познакомимся поближе, — без запинки выпалила Ли.

Рейвен расплылся в той самой улыбке, от которой кости Ли превращались в желе.

— На это я и рассчитывал.

— В самом благопристойном смысле этого выражения, — добавила Ли, стараясь не обращать внимания на то, что тает. — А пока нам придется избегать, продолжительных бесед с посторонними.

— Это невозможно, — заявил Рейвен. — Не забывайте девиз рода Деверо: не отступать и не сдаваться!

— Правильнее было бы сказать «не прислушиваться к голосу рассудка». Странно, что вы так верны завету предков — особенно если вспомнить, что вы чуть было не превратили фамильный особняк в руины.

— А я и не говорил, что этот девиз мне достался от предков, — беспечно возразил Рейвен.

— Тогда чей же он?

— Мой собственный. Неплохо придумано, верно?

— Едва ли. — Ли оглядела мужа с нарастающим подозрением. — Когда же вы придумали?..

— Сегодня вечером. Ли вздохнула:

— Так я и знала.

После танца Рейвен представил жену еще нескольким знакомым, но старательно уклонялся от разговоров. Наконец появился Уилл с бокалом теплого пунша и рассыпался в извинениях, оправдываясь тем, что сначала искал пунш, а затем — саму Ли.

Хозяйка дома леди Торрингтон предложила Ли осмотреть впечатляющую коллекцию антиквариата. Вернувшись в бальный зал. Ли очутилась в центре внимания присутствующих джентльменов и успела потанцевать чуть ли не с каждым из них — от младшего сына виконта с потными ладонями, не сводившего с нее благоговейного взгляда, до дряхлого ирландского графа, который знал всю подноготную каждого из присутствующих и несколько раз во время танца сумел рассмешить Ли.

Несмотря на неудачное начало, вечер прошел успешно. Делая вид, что не замечает

оскаленных зубов и выпущенных когтей, Ли шагнула в львиное логово и выжила. А Рейвен ни на минуту не упускал ее из виду, постоянно находился поблизости, и этого было достаточно, чтобы Ли ощущала непривычное спокойствие и уверенность.

Разумеется, она прекрасно понимала, что своим успехом всецело обязана Рейвену — слишком богатому, влиятельному и безжалостному человеку, чтобы враждовать с ним. Ли, разумеется, предпочла бы добиться триумфа своими силами, но уже давно поняла, что мир, в котором живет, далек от идеала. Ради блага Крисси она была готова на любые жертвы.

Кроме того, она испытывала злорадное удовлетворение, объединившись с мужчиной, не только презирающим лицемерие, которое погубило ее мать и обрекло саму Ли на бедность и безвестность, но и способным сыграть с лицемерами шутку.

Домой Ли и Адриан возвращались вдвоем — у Колина и Уилла нашлись другие дела. Ли изнемогала от усталости, но радовалась успеху. В экипаже она настолько забылась, что оказалась застигнутой врасплох, когда сидящий напротив Рейвен с улыбкой склонился к ней. От его прежней учтивости не осталось и следа.

— Итак, герцогиня, — промурлыкал он, — пришло время познакомиться поближе. Для начала объясните мне, что, черт возьми, происходит?

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Еще как понимаете!

Улыбка на лице девушки погасла, уступив место замкнутому выражению. К этому разговору Адриан относился, как к решающему сражению — надеясь на быструю победу, но на всякий случай готовясь к длительной осаде. Откинувшись на бархатные подушки, он положил обутую в сапог ногу на противоположное сиденье, рядом с беспокойно зашевелившейся непредсказуемой женой.

Кто же она такая — отважная, но наивная простушка или хитрая авантюристка? Именно это Адриан и намеревался выяснить.

Ли поежилась под пристальным взглядом герцога.

— Хорошо, — наконец произнесла она. — Поскольку вы, очевидно, подслушали слова моей тети, но не признались в этом...

— Я едва ли поверю хотя бы слову, слетевшему с уст этой фурии. Нет, любопытство во мне пробудили пристальные взгляды и перешептывания, которые сопровождали нас весь вечер.

— А вы надеялись, что столь скоропалительный брак не вызовет скандала?

— Скандала? Да. Но град намеков со стороны друзей и врагов — совсем другое дело.

— Что же вам рассказали обо мне друзья?

— Ничего. Главным образом потому, что я их не слушал. Я предпочитаю услышать правду от вас, герцогиня.

— Но почему?

— Чтобы выяснить, женился ли я на лгунье.

— О Господи! — Ли на секунду отвернулась, словно ослепленная горящим взглядом Рейвена. — Вы всегда так прямолинейны?

— Всегда.

Она грустно улыбнулась:

— Еще бы! Легко быть прямолинейным и откровенным, зная, что тебе нечего бояться последствий.

— А вы боитесь, Ли?

Ее едва заметный кивок произвел на Рейвена поразительное воздействие. Он скрестил руки на груди, борясь с внезапным желанием прийти к ней на помощь во второй раз. Один подобный поступок еще можно простить. Рей

вен не мог допустить, чтобы кто-нибудь оскорбил его жену, — точно так же, как никому не позволял пинать своих собак. Это был всего лишь вопрос собственности. Но теперь все изменилось. То, что Рейвен понятия не имел, от кого и чего хочет спасти Ли, не умаляло желания привлечь ее к себе и объяснить, что ей больше нечего бояться.

— Чего же вы боитесь, герцогиня? — Заметив брошенный искоса взгляд Ли, он высоко поднял брови. — Меня?

— Я боюсь того, как вы поступите, выслушав меня. Господи, ну почему я не рассказала обо всем с самого начала, прежде чем предложить вам сделку? — Она глубоко вздохнула, вздернула подбородок и посмотрела на Рейвена в упор. — Я не стану винить вас, если вы немедленно пожелаете расторгнуть наше соглашение.

— Дайте мне сначала выслушать вас, а уж потом поговорим о разводе.

— О признании брака недействительным, — поправила Ли.

Эти слова подействовали на Рейвена, как красная тряпка на быка. Он внутренне ошетинился. Мысленно повторяя: «Только через мой труп!» — герцог произнес:

— Как угодно. Говорите.

Ли рассеянно облизнула пересохшие губы, открыла рот, но не издала ни звука.

— Ли, что бы вы ни натворили, это еще не конец света.

— Я? Нет, речь пойдет не обо мне. Дело касается моих родных, а именно матери и ее... позора. Вот так. Другого слова тут не подберешь.

— Она опозорилась в Бэмборо? Забавно. — Рейвен не сумел подавить ироническую улыбку. — Что же произошло, Ли? Неужели она пригласила священника на чай и...

Ли яростно перебила:

— Я провела в Бэмборо не всю жизнь! Мы с сестрой жили здесь, в Лондоне, в самом красивом особняке города, с великолепной лестницей, кроватями под кружевными пологами и просторными гардеробными, едва вмещающими роскошные платья моей матери.

Она откинулась на спинку сиденья и устремила взгляд в никуда. Ее гнев улетучился так же стремительно, как и вспыхнул.

— Помню, как я пряталась в шкафу за ее мехами и слушала, как мама смеется, притворяясь, что никак не может найти меня. Ее смех раздавался все ближе, ближе, мое сердце колотилось от радостного предвкушения все быстрее, пока мама не открывала дверцу шкафа, и... — Ли вдруг спохватилась, умолкла и смущенно пожала плечами. — Тогда она часто смеялась, рассказывала нам сказки, пила с нами чай и привозила подарки из каждой поездки. — Ли прикусила нижнюю губу. — В то время я мечтала вырасти и стать такой, как мама. А теперь я смертельно боюсь этого. — Она виновато взглянула на Рейвена. — Простите... Я увлеклась, а вы по-прежнему ничего не понимаете, верно?

— Так объясните, герцогиня, — мягко попросил Рейвен. — Скажите, чего вы так боитесь.

— У мамы были любовники — подозреваю, чересчур много. Вот почему днем и в выходные она так часто уезжала из дома. Это время она проводила с мужчинами.

— Ну, этим никого не удивишь. Почти у каждой светской дамы есть любовник.

— Но многих ли из них мужья застают с любовниками в постели? Многих ли жен мужья отсылают в самые дальние, уединенные поместья? Да еще с детьми? И раз и навсегда

запрещают возвращаться домой?

Адриан не нашелся с ответом, но не потому, что его подвело остроумие. Боль Ли была так ощутима, так явственно читалась по бледным, дрожащим губам и гордо расправленным плечам. Подобную боль Адриан похоронил в своем прошлом и поклялся никогда не говорить о ней вслух. Ему понадобились годы, чтобы научиться бороться с этой болью и горькими воспоминаниями, связанными с ней. Но теперь этот талант изменил ему. Адриан мог только догадываться, каково пришлось ребенку, которого прогнали из родного, привычного дома. И вместе с тем он в точности знал, что значит войти в собственную спальню и застать любимую женщину в объятиях другого мужчины.

Быстро и решительно отгородившись от воспоминаний, он сосредоточил внимание на Ли.

— Боже милостивый!.. — пробормотал он, приглаживая ладонью волосы и ощущая, что на лбу выступил пот. — Не знаю, что и сказать...

— А что тут скажешь? — ровным голосом отозвалась Ли.

Рейвен вдруг понял, как дорого, ей обходится это самообладание.

— Уже поздно. — Передвинувшись на край сиденья, он коснулся рук Ли, сложенных на коленях. — Может быть, отложим разговор до следующего...

Ли отпрянула.

— Нет. Вы должны узнать все. Вы связались с дочерью распутницы, по словам моей тетки.

Адриан вспыхнул:

— Этого я от нее не слышал. Но если бы я...

Ли заставила его замолчать нетерпеливым взмахом руки.

— Ну хорошо. — Адриан вновь скрестил руки на груди. — Продолжайте.

— После того как отец выгнал нас из дома, мама ждала, что последний любовник приедет за ней. Мы все ждали его — мама, Крисси и я. Каждое утро мы вставали, Наряжались в лучшие платья, словно собирались на бал, подходили к калитке и ждали. Чаще всего мы стояли у калитки часами, пока Крисси не уставала или не начинался дождь. В дождливые дни мы сидели дома, слушая, как мама рыдает у себя в спальне. Конечно, он так и не приехал, — продолжала Ли, избавив Адриана от необходимости задавать вопрос. — Хотя мама верила в него до самой смерти. В нашего «рыцаря в сияющих доспехах», как она называла его, мужчину, который непременно спасет нас от отцовского гнева, привезет в Лондон и будет жить вместе с нами.

Кончиком пальца она рассеянно водила по застежке ворота своего бархатного плаща.

— Мы прожили в Бэмборо почти год, а потом мама утонула в маленьком пруду за домом. Никто не знал, утонула она случайно или утопилась, но поскольку это случилось в мамин день рождения, я сразу поняла, что она просто сдалась, понимая, что если возлюбленный не приехал за ней в день рождения, то не появится никогда.

Адриан порывисто придвинулся ближе и неловко похлопал Ли по колену. Только теперь он понял, что совсем не умеет утешать. Он знал десятки способов заставить женщину плакать от наслаждения, но понятия не имел, как ее успокоить.

— Ли, сколько лет вам было в то время? Четырнадцать? Черт... Наверняка ваш отец был...

— ...обрадован ее смертью? Наверняка. — В голосе Ли послышались новые резкие нотки. — Но точно не знаю. Больше я никогда не видела этого человека.

— Правда? Не мог же он бросить на произвол судьбы собственных детей!

— Вы хотели сказать — дочерей? Мог и сделал это. Через месяц он снова женился, надеясь, что теперь-то у него появится долгожданный сын. Но ему вновь не повезло. — Ли вымученно улыбнулась, а Адриан вдруг остро ощутил ее горечь. Он слишком хорошо знал, что такое предательство родного отца. — Правда, сейчас я понимаю, — продолжала Ли, — что брат, пусть даже сводный, оказался бы более надежным союзником, чем мой дядя, который заполучил наследство.

— Теперь у вас есть союзник — более могущественный, чем ваш дядя, или эта старая ведьма, ваша тетка, или любой другой человек, который попытается обвинить вас в том, к чему вы не причастны.

— Освященное временем светское правило позволяет несправедливо обвинять кого бы то ни было.

— Правила созданы для того, чтобы их нарушать.

— Для вас — может быть. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я твердо намерена избегать любых неприличных поступков, которые могут скверно отразиться на репутации сестры и лишит ее возможности стать счастливой?

— Ей ничто не повредит, обещаю вам. — Адриан сел рядом с Ли и взял ее за руку, не давая вырваться. — Поверьте мне; Ли, ваши «скелеты в шкафу» вовсе не так ужасны. Неужели вы и правда думали, что из-за таких пустяков я решу расторгнуть нашу сделку?

— Нет, — призналась Ли. — Мне уже известно, что угроза скандала не пугает, а побуждает вас к действию. По правде сказать, гораздо больше я боялась, что вы рассердитесь — ведь я утаила от вас правду, ввела вас в заблуждение.

— Почему?

Ли робко отвела взгляд.

— Я убеждала себя, что; пользуюсь своими преимуществами не более, чем вы, но в глубине души хотела склонить чашу весов в свою пользу. Без вас мой план стал бы неосуществимым. Но когда я столкнулась с тем незнакомцем на Бонд-стрит и он назвал меня Дейвой, я поняла: если он спутал меня с матерью, значит, могут спутать и другие, и...

Адриан нахмурился:

— Как вы сказали?

— Мужчина, с которым мы столкнулись на улице, принял меня за мою мать. Всю жизнь я слышала, что похожа на нее, но, очевидно, сходство между нами более заметно, чем...

— Я не об этом. — Адриан нетерпеливо взмахнул рукой, чувствуя, как в груди нарастает холодок дурного предчувствия. — Как вас назвал этот незнакомец?

— Дейвой. Так звали мою мать.

— Боже милостивый! — потрясенно прошептал Адриан. — «Бесподобная Дейва»!

Ли грустно кивнула:

— Вы знали мою мать?

— Мы не были знакомы, но я слышал о ней.

— Мне говорили о том, что мама пользовалась дурной славой, — скрепя сердце подтвердила Ли.

— Может быть, но. я имел в виду совсем другое. Я слышал о вашей матери потому, что мой отец был ее любовником.

Ли ошеломленно покачала головой:

— Не может быть! Она ждала человека по фамилии Шеффилд...

— Дело в том, что мой отец вовсе не собирался бежать вместе с ней, — циничным тоном разъяснил Рейвен. — На бегство у него не хватило бы пороху. Но мне доподлинно известно, что их роман был весьма продолжительным.

В то время Адриан был слишком увлечен собственными проказами, чтобы придавать значение сплетням. «Бесподобную Дейву» он воспринимал только как повод для насмешек над отцом, возможность бросить упрек ему в лицо.

— Господи помилуй! — Ли покачала головой, постепенно свыкаясь с этим откровением. — Иронии здесь хватит, чтобы наполнить целый океан!

— Несколько океанов, — сухо поправил Адриан. Он пристально вглядывался в лицо Ли, стараясь понять, на самом ли деле она удивлена. Нет, она не притворялась. Даже если Ли преследовала иные цели, а не просто чисто по-женски стремилась выдать замуж сестру, эти цели не имели никакого отношения к роману его отца с ее матерью. Странно, но эта мысль принесла Рейвену облегчение.

— Какая же я глупая! — удрученно воскликнула Ли. — А я-то думала, что тетя Миллисент была поражена тем, что я не только сумела выйти замуж, но и сделала блестящую партию!

— Вы полагаете, ей известно о связи вашей матери и моего отца?

— Безусловно. Мама поверяла тете Миллисент все свои секреты, — с горечью объяснила Ли. — Именно от тети мой отец узнавал о маминых любовниках.

Экипаж замедлил ход, приближаясь к Рейвен-Хаусу. Ли и Рейвен сидели молча, обдумывая услышанное.

— Черт! — наконец пробормотал Адриан. — Проклятие!

— Абсолютно согласна с вами.

— Неудивительно, что мы вызвали столько шума. Невозможно придумать более надежного способа позабавить весь свет.

— Идея принадлежала вам, — напомнила Ли. — Полагаю, многие сочли, что вы женились на мне с умыслом.

— А остальные заподозрили, что это подстроили вы.

Это предположение озадачило Ли:

— Будет нелегко убедить их в том, что по крайней мере один из нас вовсе не пытался отомстить или воскресить прошлое.

— Зачем утруждать себя? — возразил Рейвен. — Помните, я говорил: отрицать что-либо бесполезно?

Ли задумалась.

— И правда, зачем? В конце концов, для Крисси важно только то, что мы состоим в законном браке.

— Так оно и есть, — пробормотал Рейвен.

— Пока — да.

— Разумеется, — согласился он.

Кучер открыл дверцу экипажа, и Ли вышла, шурша шелком платья. За ней тянулся

шейф нежного аромата, вызывая у Рейвена желание сделать собственный брак еще более законным.

Ли закрыла глаза. Вечер утомил ее, и теперь она радовалась возможности посидеть в мягком кресле у пылающего камина. Благодаря стараниям Бриджет ее спальня преобразилась. Натертая воском мебель заблестела, драпировки были проветрены и вычищены, запах плесени и лишние вещи исчезли.

Комната превратилась в просторную и уютную спальню, о которой Ли даже не мечтала. Бледные розы на черном персидском ковре вторили оттенку персиковой обивки стен и атласного покрывала. При свечах атмосфера в комнате становилась еще более приятной и располагающей.

Но в этот момент больше всего Ли радовалась тазу с теплой водой, который Бриджет принесла, чтобы вымыть уставшие, нестерпимо ноющие ноги госпожи. Ли не привыкла к бадам, заканчивающимся далеко за полночь. Вздохнув, она пошевелила пальцами в остывающей воде.

Послышался скрип открывающейся двери.

— Бриджет? Хорошо, что ты вернулась, — произнесла Ли, не открывая глаз. — В чайнике осталась горячая вода? Мне кажется, сегодня по моим ногам прошлось стадо слонов.

Она услышала звон металла, почувствовала, как ноги омыла горячая струя.

— Спасибо! — проговорила она с блаженным вздохом. — Какое наслаждение!

— Рад угодить вам, герцогиня, — ответил мужской голос, принадлежащий отнюдь не Бриджет.

Ли мгновенно открыла глаза.

Перед ней стоял Рейвен, раскачивая на пальце пустой чайник и обводя ее дерзким взглядом всю — от растрепанных волос, пеньюара, сброшенного на белую ночную рубашку, которую Ли не удосужилась застегнуть, до опущенных в воду ног.

Господи, какое унижительное положение!

— Похоже, у вас талант появляться в ту минуту-, , когда я меньше всего жду вас, — проворчала Ли.

— Не припомню, чтобы вы жаловались на мое неожиданное появление, когда я спас вас из лап тетки.

— Возможно, потому, что в тот раз я была одета.

— Мне вы больше нравитесь такой, как сейчас. — Его бархатистый голос понизился, синие глаза заблестели.

Зардевшись, Ли одернула подол ночной рубашки, чтобы прикрыть ноги, и в спешке замочила его. Мгновенно пропитавшаяся водой тонкая ткань облепила икры.

— На трудитесь, — посоветовал ей муж. Поставив чайник на пол, он придвинул стул ближе, вовсе не собираясь уходить. — Я уже все видел.

— Вы хотите сказать, что видели мои ступни? — Ли старалась держаться невозмутимо, хотя мучительно остро сознавала, что выглядит сущим пугалом — в то время как несносный Рейвен был одет безупречно, словно на балу.

— И щиколотки. Не забывайте про эти соблазнительные, стройные щиколотки. Для меня это зрелище стало незабываемым.

— Поразительно... — процедила Ли.

— Вы про свои щиколотки? Не знаю, можно ли назвать их поразительными. Пожалуй, при ближайшем рассмотрении...

Ли закатила глаза.

— Меня просто удивило то, что вы сочли мои голые ступни достойными внимания. Этого едва ли можно ожидать от человека с вашей репутацией.

— Какой репутацией?

— Ценителя женской красоты, разумеется! В дамской комнате леди Торрингтон я случайно услышала, как одна леди уверяла другую, что вы снискали славу самого искусственного и изобретательного любовника во всем Лондоне и даже Англии, а может, и во всем мире!

Пренебрежительно пожав плечами, Рейвен повернул стул и уселся на него в своей излюбленной позе — верхом.

— Ну, насчет всего мира не знаю...

— Не скромничайте.

— А вы не верьте всему, что подслушаете в дамских комнатах.

Ли мило улыбнулась;

— Я и не верю.

Рейвен усмехнулся:

— И правильно делаете. Гораздо разумнее выяснить это самой... Нам обоим известно ваше стремление принимать решения самостоятельно. — И он склонился в преувеличенно низком поклоне. — Я к вашим услугам, герцогиня. Итак, когда начнем?

— Никогда! — Голос Ли предательски дрогнул, а сердце пропустило положенный удар.

Взгляд Рейвена спустился ниже ее плеч.

— И этим приступом жеманства вы надеетесь обескуражить меня?

— Да, — коротко бросила Ли и поджала губы.

Рейвен с глубоким вздохом покачал головой:

— Боюсь, вы слишком плохо разбираетесь в мужчинах.

Он боялся? Это Ли чувствовала себя так, словно шла по краю пропасти! С завязанными глазами. Вряд ли стоило напоминать ей о том, что она почти ничего не знает о мужчинах.

— Вот как? — с вызовом переспросила Ли, надеясь, что высоко поднятые брови создадут впечатление иронии, а не нервного тика.

— Да, — Рейвен положил подбородок на руки, скрестив их на спинке стула. — Возьмем, к примеру, принца Невара.

— Что? — Ли оглянулась на письменный стол и укоризненно прищурилась. — Вы читали мою рукопись?

— Не смог удержаться, — не слишком сокрушенно признался Рейвен.

— Но когда же вы успели?

— В первый раз?

— А сколько раз... — Ли осеклась и понизила голос:

— Да, в первый раз.

— В ту ночь, когда вы были больны. Мне не спалось, а ваш саквояж стоял на виду. — Он сверкнул улыбкой, благодаря которой наверняка одержал немало побед — во всяком случае, Ли в этом не сомневалась.

— Неужели вы позволили себе рыться в чужих вещах, в имуществе совершенно незнакомого человека?

— В то время вы уже были моей женой, — напомнил Рейвен.

— Умоляю, не надо об этом!

— Вы правы, — согласился он, не переставая улыбаться. — Я совершил скверный поступок и теперь прошу у вас прощения. Надеюсь, вы понимаете, что едва я начал читать историю Оливии и Невара, как увлекся и уже не мог остановиться, не узнав, чем она кончится.

— Этого даже я пока не знаю, — объяснила Ли, стараясь не показать, как ей польстило любопытство Рейвена.

— А когда узнаете?

— Не раньше чем допишу книгу, а это может занять несколько месяцев — мои издатели ждут ее лишь в конце года.

— Издатели? — Рейвен уставился на Ли с удивлением и вновь вспыхнувшим любопытством. — Вы хотите сказать, что уже продали свою книгу? Не успев дописать ее?

— Да, как и шесть других книг, изданных под псевдонимом Ли Александер. Это имя вам вряд ли знакомо, — добавила она. — Я пишу детские книги.

— Неудивительно, что их издают. Вы на редкость талантливая писательница, Ли.

— Благодарю, — отозвалась она со смешанным чувством раздражения и удовольствия, вызванным непривычным комплиментом.

— Но в своей последней книге вы допустили серьезную ошибку.

Раздражение победило:

— Да неужели? И вы пришли к этому выводу на основе многолетнего критического анализа литературных произведений?

— Нет, на основе жизненного опыта мужчины. Невар ни за что не позволил бы Оливии — или любой другой женщине — увидеть его без маски.

Он имел в виду сцену, которую Ли написала только сегодня утром. Значит, он уже успел побывать в ее комнате.

— От Невара ничего не зависело, — объяснила она. — Оливия прокралась к нему в комнату так, как вы пробрались в мою, и спряталась, надеясь увидеть то, что ее совсем не касалось.

Рейвен пропустил мимо ушей слегка завуалированные шпильки.

— Ясно... Но неужели вы не понимаете, что этого никак не могло случиться? Ведь Невар отнюдь не так наивен, как вы! Он наверняка осмотрел бы комнату, прежде чем снять маску, я точно знаю!

— А вы разве не понимаете, что он доверял Оливии? Что у него просто не могло возникнуть никаких подозрений?

— Ни один мужчина в здравом уме не станет доверять женщине.

— В том-то и дело! Ему опротивела собственная жизнь. Он, хотел доверять Оливии. Мечтал об этом.

— О чем он мечтал, так это затащить ее в постель.

— Что за нелепость! Это же сказка для детей!

— Невар не ребенок. Оставшись в спальне вдвоем с женщиной, которая ему дороже жизни, запах которой преследует его днем и ночью, он ни за что не сумел бы побороть искушение.

— Я ни словом не упоминала о запахе Оливии!

Рейвен пожал плечами:

— Я умею читать между строк.

— Вот именно — между строк. Пытаясь истолковать мотивы Невара, вы забыли об одной важной детали: Невар — благородный человек.

— Невар — сахарная куколка.

Разговор становился не просто нелепым, но и неприличным. Кроме того, Ли впервые так подробно обсуждала сюжет своей книги. Крисси интересовалась только тем, как ей удастся выдумывать увлекательные приключения. Маленькие читатели в письмах благодарили Ли, а ее издатель вносил необходимую правку в рукопись. Но еще никто не проявлял такого интереса к описанным в книге событиям, словно они были достойны обсуждения. Это обрадовало девушку.

— И еще одно, — продолжал Рейвен. — Ни один мужчина никогда не позволит женщине понять, что он уязвим. Это все равно что дать ей в руки смертельное оружие.

— Ну хорошо, — пылко перебила Ли, — как же, по-вашему, должен был поступить Невар?

Этот вопрос застал врасплох не только Рейвена, но и ее саму. Помолчав несколько секунд, Рейвен пожал плечами и потянулся.

— Об этом надо как следует подумать, а в столь поздний час мои мысли в беспорядке.

— Мои тоже, — подтвердила Ли, ощущая и облегчение, и разочарование и решив, что Рейвен собрался уходить. — И вода остыла. Вы не могли бы позвать Бриджет?

— Я отправил Бриджет спать. — Поднявшись, он небрежно потянулся за полотенцем, греющимся у огня.

Расправив полотенце в руках, он выжидательно посмотрел на Ли.

— Давайте сюда ноги, — велел он, поскольку Ли сидела как каменная.

— Послушайте, это вовсе ни к чему...

— Напротив. Не могу же я позволить, чтобы моя жена сама вытирала себе ноги!

И он поднес полотенце поближе. Ли невольно запахла полы пеньюара.

— Перестаньте, — произнес он тоном приказа, а не просьбы. Если бы Ли удосужилась задуматься, она запахла бы пеньюар уже из принципа, но рассудок изменил ей. Она просто положила руки на колени. — Иначе промокнет и пеньюар, — добавил Рейвен.

— Конечно, — пробормотала Ли.

Мысленно она согласилась с Рейвеном, уверенная, что он всего лишь хотел дать ей дружеский совет. Незачем мочить и пеньюар, и уж тем более руки, которые и без того дрожали.

Вытащив из воды одну ногу. Ли положила ее на полотенце. Рейвен бережно обернул ее толстой тканью и вытер так, словно всю жизнь только тем и занимался, что вытирал дамам ноги. Если вспомнить, его репутацию, вероятно, так оно и было.

— Поднимите рубашку повыше, — распорядился он. Ли насторожилась:

— Ни к чему...

— Вот именно — ни к чему ждать, когда вода, капающая с нее, вновь, намочит вам ноги.

Это заявление было вполне резонным. Все, что говорил Рейвен, имело смысл. Но почему же Ли вдруг показалось, что земля вращается в одну сторону, а сама она — в другую?

— Вот так-то лучше! — произнес Рейвен, когда Ли нехотя подняла мокрый подол рубашки до самых коленей. — А теперь — вторую ногу.

Когда Ли подчинилась приказу, Рейвен отодвинул таз в сторону и придвинулся ближе,

закутав обе ее ступни в полотенце и старательно вытирая их. Ли понятия не имела, что пальцы ее ног настолько чувствительны и могут жить почти обособленной жизнью.

Рейвен не спешил. С каждым его движением Ли чувствовала, как становится все более уязвимой, охваченная сочетанием приятной дремоты и острого возбуждения.

Ей так и не удалось держать Рейвена на расстоянии.

Наконец он отложил полотенце, встал и без церемоний подхватил Ли на руки.

— Что вы делаете? — возмутилась она срывающимся, незнакомым голосом.

— Несу вас в постель.

— Вы могли бы просто подать мне туфли.

— Мог бы, — согласился он с проказливой улыбкой, которая вновь напомнила Ли о репутации этого повесы.

В мгновение ока она очутилась в постели, а ее руки и ноги переплелись его руками и ногами так, что Ли не могла двинуться.

— Сначала я узнал, что женился на дочери печально известной красавицы, а потом — что моя жена талантливая и преуспевающая писательница. — Одного этого голоса, низкого и проникновенного, хватило, чтобы заставить Ли застыть. — Какие еще сюрпризы вы припасли для меня, герцогиня?

— Больше никаких, — ответила она, с трудом переводя дух. — Я самая заурядная женщина. Пожалуй, даже синий чулок. Во всяком случае, так мне говорили.

Тихо засмеявшись, он провел губами по шее Ли в изощренной ласке.

— Как ценитель женской красоты, я вынужден не согласиться. — Он коснулся кончиком языка впадинки над ключицей, и Ли ощутила внутренний трепет. — По-моему, в вас таится множество секретов, Ли, — секретов, о которых не подозреваете даже вы. Несмотря на все протесты и отрицания, вы на редкость страстная женщина. А я ценю страстность превыше всего. Ли, я хочу стать вашим любовником.

Ничто другое не вызвало бы в ней такой страх. Рейвен запустил пальцы в ее волосы. Удерживая голову Ли на подушке, он медленно и уверенно завладел ее губами. Если прежде она сомневалась в его истинных намерениях, то теперь все ее сомнения улетучились.

— Рейвен! — произнесла она, едва вновь обретя способность говорить. Ей хотелось, чтобы это слово прозвучало решительно, но с ее губ слетел еле слышный шепот. Она предприняла еще одну попытку: — Рейвен...

Не поднимая головы, он прильнул к уголкам ее губ, а затем провел жаркими, влажными губами по ее шее, слегка покусывая ее и доставляя Ли неизведанное наслаждение. Прикосновения становились все более Нежными, неопределенными, словно он... Так оно и было: он касался языком ее шеи и груди, прикрытой тонкой тканью рубашки. Ли чуть не задохнулась от мощной волны удовольствия.

Ахнув, она попыталась замереть неподвижно, но этим только побудила его к новым ласкам.

— Рейвен!

— Адриан, — поправил он, лишь на миг перестав водить языком по затвердевшему соску, усиливая наслаждение и тревогу Ли.

— Рейвен...

— Адриан, — снова пробормотал он. — Меня зовут Адриан, и я хотел бы, чтобы вы звали меня по имени, когда мы предаемся любви.

Эти самоуверенные слова стали для Ли последней каплей.

Упершись ладонями в каменно-твердые плечи Рейвена, она оттолкнула его:

— Мы вовсе не предаемся любви! Подняв голову, он улыбнулся:

— Как вам угодно, герцогиня.

— Да, так мне угодно. — Наконец-то Ли сумела выбраться из трясины почти летаргической дремоты. — И вы, черт побери, выслушаете меня!

Его смешок она скорее почувствовала, чем услышала. Он смеялся над ней, пренебрегая ее желаниями так, словно они ничего не значили! Словно она неразумное и беспомощное дитя!

Лихорадочно оглядевшись. Ли заметила на столике у постели хрустальную вазу. Схватив вазу, она обрушила ее на спину Адриана. К несчастью, как раз в этот миг он отодвинулся, и удар пришелся по голове. Ваза не разбилась, но при ударе издала зловещий глухой стук, а Адриан рухнул на Ли и застыл.

— Господи! — потрясенно прошептала Ли, выбираясь из-под него и становясь рядом на колени. — Боже мой, Боже мой! Рейвен, прошу вас... — Она попыталась перевернуть его на спину, но не сумела. — Рейвен, не умирайте! — взмолилась она, тормоша его за плечо. — Вы живы?

Внезапно Рейвен перевернулся на спину, потирая голову и гневно уставившись на Ли. Она отпрянула.

— Да, жив. Считайте, что вам не повезло! — Он шепотом добавил что-то вроде «бешеная чертовка», осторожно ощупывая затылок. — Чем, черт возьми, вы ударили меня?

— Вазой. — Ли смущенно и виновато улыбнулась. — Совсем маленькой вазочкой...

— Она показалась мне огромной. Если мои ласки были вам неприятны, почему же вы просто не попросили меня остановиться?

— Я просила.

— А я немедленно бы остановился, если бы хоть раз услышал от вас слово «прекратите». Не в моих привычках брать женщин силой.

— Разумеется. — Убедившись, что с Рейвеном все в порядке, Ли мгновенно перестала терзаться угрызениями совести. — Вы предпочитаете брать их хитростью.

Рейвен расвирепела:

— Вы хотите сказать, что я вынужден заманивать женщин в постель?

Ли пожалала плечами:

— Да, у меня создалось именно такое впечатление.

Рейвен вскочил с кровати как ошпаренный. Ли испуганно сжалась, не преминув, однако, заметить, что теперь одежда Рейвена была в таком же беспорядке, как и ее собственная. И кроме того, Рейвену никак не удавалось избавиться от физического возбуждения — впрочем, он и не старался. Ли мгновенно увидела заметную выпуклость спереди под его панталонами — зрелище настолько новое и загадочное для нее, что она с трудом отвела взгляд. Обнаружив, что Ли наблюдает за ним, Рейвен криво усмехнулся и заявил:

— Сегодня мне не пришлось хитрить. Еще на балу я сообщил, что намерен лечь с вами в постель.

— Вы пошутили.

— Вот как? — Он улыбнулся, но от этого выражение его лица стало еще более зловещим. — Смею заверить, мадам, что сейчас я вовсе не шучу.

— Да, вы пытаетесь обратить безобидное происшествие в свою пользу.

Рейвен нетерпеливо отмахнулся:

— Это совсем другое дело.

— А еще вы хитростью женились на мне.

— Во хмелю я совершил ошибку, за, которую дорого расплачиваюсь. — Ли уклончиво пожала плечами. — Черт возьми, я сказал правду! Мне не приходится ни принуждать женщин, ни обманывать их!

— Значит, вот как вы приобрели свою скверную репутацию?

— Я соблазняю их... как соблазню вас. — Рейвен приподнял темную бровь. — Вы не верите мне?

— В подобных предметах у меня маловато опыта, и тем не менее я не представляю себе соблазнения без нежных взглядов, поэтичных комплиментов и любезностей. Но если вы уверяете, что у вас талант соблазнителя, придется поверить вам на слово.

— Насчет таланта я ничего не говорил, — поправил герцог. — Талант — то, что дано от природы, а я научился этому искусству сам. Давным-давно я низвел роман до четырех основных этапов и в совершенстве овладел каждым из них.

— Боже, как романтично! — протянула Ли, жеманно опуская ресницы.

— Скоро вы сами убедитесь в моей правоте. Притом в самом ближайшем будущем. Первый этап — этап выбора — уже завершен. Переходим ко второму — соблазнению.

Ли притворно зевнула.

— Прекрасно. Соблаговолите разбудить меня, когда начнется что-нибудь занимательное.

— Когда оно начнется, вам не захочется просыпаться, — заверил Рейвен, мягкими шагами приближаясь к Ли. — Вам понравится быть очарованной и подчиняться мне во всем. Возможно, вас устроит даже участь рабыни моей страсти... и вашей. Нет ничего обольстительнее, чем отдаться чувственному наслаждению, очутиться в мире, где не существует правил, запретов и последствий.

Он остановился прямо перед сидящей на краю постели Ли, а его по-прежнему возбужденное тело оказалось на расстоянии нескольких дюймов от нее. Горящий взгляд Рейвена мешал Ли сосредоточиться, обволакивающий низкий голос убаюкивал и усыплял бдительность.

— Такого мира нет, — возразила она, стараясь придать убедительность своим словам. Рейвен негромко рассмеялся:

— Напротив, он есть! И я намерен показать его вам, моя прелесть. Я пылал желанием к вам с самого начала.. Но сегодня, миледи, вы ухитрились превратиться из достойной добычи в непреодолимое искушение. — Протянув руку, Рейвен взял Ли за подбородок. — Не в моих правилах отступать, услышав вызов.

— В этом я не участвую, — заявила Ли.

— Вас никто и не просит, — Рейвен склонил голову набок и приблизил губы к губам Ли — так, что между ними было бы невозможно просунуть даже волосок. Ли ждала прикосновения, думала, что Рейвен поцелует ее, как прежде, а она в ответ продемонстрирует непоколебимую холодность.

Но поцелуя не последовало. Губы Рейвена медленно-медленно проскользили мимо губ Ли, вдоль ее щеки и подбородка, не дотрагиваясь до него. Как ни странно, этот жест воспламенил ее быстрее, чем самый страстный поцелуй. Горячее дыхание Рейвена проникало под рубашку Ли, в ответ ее соски напряглись.

— По правде говоря, — прошептал он так, что шепот превратился в изощренную ласку, — я предпочитаю, чтобы вы оставались равнодушной. Этим вы распалите меня и усилите наслаждение, когда мы наконец перейдем к третьему этапу. — Убрав непослушную прядь волос ей за ухо, Рейвен приблизил к нему губы и прошептал: — Полной... и безоговорочной... капитуляции.

Капитуляция... Пока это слово вертелось в голове у Ли, Рейвен вдруг выпрямился и улыбнулся:

— Приятных снов, герцогиня.

Значит, он ждет капитуляции? Не дождется! Она ни за что не сдастся. Никогда! Даже если у нее возникнет такое безумное желание, в первую очередь она должна думать о будущем Крисси. Удержать Рейвена от необдуманных поступков можно лишь одним способом — напомнить ему об обещанном разводе. Если бы не это обещание, она всецело оказалась бы в его власти.

Стащив через голову мокрую рубашку, Ли скомкала ее и швырнула в закрытую дверь, а затем принялась надевать сухую.

Подлец! Он наверняка понимает, что признание брака недействительным — наилучший и единственный выход для них обоих. Он ясно дал понять, что не собирается брать ее в жены. Но и Ли тоже не нуждается в таком муже. Разумеется, не он первый позволил похоти одержать верх над здравым смыслом. Во всем виноваты его горячность и неумение думать о последствиях.

Впрочем, Ли не боялась, что Рейвен нарушит соглашение, принудив ее к выполнению супружеского долга. Это явно не в его правилах. Ли уже изучила Рейвена настолько, чтобы понять: цель игры для него — не настоять на своем, а добиться капитуляции. От нее.

Выбор. Соблазнение. Капитуляция.

Какой вздор!

И все-таки Ли жалела о том, что не спросила, каким должен быть четвертый этап.

Проходя мимо зеркала, Адриан скорчил гримасу. Плачевное зрелище: влажная одежда в беспорядке, волосы встрепаны, на макушке шишка величиной с гусиное яйцо.

А ведь эта женщина появилась в его жизни всего два дня назад. Во что же он превратится через две недели? А через два месяца?

Как бы там ни было, идти на попятную уже поздно — даже несмотря на его похвальбу перед друзьями и предстоящее расторжение брака, после которого ему будет стыдно смотреть людям в глаза, даже если бы он не жаждал Ли так, как ни одну другую женщину в мире. Сегодня она бросила ему под ноги перчатку, а он поднял ее. Что сделано, то сделано.

Адриан давно перестал терзаться угрызениями совести при мысли, что он пользуется своими преимуществами и вероломно нарушает условия сделки. Ли не постеснялась высказать свое мнение по этому вопросу — доказательством тому была шишка на голове Адриана. Он предупредил ее, и это вполне справедливо. Он напрямик заявил о своих намерениях, как и Ли — о собственных.

Адриан намеревался затащить ее в постель, а Ли — всеми силами помешать этому.

Пройдя по комнате, Адриан дернул шнур колокольчика, призывая Торна, Слуга вошел в комнату, завязывая пояс халата.

— Что вам угодно, ваша светлость? — Торн не удосужился скрыть зевок, от которого исказилась его заспанная физиономия.

— Торн, раабудй меня утром к завтраку.

— Слушаюсь, ваша светлость. В обычный час?

Адриан нахмурился:

— Ты считаешь три часа пополудни обычным временем для завтрака?

Торн растерялся, не зная, что ответить.

— Ну так как? — не унимался Адриан.

— Я бы не сказал...

— И я тоже. Что дальше?

— Дальше?

— В какое время полагается вставать к завтраку?

— Как у кого заведено, ваша светлость. Герцогине подают завтрак в девять часов.

— В девять? — Посмотрев на часы, Адриан поморщился:

— Ладно, черт возьми, разбуди меня в девять. Да смотри, чтобы я снова не заснул!

Девять часов утра — немыслимая рань! Внутренне кипя, Адриан отказался от предложения Торна прислать камердинера, отпустил слугу и сам стащил сапоги и разделся. Ему никак не удавалось припомнить, когда он в последний раз просыпался в такой час. Вставать ни свет ни заря, дышать сырым утренним воздухом — привычка, вредная для здоровья, к тому же не принятая в светском обществе. Разве невыспавшийся мужчина годится хоть на что-нибудь, тем более на роль соблазнителя собственной жены?

Бросившись на постель, Адриан подмял под себя подушку.

Он все равно соблазнит ее. Вопрос лишь в том, как скоро это случится. Еще не родилась женщина, которая смогла бы устоять перед его страстью.

Кроме Шарлотты, подсказал Адриану внутренний голос, и он поспешно заставил его замолчать. Шарлотта была отнюдь не заурядной особой, а его оправдывала молодость и неопытность. С тех пор он многому научился.

Адриан осторожно потер ноющую шишку на голове. Разумеется, от привычной тактики придется отказаться, если речь зашла о Ли. Надо действовать медленно, завоевывать победу шаг за шагом. Если ей захотелось поэзии и нежных взглядов, она их получит.

Девять часов... Значит, у него в запасе есть только шесть часов — чтобы выспаться и придумать достойные поэтические комплименты, способные подсластить утренний чай Ли. Да поможет ему Господь!

Внезапно Адриан усмехнулся, осознав всю нелепость собственного положения: он замышлял соблазнение не где-нибудь, а на брачном ложе Рейвенов! Должно быть, отец перевернулся в гробу, злорадно подумал он. В конце концов, это ложе предназначалось для исполнения супружеского долга и зачатия наследников. А удовольствий мужчины рода Рейвенов искали в другом месте, в других постелях. Доныне, но не теперь.

Три дня кряду Адриан по утрам выбирался из постели, чтобы позавтракать с женой, и неизменно узнавал, что герцогини уже нет дома. Конечно, он имел полное право знать, чем она занимается в такую рань, но не стал докучать ей расспросами. Вместо этого каждое утро он поднимался на полчаса раньше. Но то же самое делала и Ли.

Она явно избегала его — в этом Адриан не сомневался. Весь день Ли где-то пропадала и возвращалась домой только затем, чтобы переодеться к очередному выезду в свет. Адриан не удивлялся успеху жены в обществе, с усмешкой закоренелого циника думая, что причиной тому простое любопытство. Благодаря его советам Ли быстро овладела искусством обращать любое, даже самое нежелательное внимание в свою пользу.

По-видимому, она не собиралась отклонять ни единого приглашения. Поэтому вечера молодожены проводили то в опере, то на нудных званых ужинах или других бессмысленных сборищах. И все это ради того, чтобы благополучно выдать сестру Ли замуж! Никакие силы не заставили бы Адриана сопровождать Ли в свет, но, черт возьми, разве можно соблазнить женщину, с которой встречаешься от случая к случаю?

И кроме того, Адриан, к собственному изумлению, понял, что ему и правда приятно проводить время с женщиной не только в постели.

Поэтому если в своей кампании по захвату достойного мужа Ли добилась заметных успехов, то сам Адриан еще даже не приступал к осуществлению намеченных планов. Поняв, что она избегает оставаться с ним наедине, Адриан должен был бы воспрянуть духом. Но вместо этого он чувствовал, что Ли воспринимает его как обременительное, но непременно дополнение к туалету — вроде Тех бисерных ридикюлей, с которыми она не расставалась.

Или как мужа.

Но не более, в ярости размышлял Адриан, спускаясь в столовую в несуетную рань — восемь часов утра. Он не выспался, был зол, но решил, что сегодня Ли не удастся улизнуть. Он найдет способ завоевать ее внимание.

Внизу у лестницы, на столике, на том самом месте, где полагалось лежать утренней газете, стояла ваза с нарциссами. Еще одна незначительная, но досадная переменами привычной жизни. Адриан нахмурился, а потом вдруг усмехнулся и вытащил из вазы ярко-желтый цветок на длинном стебле.

Нарциссы в саду еще не расцвели, но Адриану объяснили, что эти луковицы каким-то хитроумным способом заставили пустить ростки в теплом углу конюшни, а затем и расцвести на припеке. Первым порывом Адриана было громко фыркнуть и осведомиться, неужели именно из-за нарциссов и пристрастия конюха к ним в конюшне царит такой беспорядок.

Но теперь он смотрел на цветы с новым, почти эгоистичным интересом. Бессознательно покусывая стебель, он задал себе вопрос: что может быть романтичнее первого цветка, преподнесенного возлюбленной ранним утром?

Адриан так возгордился своей сообразительностью и так увлекся, поздравляя самого себя, что обратил внимание на звуки, доносящиеся из столовой, лишь когда шагнул на порог. Но было уже слишком поздно. Он застыл как вкопанный, по-дурацки зажав в зубах нарцисс и уставившись на жену и двух своих ближайших друзей.

Уилл и Колин быстро оправались от потрясения и разразились оглушительным

хохотом. Ли молча смотрела на Адриана, и в ее глазах светились сочувствие и насмешка. Но Адриан рассчитывал совсем на другой прием.

Ну и вляпался же он! Надменный, высокомерный герцог Рейвен, жуящий нарцисс на потеху друзьям! И все это ради женщины! Когда-то он поклялся, что больше ни за что не выставит себя на посмешище, но с тех пор, очевидно, ничуть не поумнел. Адриан ощутил жгучее желание повернуться и выбежать прочь. К горлу подкатила желчь, мешая дышать.

Но гордость требовала пройти через это унижительное испытание. По той же причине, по которой Адриан однажды в колледже на протяжении целого матча в регби проносил на спине, под одеждой, дюжину яиц, он как ни в чем не бывало прошествовал по столовой, выплюнул на ладонь проклятый цветок и протянул его жене.

— Это тебе, — пробормотал он, ожидая что Ли швырнет цветок ему в лицо, тем самым довершив унижение.

Он уверял себя, что ему все равно, но понимал, что это наглая ложь. Собственное равнодушие казалось ему неразумным и бессмысленным.

— Спасибо, Адриан. Какая прелесть! — Она приняла нарцисс, а Адриан запечатлел на ее ладони галантный поцелуй.

Ли была в утреннем платье более светлого оттенка, чем лепестки нарцисса, а лучи солнца, запутавшиеся в ее волосах, роняли на них золотисто-розовый отблеск. В этот миг Адриан ничуть не сомневался, что видит перед собой самую прекрасную женщину на свете. Будь они вдвоем, он сказал бы об этом вслух.

Обернувшись к Торну, Ли произнесла:

— Вы не могли бы принести мне вазу? Без воды нарциссы быстро вянут...

Тем временем Адриан с облегчением направился к своему месту во главе стола. Ли спасла его! Она впервые назвала его по имени! Это событие он мог расценить только как маленькую победу.

Усевшись, Адриан немного пришел в себя.

— Прошу простить за опоздание, — выговорил он с оттенком сарказма. — Я не знал, что мы устраиваем званый завтрак.

— За опоздание? — переспросил Колин. — Не припомню, чтобы ты когда-нибудь вставал раньше полудня, а точнее трех часов дня!

— Колин заехал, чтобы отдать мне томик стихов, которые он советует прочесть, — объяснила Ли.

Адриан изумленно поднял бровь:

— Томик стихов? В такой час? Не замечал за тобой такой обязательности.

— Как видишь, даже мне не чужда галантность, — в тон ему откликнулся Колин.

— Это эпические поэмы, — продолжала Ли. — Мы заговорили о моей книге, и Колин решил, что из поэм я могла бы почерпнуть вдохновение.

Адриан недоверчиво воззрился на нее:

— Ты рассказала ему об Оливии и Неваре?

— Нет, мы обсуждали мои книги, которые уже изданы, — ответила Ли.

У Адриана возникло подозрение, что Ли старается сдержать улыбку.

— А кто такие Оливия и Невар? — полюбопытствовал Колин.

— Не твоё дело! — отрезал Адриан. — Кстати, с каких это пор ты стал ранней пташкой? И ты, Уилл?

— Это я предложила им позавтракать со мной, поскольку днем редко бываю дома.

— Вот как? — Адриан принял поданную Торном чашку дымящегося шоколада. — А я и не знал, что у тебя так много дел.

— Пожалуй, даже чересчур много.

«Пожалуй?» — мысленно переспросил Адриан.

— Раньше я боялась, что не сумею развлечь Кристиану в столице: а теперь не знаю, как быть с уймой приглашений и просьб о визитах. — Она указала на серебряный поднос, заваленный визитными карточками и приглашениями. — И с каждым часом их становится все больше! К счастью, Уилл предложил помочь мне разобраться в них.

Адриан покосился на приятеля, в то время как лакей ставил перед ним тарелку с яйцами, тостами и ветчиной.

— Как... благородно с вашей стороны, святой отец! Невозможно придумать более прозрачного предлога, нежели обещание привезти чужой жене томик стихов.

— Адриан! — с упреком воскликнула Ли. — Как можно отвечать на подобное великодушие черной неблагодарностью!

— Если бы ты поближе познакомилась с этими двумя... — Адриан осекся, повинувшись внутреннему голосу, напомнившему, что на пути к успешному соблазнению нельзя забывать об осмотрительности. — Конечно, ты права, — заключил он и попытался изобразить раскаяние. — Я проявил черную неблагодарность — и это после всего, что друзья сделали для меня в последнее время!

Дружески улыбнувшись приятелям, он был награжден подозрительными взглядами. Уилл и Колин слишком хорошо знали Адриана.

— Ума не приложу, что на меня нашло. Простите, что я не подумал о ваших чувствах, — продолжал он таким льстивым тоном, что у обоих джентльменов отвисли челюсти. Потянувшись к блюду со сдобными булочками, Адриан любезно осведомился:

— Еще булочек, джентльмены? Я же знаю, Уилл, что ты их обожаешь.

— Пожалуй, съем еще одну, — решил Уилл, беря с блюда сразу две булочки.

— По правде говоря, — продолжал Адриан, подсовывая блюдо Колину, — я особенно рад видеть здесь тебя, Колин. Этот визит избавит меня от поездки к тебе в контору.

— Ко мне в контору? С какой стати?

— Помню, ты однажды упомянул, что приобрел галерею в Сохо.

— Верно, — кивнул Колин. — Никчемное приобретение! Напрасно я не уговорил Уикерсона внести мой пай в каретную мастерскую Тингсли. По крайней мере он хоть на что-нибудь сгодился бы.

— Видишь ли, мне понадобилась недвижимость в районе Сохо, а твоя галерея будет в самый раз. Конечно, — добавил он, намазывая маслом тост, — если ты согласен отделаться от нее.

— Согласен? Да я готов отдать ее тому, кто уплатит налог на недвижимость!

— Тогда по рукам. Пришли мне счет, и я оплачу его.

Ошеломив Колина молниеносно повернутой сделкой, Адриан обернулся к Ли:

— Полагаю, у тебя уже есть планы, на сегодняшний день?

— Да, мне предстоит визит к издателю, а потом придется зайти в шляпную мастерскую — проверить, не готовы ли несколько шляпок, которые я заказала для Кристианы. По правде говоря, недостатка в шляпках она не испытывает, — улыбкой добавила Ли. — Вы поймете, о чем я говорю, когда прибудет ее багаж.

Мужчины понимающе рассмеялись.

— Нарядов у дамы никогда не бывает слишком много, — заверил Уилл.

Ему-то не придется выгружать проклятые сундуки, с горечью подумал Адриан.

— Когда же мы увидим здесь вашу сестру? — полубопытствовал Колин.

— Точно не знаю. Адриан был так любезен, что отправил за ней экипаж сразу после моего приезда в Лондон. Письмо с известием, что Кристиана уже в пути, может прийти со дня на день.

Судя по воодушевленному тону, Ли явно не могла дожждаться приезда сестры. Еще одна обуза, способная окончательно отдалить ее, подумал Адриан, жалея, что не предупредил кучера, чтобы тот возвращался из Бэмборо не спеша.

— Но как бы я ни изнывала от нетерпения, я рада, что мне хватит времени приготовить дом и составить список развлечений. Кстати, — спохватилась Ли, — не забыть бы заказать для Кристианы визитные карточки! Я думала, будет достаточно просто приписать ее имя на моих карточках, но теперь вижу, что даже незамужним девушкам полагается иметь собственные карточки. Должно быть, это последний крик моды. Мне хочется, чтобы первый лондонский сезон Крисси прошел без сучка и задоринки.

— Мы непременно поможем вам в этом, — пообещал Колин прежде, чем Адриан успел вставить слово. — Между нами говоря, мы с Уиллом знаем весь Лондон.

— Мы повезем вашу сестру в театр, — предложил Уилл. — Мои сестры берут ложу.

— И к Астли! — подхватил Колин. — Конечно, если ей нравятся подобные развлечения.

— Несомненно, Крисси будет рада изведать все, что способен предложить Лондон. Для нее эта поездка станет сбывшейся мечтой.

Ли переглянулась с Адрианом. Ее глаза сияли, как у восемнадцатилетней девушки, которой предстояло первое приключение в жизни. Слегка смутившись под испытующим взглядом мужа, Ли добавила:

— Мне пора, иначе я не успею выполнить все, что задумала.

Все трое мужчин поспешили встать, едва она поднялась.

Адриан бросил салфетку рядом со своим прибором. К еде он даже не притронулся.

— Я иду с тобой. — И, заметив удивление на лице Ли, объяснил:

— Мне тоже надо в лавку письменных принадлежностей.

Лавка, где торговали письменными принадлежностями, находилась недалеко от Ченсери-стрит. Пронзительный звон колокольчика проводил уходящих супругов. Спускаясь с крыльца на тротуар. Ли с беспокойством взглянула на хмурое небо, предвещающее очередной дождливый вечер.

— Неудивительно, — заметил Адриан, мельком посмотрев на тучи, — в конце концов, мы в Англии.

— Иной раз дождь способен доставить мне удовольствие, но теперь я жду от природы солнечных, ясных дней — в самый раз для прибытия Крисси. Будьте моим свидетелем, Адриан. Я хочу, чтобы город предстал перед ней во всем блеске! И кроме того, — продолжала она тем же беспечным тоном, — нельзя допустить, чтобы дождь застал ее в пути. Не хватало еще, чтобы карета увязла в грязи!

Заметив пристальный взгляд Адриана, Ли поправила кокетливо закрученное черное перо на шляпке.

— В чем дело? — спросила она. — Почему вы так смотрите на меня?

— Потому что вы прекрасны! Другой столь же изумительной женщины я никогда не

встречал. И если есть Господь на небесах, несомненно, он не в силах отказать вам в любой просьбе — как я не в силах отвести от вас взгляда. А это значит, что солнце будет светить на протяжении всего пути вашей сестры из Бэмборо в Лондон.

— Я же пошутила, — возразила Ли, понимая, что была права, избегая оставаться наедине с Адрианом. Сегодня она совершила глупость, изменив своему правилу. Ее взволновали не только слова Адриана, но и его взгляд, и то, как трепетно забилося ее наивное сердце. Адриан — опасный противник, но собственных чувств Ли боялась больше, чем предстоящего поединка. — Я должна поблагодарить вас за совет — о том, какую надпись сделать на визитных карточках Кристианы, — произнесла Ли, надеясь перевести разговор в другое русло.

Адриан небрежно поклонился:

— К вашим услугам. Правда, я не такой знаток всех тонкостей визитных карточек, как Уилл, которого вечно заботят мелочи.

Ли уловила в голосе мужа тот же намек, который звучал за завтраком, когда она упомянула о том, что обсуждала свои книги с Колином. Неужели он ревнует ее к собственным друзьям? В этом Ли не была уверена. Именно невозможность разобраться, когда Адриан шутит, а когда говорит всерьез, заставила ее удвоить бдительность. За последние несколько часов она успела убедиться, что эта задача не из легких.

— Ваш совет был безупречен... а тем более то, как вы разыграли мистера Пикеринга, — добавила она, вспомнив о визите к издателю на Флит-стрит. — Он наверняка счел вас самым преданным и заботливым мужем на свете.

— Кто сказал, что это был розыгрыш?

— А разве нет? — Ли уставилась в глаза Адриану. И сразу поняла, что допустила ошибку. Нельзя смотреть на хищника в упор. Сколько раз она повторяла эти слова сестре, когда на прогулках им встречались чужие собаки! Ли и Адриан стояли, глядя друг другу в глаза. Прохожие обходили их, с неба начали падать первые редкие капли дождя. Наконец они одновременно вздохнули.

— Пожалуй, я воздержусь от ответа, — произнес Адриан. — Каким бы он ни был, мне несдобровать.

— Почему же? — возразила Ли, переполненная непривычным волнением. Казалось, она наблюдает за диким зверем, сидящим в клетке, не зная наверняка, заперта ли дверца.

— Если я скажу, что притворялся, вы придете к-ошибочному выводу, что я отнюдь не восхищаюсь вами и вашим талантом. Если же скажу, что каждое мое слово, каждый восхищенный взгляд были искренними, вы все равно не поверите мне и сочтете, что у вас есть все основания не доверять мне в будущем.

— Логично, — признала Ли с улыбкой. — Я бы тоже не нашлась с ответом. А теперь — всего хорошего.

— В чем дело? Мы расстаемся?

Ли растерянно заморгала:

— Я думала, у вас слишком много важных дел, чтобы сопровождать меня в шляпную мастерскую. Разве нет?

— Нет. К счастью, весь день — и ночь — у меня свободны. И я намерен посвятить их вам. — Последняя фраза двусмысленно повисла в воздухе, улыбка Адриана стала интимной, как прикосновение. С легким, галантным поклоном он осведомился:

— Куда теперь, герцогиня?

Дождь по-прежнему накрапывал, когда они час спустя вышли из дорогой шляпной мастерской на Пэл-Мэл. Ли . отправилась туда с намерением переменить цвет ленты на одной из заказанных шляпок и отделать другую цветами. Она велела отделать соломенную шляпку маргаритками, а для фетровой выбрала огненно-красную ленту.

В том, почему Адриан решил провести с ней весь день, она ни минуты не сомневалась. Он развернул продуманную, дерзкую кампанию, чтобы очаровать ее и сломить сопротивление. И К удовольствию и ужасу Ли, постепенно одерживал победу.

— Подождите здесь. — Адриан остановил ее под навесом у двери лавки. — Я пошлю за экипажем.

— Прошу вас, не надо! — воскликнула Ли. — Отсюда до места, где стоит экипаж, совсем недалеко, а если мы будем идти под навесами, то едва ли промокнем. — На самом деле ей не улыбалось оказаться наедине с Адрианом в закрытом экипаже. — А по пути мы сможем полюбоваться витринами.

С таким кислым видом, словно его заставили ползти на четвереньках, Адриан поклонился и галантно пропустил Ли к стене здания — туда, где было посуше. Не успели они пройти и несколько шагов, как витрина серебряных дел мастера привлекла внимание девушки. Осколки разноцветного стекла были разложены на зеркально отполированном подносе, а рядом стоял серебряный цилиндр.

— Смотрите, калейдоскоп! — воскликнула Ли.

Адриан удивился:

— Вам уже случалось видеть калейдоскопы?

Ли кивнула:

— Да, у Брюстеров — родственников сэра Дэвида Брюстера. Свой первый калейдоскоп он соорудил несколько лет назад — из картона, осколков стекла и зеркала, а патент на изобретение получил совсем недавно. В прошлом году — он подарил Киту Брюстеру один из своих первых калейдоскопов. За несколько недель мы протоптали к дому Брюстеров тропинку и долго ждали своей очереди посмотреть в калейдоскоп. — Вспоминая об этом, Ли засмеялась. — Нашими стараниями он чуть было не пришел в негодность! — Искося взглянув на мужа, она спросила:

— А вы когда-нибудь смотрели в калейдоскоп?

Он кивнул:

— В прошлом году, на научной выставке в Риме.

— И что же?..

— Я решил, что это весьма забавно.

— А у меня каждый раз захватывало дух, — негромко призналась Ли, мечтательно глядя на витрину. — Сэр, Дэвид — удивительный человек. Никому другому и в голову бы не пришло сотворить такое чудо из простых осколков стекла!

— Никому, кроме вас. — Поймав вопросительный взгляд Ли, Адриан пояснил:

— В своих книгах вы постоянно творите чудеса.

— Это не одно и то же, — возразила Ли.

— Может быть, но выглядит не менее впечатляюще — особенно для тех, кому недостает вашего таланта создавать удивительное буквально из ничего.

Ли не сводила глаз с калейдоскопа, стараясь запечатлеть в памяти этот комплимент. Адриан лестно отзывался о ее глазах и волосах, но Ли не сомневалась, что такую же хвалу он

воздавал множеству других глаз и волос. Но этот комплимент показался ей искренним, а день — радостным и теплым. Внутри у нее все запело от удовольствия.

— Это очень любезно с вашей стороны...

— Любезность тут ни при чем, — нетерпеливо перебил Адриан. — Я сказал правду. А теперь, может быть, зайдём в лавку и получше рассмотрим калейдоскоп?

— По правде говоря, я сейчас думала, что из него получится прекрасный свадебный подарок. — Краем глаза Ли заметила усмешку на губах Адриана и поняла, как легко принять ее слова за намек. Она поспешно пояснила:

— Свадебный подарок от Крисси жениху.

Порывистым движением Адриан поднял воротник сюртука и повел плечами. На этот раз в его голосе прозвучало явное раздражение:

— А вам не приходило в голову, что вы напрасно выбираете все эти визитные карточки, шляпки и жениха для сестры? Что, если выбрать свадебный подарок она предпочтет сама?

Ли густо покраснела.

— Превосходная мысль, сэр. Я упомяну про калейдоскоп, а там пусть решает сама.

Круто повернувшись, она зашагала по тротуару. Адриан чинно предложил ей руку, и Ли с чопорным видом приняла ее. Теперь она охотно согласилась бы проехаться в экипаже, уверенная, что ледяная стена между ними не растает до конца поездки.

В полном молчании они прошли целый квартал, и вдруг из переулка навстречу им выбежали двое мальчишек. Адриан резко остановился.

— Дай сюда, говорю! — кричал тот, который был поменьше, пытаясь выхватить у второго то, что он так старательно прятал. Мальчуганы выглядели опрятно, но Ли сразу заметила, что их одежда знавала лучшие времена.

— Не дам! — вопил второй. — Это мое!

— Неправда!

— Нет, правда!

С этими словами мальчуган постарше ударил младшего ладонью по лицу, опрокинув на тротуар.

— Довольно! — решительно произнес Адриан, помогая мальчику подняться на ноги и беря обоих за воротники. — С тобой все в порядке? — спросил он у малыша, потиравшего ушибленное место.

— Кажется, да, — отозвался мальчуган и вытер пыльной ладошкой глаза.

— Что это ты так настойчиво требовал от друга? — любопытствовал Адриан.

— Он мне не друг! — хором воскликнули мальчишки.

Присмотревшись, Ли поняла, что один мальчик и вправду постарше второго года на два.

Старший, которому на вид было лет десять, объяснил:

— Это мой брат.

— Ясно. — Адриан перевел взгляд с одного пленника на другого. — Но вы не ответили на мой вопрос. Что это у тебя в кармане? — спросил он старшего. Тот потупился.

— Ничего.

— Прекрасно! Дай-ка мне взглянуть на это «ничего», — велел Адриан. — И немедленно, сынок!

Мальчик нехотя вынул из кармана печенье, посыпанное сахаром.

— Где ты его взял? — продолжал допрос Адриан.

— В кондитерской на Бартлет-стрит. — Мальчик указал направление плечом.

— Стащил?

— Нет! — возмутился собеседник Адриана, широко открыв глаза. — Мне дали его за то, что я помогал носить пустые бочонки для муки.

— И я принес один! — вмешался младший. — Тебе велели поделиться!

Ли мысленно проклинала глупость того человека, который додумался дать одно печенье двум голодным малышам.

— По-моему, это удачная мысль, — заметила она. — Дай брату половину.

— Я так и хотел, — заверил ее старший, — но он не дал мне сломать печенье.

— Потому, что он дал бы мне кусочек поменьше, — объяснил его брат. — Он всегда так делает.

— А если мы попросим тебя разломить печенье? — обратился Адриан к младшему брату.

Как и ожидала Ли, старший решительно покачал головой:

— Нет, сэр! Тогда он в отместку даст мне меньшую половину.

Адриан нахмурился.

— Я придумала! — воскликнула Ли, опасаясь, что еще немного — и Адриан попросту отшлепает мальчишек. Она обернулась к старшему мальчику: — Давай сделаем так: ты разлочишь печенье на две равные части, а потом твой брат сам выберет ту, которая ему понравится. Годится?

Судя по всему, ни одного из мальчиков ее предложение не привело в восторг, но оно звучало вполне справедливо. После того как братья поделили печенье, Адриан дал каждому по монете, на которую можно было бы закупить сладостей на неделю.

— Оказывается, вы добрая душа, ваша светлость, — заметила Ли, когда мальчишки скрылись в переулке.

Адриан неловко пожал плечами:

— А вы не кто иной, как новый Соломон. Решение было блестящим.

— Пожалуй, да. К сожалению, это не мое изобретение, — призналась Ли. — У моей подруги Софи пятеро детей не старше десяти лет, и я сотни раз видела, как она разрешает подобные споры. Метод «один делит, второй выбирает», как его называет Софи, мне особенно нравится.

— Постараюсь вспомнить о нем в следующий раз, когда Уилл и Колин начнут ломать копыя. Но откровенно говоря, вряд ли удастся так же легко поделить женщину.

— На этот раз я воздержусь от замечаний. — Ли улыбнулась, вновь ощутив исчезнувшую на несколько минут неловкость.

— Скажите, Ли, — вдруг заговорил Адриан, — а вам хочется иметь своих детей? Похоже, вы умеете ладить с ними.

— Хочется ли мне иметь детей? Ну разумеется! Было время, когда я надеялась, что в будущем меня ждет счастливый брак и шумная детская. Правда, в то время я слишком мало знала о жизни и людях, окружавших меня. Я доверяла им и любила их.

В ее голосе промелькнули нотки сожаления; Чтобы ответить на вопрос Адриана, ей пришлось обратиться к воспоминаниям, которые она давно предпочла убрать в самый дальний уголок памяти.

— Но как вам известно, вскоре от моей прежней жизни не осталось и следа. Если не считать моих книг, я убежденная реалистка. Давно смирившись с собственной участью, я решила стать заботливой тетушкой детям Кристианы.

— А она хочет детей?

— Конечно, — кивнула Ли. — Из нее получится замечательная мать. По правде говоря, я надеюсь, что у нее будет не меньше полудюжины детей, чтобы мы могли почаще баловать их, справляя дни рождения, а я — брать их к себе по очереди на каникулы. — Заметив сомнение на лице Адриана, она добавила:

— Разумеется, это не то же самое, что иметь собственную семью, но сейчас я лишена даже таких радостей.

— С такой логикой трудно, поспорить.

Они дошли до угла улицы. Адриан попытался повернуть направо, но Ли воспротивилась.

— Экипаж ждет вон там, — напомнила она, указывая налево.

— А моя излюбленная кондитерская — вон там. — Адриан кивнул направо. — Вы продрогли, я чувствую, как вы дрожите. Вам не повредит чашка шоколада. А мне вдруг пришло в голову посидеть рядом с женой у окна в кондитерской Бересфорда.

В конце концов супруги устроились за столиком в дальнем углу фешенебельного заведения, куда Адриана провел сам хозяин — приземистый франтоватый джентльмен с закрученными в ниточку усами. Услышав о приходе знатного посетителя, он сам поспешил поприветствовать Адриана и принять у него заказ.

— А я думала, вам вдруг захотелось посидеть у окна, — напомнила Ли после того, как им принесли две чашки с дымящимся шоколадом.

Адриан откинулся на спинку стула, насмешливо поблескивая глазами.

— Внезапное желание прошло. Не хочу делить вас ни с кем.

— И часто вы подвержены таким капризам?

— Только в последнее время.

Ли снова ощутила непонятный трепет и чудесный, но пугающий холодок, пробегающий по спине.

Напрасно она согласилась посидеть с ним в уединенном уголке кондитерской, пропахшей ванилью и шафраном. Столик оказался крохотным. Длинные ноги Адриана не умещались под ним и почти касались ног Ли.

— Я слышана о вашей новой затее, — заметила она, решив повернуть беседу в безопасное русло.

— Правда? — На лице Адриана отразилось сдержанное любопытство.

— Да. Хотя Лондонского дома птиц еще не существует, в городе только о нем и говорят. Когда вы намерены открыть его?

— Не раньше чем через несколько месяцев. Предстоит еще слишком много дел.

— Разумеется. Лично я понятия не имею, с чего начать устройство птичника.

— Я тоже. — Заметив недоуменный взгляд Ли, Адриан улыбнулся. — Птичник здесь ни при чем. Я намерен открыть бордель.

Один-единственный ужасный миг Ли могла бы поклясться, что он сказал правду. Но это было невыносимо. Подумать только — бордель! Само слово, выбранное Адрианом, звучало возмутительно, но вполне соответствовало его циничному юмору.

Покачав головой, Ли устремила на Адриана взгляд, в который вложила все свое неодобрение.

— Неужели вы никогда не упускаете случая шокировать окружающих?

— Никогда.

Попытка перевести разговор в спокойное русло с треском провалилась. Некоторое время они пили шоколад молча. Взгляд Ли скользил по залу, Адриан не сводил глаз с жены.

— Опять вы смотрите на меня, — упрекнула она.

— Вы правы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ли сделала еще глоток, притворяясь равнодушной. Заметив, что сладкая пена, оставшаяся у нее на губах, загнипнотизировала Адриана, она поспешно облизнула губы.

Адриан усмехнулся:

— Прикажете извиниться?

— Смотря что вы чувствуете. Вы раскаиваетесь?

— Не более чем в том, что по утрам открываю глаза или дышу. Смотреть на вас мне необходимо просто для того, чтобы существовать.

Ли выпрямилась.

— И часто подобные уловки срабатывают, когда вы добиваетесь других женщин?

— Я никого не добиваюсь.

— Ну конечно! Как глупо с моей стороны! Это женщины преследуют вас, — поправила Ли, слегка качнув головой.

— Вы неверно истолковали мои слова. Я хотел сказать, что до сих пор мне не приходилось добиваться женщин, которые интересовали меня. Я знал, где найти их, а они были не вправе отказать мне.

— Ясно... — Ли разрывали два противоречивых чувства: кодекс поведения леди предписывал ей пренебрежительно фыркнуть и немедленно сменить тему, а любопытство побуждало продолжить расспросы. В конце концов оно и победило. — В том числе и Шарлотта?

Адриан замер, хотя выражение его лица осталось безмятежным, даже насмешливым.

— Кто?

— Шарлотта Боннер — кажется, так ее звали?

— Откуда вы узнали о Шарлотте Боннер?.. Нет, постойте, я догадаюсь сам. Должно быть, проговорился преданный друг Колин?

— Нет; Уилл, — призналась Ли.

— Его преподобие вновь отличился, — беспечно заметал Адриан. — Что же он рассказал вам про Шарлотту?

— Ничего особенного. По правде говоря, он предан вам сильнее, чем вы думаете. Он только мимоходом упомянул ее имя, когда я поинтересовалась, были ли женщины в вашем бесславном прошлом?

— Значит, он не говорил, что мы собирались пожениться?

Ли ощутила тяжесть внутри.

— Нет, не говорил. Что же произошло? Или мне не стоило спрашивать?

— Напротив, следовало. Иначе как же вы узнаете о моем бесславном прошлом? Шарлотта так и не явилась в церковь.

— Не может быть!

— И тем не менее это так. А все потому, что ей недоставало одного бесценного свойства, которым обладали вы и которое привлекло меня. — Он придвинулся ближе, помолчал несколько секунд и пояснил:

— В то время она пребывала в сознании.

Он сверкнул дьявольской улыбкой, но Ли почувствовала, что этот разговор не доставляет ему никакого удовольствия.

— В таких случаях я теряюсь в догадках, не зная, верить вам или нет, — заметила она.

— Вот и хорошо, — отозвался Адриан, понизив голос. — Значит, мне придется удвоить усилия, чтобы убедить вас в моей непоколебимой преданности и влюбленности.

Да поможет ей Бог, если Адриан предпочтет удвоить усилия! Взяв ложечку, Ли помешала шоколад.

Наконец она подняла голову.

Адриан по-прежнему смотрел на нее.

— Ну хорошо. — Ли звякнула ложечкой, положив ее на блюдце, и покорно улыбнулась. — Вы убедили меня. Вы гений в искусстве соблазнения. Уверена, вы одержали немало славных побед в кругу светских дам — невесты-беглянки не в счет, — и если бы я была исполнена решимости не поддаваться соблазнителю, я, пожалуй, могла бы пасть жертвой ваших чар. Но увы, у меня другие планы. Так что не старайтесь понапрасну.

Адриан придвинулся еще ближе. Ли почувствовала себя загнанной в угол.

— А если я не могу?

— Не можете остановиться?

— Не могу остановиться... ничего не могу с собой поделаться... не в силах сдержать свои чувства...

— Тогда придется сказать вам, что в этой глупой игре у вас нет никаких шансов. Ровным счетом никаких.

— А если я скажу, что это уже не игра?

Ли ждала, что Адриан улыбнется или пошутит, но он молчал. Он просто смотрел на нее, как на самое завораживающее видение на свете.

— Мне все равно придется попросить вас смириться и отступить, — наконец ответила Ли. — Меня раздражает, когда на меня смотрят так... пристально.

Влюбленное выражение на лице Адриана мгновенно сменилось беспокойством. Но Ли не верила ни тому, ни другому.

— Из любого положения можно найти выход, — напомнил он, — который устроит нас обоих... — Внезапно он просиял: — И я его нашел! Будь у меня ваше изображение, я смог бы смотреть на него, сколько пожелаю, не вызывая у вас чувства... неловкости.

— Изображение? — Ли подозрительно прищурилась. — Вы имеете в виду миниатюру?

— Нет, миниатюра не годится. Мне нужен портрет во весь рост. Я прошу у вас разрешения написать ваш портрет.

У Ли изумленно расширились глаза.

— Вы рисуете?

— Не слишком хорошо, — с несвойственной ему скромностью признался Адриан. — Но на этот раз меня будет вдохновлять страсть.

Некоторое время Ли размышляла, стоит ли верить ему, и наконец решила, что Адриан вряд ли станет лгать, зная, что его легко проверить.

— Я поражена, — произнесла она, — не говоря уже о том, что изумлена. А я считала вас законченным повесой, который спит целыми днями и веселится ночи напролет, не задумываясь ни о чем, кроме своих сиюминутных прихотей. Очевидно, я ошиблась.

— Принимаю ваше извинение. — Адриан поднес ладонь Ли к губам и запечатлел поцелуй на ее запястье. — Значит, вы согласны позировать мне?

Ли колебалась, ослабев от жаркого дыхания Адриана, проникшего под перчатку.

— Прошу вас, Ли! — взмолился он. — Сделайте мне свадебный подарок!

Он явно что-то задумал — Ли твердо знала это. Но что именно, она не понимала, а отказывать в просьбах было не в ее характере. Тем более потому, что язык Адриана в Этот миг прогуливался между крохотными перламутровыми пуговками ее перчатки, привлекая нежелательное внимание дам, сидящих за соседним столиком, и вызывая у Ли головокружение.

Развращать и покорять — вот его безотказная тактика. Ли понимала, что означает ее неудержимый трепет, и внутренний голос призывал ее: «Беги!» Но некая часть ее существа жаждала продлить наслаждение — до тех пор, пока не разразится катастрофа.

— Хорошо, я согласна. — Ли со вздохом отдернула руку. — Хотя я точно знаю, что вскоре пожалею об этом.

Адриан проводил жену только до парадных дверей Рейвен-Хауса.

— Я вдруг вспомнил об одном важном деле, — объяснил он. — Но постараюсь вернуться пораньше, чтобы сопровождать вас на ужин к Ходдлтопам.

— Прошу вас, не надо спешить из-за меня. Если хотите, мы можем встретиться за ужином.

— Ни в коем случае! — возразил Адриан, в глазах которого вспыхнули алчные огоньки. — Дождитесь меня. «Беги!» — повторил внутренний голос.

— Ладно, дождусь, — отозвалась Ли. В холле ее встретил Торн.

— Вы успели поговорить со слугами? — спросила девушка, опередив дворецкого.

Он закивал головой.

— И они согласились попробовать?

— Они сказали, что вреда от этого не будет.

В устах Торна такой ответ прозвучал явным поощрением. Ли радостно улыбнулась.

— Разумеется, — добавил он, — если герцог позволит.

— Он уже дал согласие, — заверила Ли, вспомнив о том, что Адриан предоставил ей право распоряжаться в доме по своему усмотрению. Предстоящие перемены пошли бы самому герцогу только на пользу. — Неужели вы считаете, что я решилась бы перевернуть вверх дном весь дом, не спросив разрешения у герцога?

Несколько секунд Тори настороженно смотрел на нее. После памятного ужина в кухне между ними установилось нечто вроде взаимопонимания. С тех пор Ли твердо рассчитывала на поддержку старого слуги.

— Согласие бывает разным, — наконец произнес он. — Но вряд ли его светлость станет обращать внимание на такие пустяки. — Неуклюже поклонившись, он собрался было уйти, но вдруг остановился и протянул Ли визитную карточку. — Чуть не забыл: в гостиной вас ждет джентльмен по фамилии Холт.

Ли нахмурилась, разглядывая карточку почтенного Майкла Холта.

— А вы уверены, что он хочет видеть меня, а не герцога?

— А как же!.. — Дворецкий вовремя спохватился:

— Совершенно уверен, ваша светлость. Он выглядит вполне безобидным.

Дворецкий повел госпожу вверх, в гостиную. У дверей он обратил ее внимание на зеркало в черепаховой раме, висящее над сундуком красного дерева.

— Его повесили совсем недавно, а оно уже запылилось, — объяснил Тори недоумевающей Ли. — Сейчас вытру.

Внезапно девушку осенило: Тори намекал, что останется за дверью, чтобы быть поблизости на всякий случай!

Она взяла Торна за руку.

— Спасибо, Торн. Я ценю вашу заботу.

Майкл Холт стоял у окна, любуясь садом. Услышав шаги, он обернулся, а Ли от неожиданности затаила дыхание, узнав человека, с которым несколько дней назад столкнулась на Бонд-стрит.

— Спасибо, что вы согласились принять меня, ваша светлость. — Пройдя по комнате, он низко склонился над протянутой рукой Ли.

— А разве мы знакомы? — настороженно осведомилась она.

— Знакомы, — с мягкой улыбкой подтвердил он, — но вы, должно быть, этого не помните. Прошу простить мне столь дерзкий неожиданный визит. Не будь между нами родственных уз, я бы ни за что не осмелился побеспокоить вас. Видите ли, я ваш троюродный брат, и, смею с гордостью добавить, я был близким другом вашей матушки.

— Близким другом? Это звучит двусмысленно, — заметила Ли, тщетно пытаюсь воскресить воспоминания детства.

— А означает только то, что у нас были общие интересы и она доверяла мне.

— А вы оправдывали ее доверие? — напрямик осведомилась Ли.

К счастью, гость предпочел быть откровенным:

— Да, оправдывал, хотя и не сумел спасти ее. Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, что никто из людей, любивших вашу мать, не смог ей помочь.

Ли отошла к окну, обернулась и окинула взглядом рослую, крепко сбитую фигуру посетителя, его зачесанные назад серебристые волосы и твердые черты лица. Прошло уже десять лет. Люди меняются.

— Если мы и вправду родственники, почему же я вас совсем не помню?

— Вероятно, потому, что мои визиты к вашим родителям были немногочисленны. Я ваш родственник по отцовской линии. — Легким движением губ он выразил недовольство. — Но общим у меня с вашим отцом было только отсутствие симпатии друг к другу. А Дейву я любил, как сестру.

— Зачем вы приехали ко мне? — спросила Ли.

— Зачем? — Он невесело усмехнулся и рассеянно провел рукой по волосам. — По нескольким причинам. — Его лицо смягчилось, выражая явное сочувствие, которое немного подбодрило Ли. — Чтобы повидаться с вами. Чтобы проверить, верным ли было мое первое впечатление. И извиниться за ту досадную встречу. Видите ли, она разбередила старые раны, — с грустью добавил Майкл. — Мне пришлось *отправиться прямо в клуб и основательно...* подкрепиться там.

Ли улыбнулась:

— Мне говорили, что я похожа на маму.

— Похожи? По грубоватому, но очень точному выражению моей бедной бабушки-ирландки, вы — вылитая матушка.

Ли рассмеялась:

— Знакомые слова! Жители шотландской границы питают пристрастие к подобным выражениям.

— И смеетесь вы точь-в-точь как она, — тихо добавил Майкл. — Это вам известно?

Ли покачала головой, пытаюсь проглотить внезапно вставший в горле ком.

— И походка у вас такая же, как у матери. Вы всегда держите голову высоко поднятой, словно пытаетесь разглядеть, что приготовила вам судьба за следующим поворотом... Но довольно об этом, — прервал себя Майкл. — Я пришел сюда не для того, чтобы заставить вас плакать.

— Это слезы счастья, сэр. Как непривычно слышать такие слова от почти незнакомого человека! Никто не говорил со мной о маме, разве что знакомые изредка упоминали о нашем сходстве. — Она обхватила плечи руками, вдруг ощутив озноб. — Иногда мне казалось, что мамы даже не существовало.

Майкл Холт понимающе кивнул.

— И тем не менее она жила и была даже слишком реальной. Вот и еще одна причина моего визита. Не знаю, что вам наговорили о матери и что вам известно о случившемся, но я хорошо знал ее. Если у вас есть вопросы, я смогу ответить на них. А если вы пожелаете узнать о том, какой была ваша мать, я к вашим услугам.

— Спасибо, мне действительно хотелось бы послушать вас. Не согласитесь ли вы когда-нибудь поужинать с нами?

Майкл несколько раз сжал и вновь разжал кулаки.

— Если хотите, я приму ваше приглашение, но должен предупредить, что это весьма рискованная затея. Я понимаю, что захожу слишком далеко, ваша светлость, но все-таки упомяну, что ваш брак называют... весьма странным. И я... — Он заколебался, нахмурив густые седые брови. — Черт побери, можете отвесить мне пощечину, но... однажды я уже придержал язык, о чем с тех пор сожалею. Я не допущу, чтобы то же самое повторилось с вами. Вы хорошо знакомы с мужем?

— Мне известно, что его отец был любовником моей матери, — ответила Ли, изумив Майкла. Он мрачно кивнул.

— А вы знаете, как прозвали герцога?

— Отщепенец лорд Рейвен.

— Вот именно, и кроме того, он потомок длинной вереницы отщепенцев. Не знаю, что за игру он затеял, женившись на дочери Дейвы, но не успокоюсь, пока не выясню это. А вам я советую быть настороже, дорогая.

— Благодарю за предупреждение. Мало кто из бывших друзей нашей семьи отважился бы навестить меня. Думаю, ваш визит — лучшее доказательство вашей дружбы с мамой.

По лицу Майкла скользнула довольная улыбка.

— В знак благодарности, — продолжала Ли, — я попробую успокоить вас, сказав, что Рейвен отнюдь не похож на своего отца. — И прежде чем Майкл успел высказать сомнение, добавила:

— А я — не моя мать.

Было уже за полночь, когда Адриан, возвратившись домой, поднялся по узкой деревянной лестнице в комнатку Торна. Держа свечу в одной руке, он растолкал сонного дворецкого.

— Прости, что пришлось разбудить тебя в такой час, Торн, — прошептал герцог, — но завтра ты должен выполнить мое поручение.

Торн сощурился, прикрывая глаза ладонью.

— Разбудить вас к завтраку?

— И это тоже, — кивнул Адриан. — А потом отправляйся в лавку, где продают все, что требуется художникам. — Вынув из кармана клочок бумаги, Адриан протянул его дворецкому. — Вот адрес. Купи все, что понадобится для студии: краски, кисти, холсты, мольберт — лучше несколько мольбертов — и одну такую деревянную штуку с дыркой для большого пальца. Забыл, как она называется...

— Палитра, — подсказал Торн.

— Вот-вот, палитру! Ты не устаешь удивлять меня, Торн. Словом, купи все, что может понадобиться художнику. А еще привезти кресло, чтобы усадить герцогиню. Или лучше кушетку. Желательно бархатную. — Он улыбнулся, мысленно внося поправки в свой план. — Обитую красным бархатом.

Торн зевнул.

— Ты все запомнил? — осведомился Адриан. — Краски, кисти, холсты, несколько мольбертов, палитра, разные безделушки, чтобы украсить студию, и красная бархатная кушетка для герцогини. Это все?

— Да, то есть нет. Попробуй разыскать несколько незаконченных картин — для пущей убедительности. Попроси лавочника доставить все покупки сразу... и без лишнего шума, понимаешь? Прикажи убрать комнату над лестницей, проветрить ее и обставить.

— Это займет несколько дней, — предупредил Торн. — Особенно возня с красным бархатом.

— Постарайся сделать все как можно быстрее. Да смотри, ни слова герцогине!

— Ясно. Значит, вы готовите сюрприз?

— Сюрприз? — Адриан поморщился, представив себе, что скажет Ли, узнав, что в последний раз он держал в руках кисть еще в детстве, да и в то время не подавал больших надежд. — Если мне повезет, сюрпризов не будет.

— Мне не по себе, — призналась Ли, поднимаясь по узкой лестнице в студию Адриана.

— Почему? Красавицы постоянно позируют художникам.

— Знаю, но не считаю себя красавицей, и...

— Ну и напрасно.

— А еще мне так же трудно представить вас в роли художника, как в...

Она осеклась, а Адриан обернулся, заставив Ли замереть на ступеньке.

— Как в роли вашего мужа? Наперсника? Любовника?

— Нет, судьбы.

На лице Адриана не отразилось удивления. С недавних пор такие разговоры между ними стали обычными. Он безуспешно пытался соблазнить ее, а она боролась с собственным тайным, мятежным и неуклонно нарастающим желанием выбросить белый флаг и сдаться.

В конце концов, он ее муж по закону, если не по выбору. Он увлечен ею, она одержима любопытством. Однако Ли руководило не только любопытство. Ее терзало искушение. Чем больше времени она проводила с Адрианом, тем чаще все немислимое и непривычное казалось ей вполне естественным.

Открыв дверь, Адриан посторонился, пропуская Ли вперед. Войдя в студию, она невольно ахнула в восхищении:

— Адриан, какая прелесть! Как здесь светло и просторно!

Она прошлась по комнате, оглядывая высокие окна, в которые били лучи заходящего солнца, и ковер в пятнах краски. К дальней стене были прислонены незаконченные картины, на выдавшем виды рабочем столе теснились банки с кистями и красками, в воздухе витал аромат гвоздичного масла, в котором отмокали кисти.

— Прекрасное место для работы, — заключила Ли. — Вам можно позавидовать. Клянусь, как только я вернусь домой, то уберу из кабинета всю лишнюю мебель и безделушки — творческой энергии нужен простор!

Адриан огляделся с таким видом, словно впервые очутился в этой комнате.

— Пожалуй, начнем...

— Конечно. Вскоре начнет смеркаться, — заметила Ли. — Странно, что вы выбрали для работы такое время. Большинство художников предпочитают утренний свет.

— Но не я. Мне нравится работать с тенями.

— А разве тени не... — Ли осеклась, увидев, что Адриан повернулся к ней спиной.

Подойдя к рабочему столу, он принялся рыться в коробках с кистями и перебирать банки с густой масляной краской, словно разыскивая среди них нечто особенное. Видя, что Адриан всецело поглощен приготовлениями, Ли упрекнула себя в том, что еще совсем недавно считала его обманщиком.

Взяв палитру, Адриан открыл банку с белой краской и щедро плеснул ее на палитру — так щедро, что краска закапала на ковер.

— Дьявол! — шепотом выругался Адриан.

— Вам помочь? — предложила Ли. Он нетерпеливо отмахнулся и потянулся за банкой черной краски.

Ли подошла поближе. Адриан обернулся, и она застыла на месте.

— На этот раз вы смотрите на меня в упор, — с явным раздражением произнес он, кривя губы.

— Простите... Это вам мешает?

— Сказать по правде, да. Я не привык, чтобы меня отвлекали от работы.

«Каков темперамент!» — подумала Ли.

— Ясно. Значит, обычно вы пишете натюрморты? — спросила она, глядя на прислоненные к стенам холсты. — Можно взглянуть?

Шум шагов на лестнице помешал Адриану ответить. В студию вошел Колин, за ним по пятам следовал Уилл.

— Доброе утро, герцогиня, Рейв, — произнес Колин, оглядываясь по сторонам. — А это еще что такое?

— А ты как думаешь? — фыркнул Рейвен, недовольный неожиданным вторжением.

— Вы впервые видите студию? — вежливо осведомилась Ли, стараясь смягчить резкость Рейвена.

— В сущности, да, — ответил Колин. — Не знал, что вы художница, герцогиня.

— И я тоже, — эхом подхватил Уилл, состроив обиженную мину. — Вы никогда не упоминали о том, что пишете не только книги, но и картины...

— Нет, что вы! — озадаченно воскликнула Ли. — Это студия Рейвена.

— Рейвена? — Колин нахмурился. — Зачем Рейвену студия?

Рейвен предпочел сам ответить на этот вопрос, выразительно подмигивая друзьям и повернувшись спиной к Ли:

— Разумеется, для работы! Для того, чтобы писать картины.

— Картины?... Ах да, разумеется — картины! — старательно закивал Колин. — Ну как я мог забыть? Я уж думал, что ты давно забросил свои кисти. Не правда ли, Уилл? — И он ткнул приятеля локтем в бок.

— И я тоже так думал. — Уилл неловко усмехнулся. — Приятно видеть, что ты не стал зарывать талант в землю.

Колин заговорщицки подмигнул Ли:

— А Рейвен не говорил вам, что его считали вундеркиндом?

— Довольно! — прервал Рейвен. Колин вздохнул:

— Вот она, воплощенная скромность! Ни словечка о собственном таланте! Само собой, мы и забыли, что Рейвен обладает этим бесценным даром!

— Сожалею, но вам пора, — заявил Рейвен, широко распахивая дверь.

Но Колин с улыбкой направился в противоположную сторону — к холстам,

прислоненным стене.

— Это твои работы? — осведомился он. — Весьма... возвышенно, Рейвен.

— О чем ты говоришь?

Рейвен, Ли и Уилл уставились на холсты поверх плеча Колина. Первый из рисунков представлял собой карандашный эскиз распятия с несколькими мазками краски там и сям. Остальные, в основном незаконченные, работы демонстрировали сходство сюжетов, но разнообразие стилей.

На щеках Рейвена заиграли желваки — Ли уже давно поняла, что это означает острое раздражение.

Когда друзья остановились у последнего холста, Рейвен произнес:

— Несомненно, все вы слышали, что творчество художников подразделяют на периоды. Перед вами работы моего «богобоязненного», очень раннего периода, — заявил он, поворачивая последний холст лицом к стене. — По правде говоря, я давным-давно приказал выбросить их. Непременно напомним об этом Торну. А теперь, джентльмены, — добавил он, слегка подталкивая Колина и Уилла к двери, — всего хорошего!

С недовольными возгласами его друзья скрылись за дверью. Было слышно, как они смеялись, спускаясь по лестнице. И без того скептически настроенная Ли насторожилась.

— Вы и правда умеете рисовать? — спросила она, глядя, как Рейвен выливает краску на палитру.

— Разумеется. — Рейвен нахмурился. — Иначе зачем бы я стал затевать всю эту возню?

Ли оглядела студию. Судя по всему, Рейвен действительно работал в ней — отрицать это было невозможно.

— Пожалуй, вы правы.

Но выяснить истину можно лишь одним способом, поняла она: дать Рейвену немного поработать, а затем попросить разрешения взглянуть на портрет.

— Вы готовы? — спросила она.

— Еще нет.

Он уже успел перепачкать краской стол, пол и собственную одежду. Стараясь не смотреть на Рейвена, Ли предложила вытереть пятна.

— Надеюсь, я не ошиблась в выборе одежды, — заметила она, расправляя складки простой белой юбки. — Вы же сказали, что хотите иметь свадебный портрет.

— Угу! — буркнул Рейвен, брезгливо отшвырнув несколько кистей. Наконец он повернулся к Ли, держа в руках палитру, с которой капала краска.

— Вам нужна тряпка? — мягко спросила Ли, надеясь, что не помешала Рейвену работать.

— Тряпка?

— Да, чтобы вытирать лишнюю краску. Я нигде не могу найти ее. Где вы их храните?

— Я... — Адриан огляделся и нахмурился. — Обычно я не пользуюсь тряпками.

— Никогда?

— Никогда! Ничто не должно мешать потоку творческой энергии.

— Весьма... — Ли сделала неопределенный жест рукой, — весьма оригинальный подход.

Точнее — темпераментный и эксцентричный. Адриан вдруг уставился на наряд Ли, словно увидел его впервые, и недовольно скривил губы.

— В чем дело? — спросила Ли, расправляя юбку. — Что-нибудь не так?

— Все не так! Платье, волосы... даже туфли! Ли коснулась узла собранных на затылке волос и оглядела свои атласные туфельки.

— Вот как? Неужели я оделась слишком нарядно?

— Чересчур, — подтвердил Рейвен. — Именно это я и имел в виду.

— Но вы же говорили, что портрет должен стать напоминанием о свадьбе...

— Я сказал, что хочу, глядя на него, вспоминать о нашей свадьбе, — поправил Рейвен.

Ли растерялась. Каким образом ей следовало одеться, чтобы напомнить о собственной свадьбе, во время которой она была без сознания?

— Не волнуйтесь. — Внезапно тон Адриана стал ободряющим, даже вкрадчивым. — Я все предусмотрел и заранее выбрал для вас идеальный туалет. Он висит вон там, за ширмой. — Он указал на плетеную ширму, стоящую в углу. — Как только вы переоденетесь, мы приступим к работе.

Едва зайдя за ширму, Ли немедленно вылетела обратно.

— Это не платье! — заявила она, показывая прозрачное белое кружевное одеяние, поднятое за узкую бретельку.

— Неужели? — притворно удивился Адриан. — Что же это такое?

— Ночная...

Темные брови Адриана поднялись и изогнулись — словно рога дьявола, подумалось Ли.

— Договаривайте! — велел он.

— Ночная рубашка! — выпалила Ли, Окончательно вскипев. — Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду!

— Очевидно, это вы не поняли, что я имел в виду, говоря о портрете как последнем напоминании о вас, частице нашей брачной ночи...

— Не было у нас никакой брачной ночи, негодяй! И свадьбы тоже! Все это чистейшая игра, не пытайтесь отрицать. Игра, в которой вы стремитесь победить и заставить меня забыть о нашем уговоре. Но это вам не удастся!

— Вы уверены, Ли? — спокойно спросил он.

— Абсолютно!

Тем же-спокойным, доводящим Ли до бешенства тоном он продолжал:

— Тогда почему же вы так боитесь надеть ночную рубашку и исполнить свое обещание позировать мне?

— Обещание? — Ли потрясла перед носом Адриана шелковым одеянием. — И вы еще смеете напоминать мне об обещаниях?

Сверкнув своей улыбкой черного ангела, Адриан прислонился к столу.

— Вам следовало бы знать, что я способен на все.

Мысленно Ли приказала себе швырнуть одеяние блудницы в лицо Адриану и удалиться. Пора положить конец чувственному поединку, сдержать обещание и перестать ломать комедию.

А если Рейвен решит, что одержал победу, сломил ее волю? Девушка напомнила себе, что выходки Рейвена ей осталось терпеть совсем недолго. Скоро приедет Кристиана, и Ли не сомневалась, что еще до конца сезона сможет с радостью объявить о помолвке младшей сестры. В сущности, чем меньше времени она потратит на бессмысленные игры, тем больше внимания сможет уделить Крисси и быстрее устроить ее будущее.

И какое ей дело до этого надменного, беспринципного мерзавца!

— Ну хорошо, — услышала Ли собственный голос. — Я надену эту чертову рубашку и

сдержу обещание — буду позировать вам. Но лишь для того, чтобы раз и навсегда доказать вам: все попытки соблазнить меня с самого начала были обречены на провал. Видите ли, у меня есть собственный план действий — сила, терпение и самообладание!

Адриан улыбнулся, взмахнув рукой.

— Рубашка, — напомнил он.

Раздраженно вздохнув, Ли скрылась за ширмой.

— Там же вы найдете чулки и туфли, — крикнул ей вслед Рейвен.

Только теперь Ли поняла, в каком отчаянном положении оказалась.

Воздушная, как паутина, ткань предательски обрисовывала формы тела. Глубокий узкий вырез спереди скрепляли десять крохотных атласных розеток, окружающих перламутровые пуговицы. Слева просвечивающий материал спадал до пола, а справа, едва прикрывая бедро, был присборен и украшен большой розеткой. Ли попробовала оторвать ее, не повредив ткань, но вскоре убедилась, что это невозможно.

Вознамерившись скрыть из виду всё, что только можно, она потянулась за чулками, но они оказались ажурными, кружевными, и заканчивались на середине бедра. Надев белые нелепые шлепанцы на каблуках, отделанные мягким белым мехом, Ли почувствовала себя совершенно раздетой — несомненно, именно этого и добивался ее супруг. Но Ли не собиралась доставлять ему такое удовольствие.

В тесном углу, огороженном ширмой, она попробовала пройтись так, чтобы ее скромность не пострадала. Для этого достаточно было передвигаться семенящими шажками и придерживать пышную юбку на боках.

Распрямив плечи и придерживая норовящую соскользнуть вбок розетку на бедре, Ли вышла из-за ширмы, взглянула на Андриана в упор и произнесла:

— Начнем?

У Адриана отвисла челюсть, он со свистом втянул в легкие воздух. Впрочем, он оправился от потрясения довольно быстро и сумел окинуть супругу своим привычным надменным и ленивым взглядом. Но Ли успела заметить его растерянность. Под маской самоуверенности проступили черты живого человека. Стратегия Адриана оказалась палкой о двух концах. Он был совершенно ошеломлен видом Ли в наряде, который сам же выбрал.

Дело принимало неожиданный оборот.

Ему всегда удавалось излучать сдержанный интерес, но на этот раз сдержанность изменила ему.

Пусть сколько угодно пытается скрыть уязвимость, пусть отрицает ее — все равно она существует, как пот, выступивший на ладонях Ли. Она вдруг поняла, что расстановка сил между ними изменилась.

Ли улыбнулась. Ради того, чтобы наконец обнаружить трещину в броне Адриана, стоило даже вырядиться блудницей!

— Куда мне встать? — спросила она и вновь заметила, что Адриан растерялся. Инициатива явно перешла к ней. Это гораздо забавнее, чем разыгрывать невинную девицу. — К окну? — предположила она, зная, что яркий свет подчеркнет очертания фигуры.

Адриан не спускал с нее решительного, но настороженного взгляда укротителя львов. Ли медленно опустила ресницы.

— Нет, — покачал головой он, — вот сюда, на кушетку.

Он протянул Ли руку, и она храбро приняла, ее, позволив Адриану подвести себя к

мягкой кушетке, стоящей перед мольбертом.

— Я долго думал над тем, каким должен быть цвет вашего туалета, — заметил Адриан, с едва скрываемой насмешкой наблюдая, как его натурщица располагается на кушетке.

Ли с досадой обнаружила, что на такой кушетке ее наряд выглядит еще более откровенным и легкомысленным.

— Вот так, — продолжал он, быстрыми и легкими движениями касаясь ее плеча, руки и колена. — Откиньтесь на спинку, поднимите ноги, слегка прогнитесь, но не слишком сильно... Отлично! — Адриан выпрямился, внимательно оглядел Ли, слегка приподнял ее юбку и кивнул. — Да, я не ошибся, выбрав белый цвет. Я опасался, что на его фоне ваша кожа будет выглядеть слишком бледной, но, как выяснилось, напрасно. Вы напоминаете совершенное, эфирное создание. — Он с величайшей осторожностью провел кончиками пальцев по подбородку Ли, словно боясь повредить его. — Зато я был уверен, что белый цвет будет особенно хорошо смотреться на фоне красного бархата и станет идеальным символом преобразования невесты в брачную ночь. Чистота уступает место страсти!

Он приспустил с плеча Ли узкую бретельку, склонил голову, оглядывая ее, и вновь одобритительно кивнул:

— Да, контраст поразительный, можно даже сказать... потрясающий.

Склонившись над Ли, он расстегнул несколько пуговиц на ее лифе — таким же уверенным и небрежным жестом, каким смахнул бы пылинку с собственного лацкана.

Ли старалась не думать о том, насколько обнажена ее грудь. Она зашла слишком далеко, чтобы отступить. И кроме того, ночная рубашка оставляла так мало простора воображению, что более возмутительное зрелище было трудно себе представить. Ли решила идти до конца, несмотря ни на что.

Нахмурившись, Адриан расстегнул еще одну пуговицу и улыбнулся с настораживающим удовольствием:

— Великолепно!

Затем он обошел вокруг кушетки, встал за спиной Ли, вынул из ее волос шпильки и распустил узел, старательно уложенный Бриджет час назад.

— Надеюсь, вы не против? — произнесен, когда возражать было уже поздно. — Ваша прическа не сочеталась с туалетом.

— Если уж я согласилась позировать в ночной рубашке, — сухо откликнулась Ли, — вряд ли я стану возражать против распущенных волос.

— И правильно сделаете.

Быстрыми движениями пальцев он распутал кудри и пряди и принялся с неистощимым терпением укладывать их на плечах Ли.

Одну прядь он положил ей на грудь. Судя по улыбке, это зрелище оставило у него самое благоприятное впечатление. Подумав, он расстегнул еще одну пуговицу, и Ли вздрогнула, ощутив прикосновение его пальцев к нежной коже груди.

— Да, великолепно...

— То же самое вы говорили минуту назад, — напомнила Ли, раздраженная прежде всего собственной безропотностью.

— А что я могу поделать, если вы отвергаете старую мудрость, утверждая, что совершенству есть предел? — Он вновь обошел вокруг кушетки, разглядывая Ли, словно ком глины, которому предстояло стать изваянием. Адриан уже давно оправился от первоначального потрясения. Теперь уверенности лишилась Ли.

Пока она переодевалась, Адриан успел снять сюртук, жилет и галстук, оставшись только в облегающих черных панталонах, сапогах и белой рубашке с расстегнутым воротом. У Ли возникло смутное ощущение, что, пока Адриан был застегнут на все пуговицы и выглядел истинным джентльменом, ей ничто не грозило. Вместе с тем ей понравился нынешний облик мужа. Казалось, он только теперь стал сам собой.

Адриан застыл, скрестив руки на груди и слегка прищурившись, словно ценитель, разглядывающий редкостный шедевр во всех подробностях. Завиток темных волос упал ему на лоб. Ли заметила на щеках и подбородке темную щетину. А улыбка на его мягких, чувственных губах привела ее в смятение.

— Поза идеальна, — наконец объявил он. — Теперь займемся выражением лица.

— Я должна улыбаться?

— Ни в коем случае! Улыбка свидетельствует о счастье и удовлетворении, а для этого пока слишком рано. Я хочу видеть на вашем лице предвкушение, томление, возбуждение. Церемония окончена, — продолжал он низким, вкрадчивым голосом, — вы остались одна в своей спальне и теперь ждете, когда придет муж. Вы присели на кушетку, перебирая в памяти события минувшего дня и размышляя о том, какие неизведанные наслаждения сулит вам предстоящая ночь.

Во рту у нее вдруг пересохло. Взгляд Адриана медленно блуждал по ее телу. Она пыталась устоять против его чар, закрыв глаза, но это не помогло: она по-прежнему чувствовала, что Адриан смотрит на нее, пробуждая непривычные ощущения.

— Вы с нетерпением ждете. Затем сбрасываете туфли. Ли широко открыла глаза, а Адриан снял с ее ног туфельки и бросил их на пол возле кушетки.

— Вы отпиваете глоток вина.

Неизвестно откуда он достал бокал вина, протянул его Ли и дождался, пока она сделает глоток. Вино избавило ее от сухости во рту, но вызвало головокружение.

— Вы дали волю своему воображению, зная, что вскоре руки и губы возлюбленного будут блуждать по вашему телу, касаясь тех мест, к которым до сих пор не притрагивался ни один мужчина.

Беспокойство в душе Ли усилилось. Адриан не прикасался к ней, только говорил о ласках, а ее сопротивление рушилось, как карточный домик. Промелькнувшее желание броситься прочь было быстро подавлено более мощным и первобытным стремлением остаться.

Она вдруг поняла, что жаждет его прикосновений, и Адриан откликнулся на ее призыв немедленно, словно прочел ее мысли.

— Вы запрокидываете голову, — продолжал он, скользя ладонью по ее шее, поглаживая щеку большим пальцем. Ли не протестовала — напротив, она слегка повернула голову, чтобы продлить ласку. — Вы слышите шаги за дверью и закрываете глаза. Ваше сердце лихорадочно колотится, мысли путаются. Вы думаете о том, что через несколько секунд он будет рядом...

«Да, — мысленно подтвердила Ли, — да, да!»

— Вы облизываете губы. — Она ощутила, как большой палец Адриана прошелся по ее нижней губе, оставив на ней привкус гвоздичного масла.

Затем палец заскользил в обратном направлении, проникая чуть глубже в рот. Язык Ли шевельнулся сам собой, слизывая ароматную жидкость...

— Вам жарко, — Адриан перешел на страстный, срывающийся шепот, бьющий по туго

натянутым нервам Ли, — вы словно в огне. Вы с нетерпением ждете его. Ваше прекрасное тело пылает... как огромный факел. Ожидание изводит вас... — Он провел смазанными маслом кончиками пальцев по ее лбу, прошелся по щеке и скользнул с подбородка на шею, к ключицам. Чуть помедлив, он дотронулся до груди Ли — сначала до одной, затем до другой. Его прикосновения казались Ли подобием раскаленного клейма, огонь внутри стремительно разгорался.

В этот миг она точно знала, чего хочет. Мысли о завтрашнем дне и о том, чем придется платить за сегодняшний, отступили на второй план. Ли жаждала продолжения немедленно и мечтала о том, чтобы происходящее никогда не кончалось.

Не задумываясь, она выгнула спину, потянувшись навстречу Адриану, словно к святому причастию.

— Наконец-то! — пробормотал мучительно прекрасный бог, нависающий над ней во тьме. — Я не ошибся насчет наряда. Он создан для вас, сотворен для того, чтобы ласкать ваши роскошные бедра, ноги и грудь. — Он говорил медленно, с расстановкой, касаясь каждого места, • которое называл. — Остался последний вопрос: кто снимет с вас рубашку — я или вы?

Ошибиться насчет намерений или страсти в темных глазах Адриана было невозможно. Эту минуту Ли представляла себе не меньше сотни раз и изобретала бесчисленные хитроумные способы выпутаться из щекотливого положения, не утратив достоинства и самоуважения. Но она оказалась не готова к бунту собственного тела, а также к тому, что невинность вдруг покажется ей тяжким бременем, от которого давно пора избавиться.

Она уставилась на мужа глазами, сияющими от вожделения, и произнесла:

— Думаю, уж если надо снять рубашку, то это должны сделать вы. Мое тело отказывается повиноваться мне.

Судя по всему, Адриан ждал совсем другого ответа.

— Вы уверены, Ли? — тихо спросил он, проводя ладонью по ее плечу и руке и раздувая в ней огонь желания. — Вы и вправду хотите этого?

В этот момент, изнывая от страстных и умелых ласк, Ли была уверена лишь в том, что жаждет его.

— Да, очень. — Только бы он перестал задавать вопросы и смотреть на нее, как на неразрешимую загадку! В конце концов, Ли не сомневалась в том, чего хочет сам Адриан. Почему бы ему просто не овладеть ею? — Я хочу знать, что будет дальше, — объяснила она, отгоняя мысли о завтрашнем дне и обо всем, что случилось за пределами студии. — Хочу знать, что происходит, когда нерасторопный муж наконец решает осчастливить жену своим присутствием.

Прекрасные губы Адриана медленно растянулись в понимающей улыбке. Все следы сомнений на его лице исчезли, пальцы нырнули под тонкую бретельку рубашки и спустили ее с плеча.

— Нерасторопный? Отнюдь! Скорее, предусмотрительный. Видите ли, он медлил, для того, чтобы усилить ваше предвкушение. — Кончик пальца беспечно проскользил по шее Ли и обвел грудь. — Второго столь же опытного любовника не найти. Он ждал, когда аппетитный плод созреет и упадет прямо к нему в руки.

— И он был прав. — Дыхание Ли стало прерывистым. Она не сводила глаз с гибких, ловких пальцев, расстегивающих последние пуговицы рубашки. — Он доволен тем, что увидел, открыв дверь?

— Он испытал невыразимое удовольствие! — Голос Адриана стал грубоватым, контрастируя с легкостью прикосновений пальцев, расправлявших с последней пуговицей. Грудь Ли быстро поднималась и опускалась, одеяние на ней разошлось, открывая пылкому взору изумительное видение. — По правде говоря, он лишился дара речи, не сделал даже попытки облечь свои чувства в слова, и потому дал волю рукам, губам и телу, чтобы убедить супругу в своей безграничной и безоговорочной преданности.

Договорив, он присел рядом с Ли на кушетку, придвинулся вплотную и завладел ее губами. Ли казалось, что он касается сразу всего ее тела. Она буквально тонула в волне тепла и неведомой прежде силы его ласк и чувствовала, как в нем пульсирует желание. Несмотря на неопытность, она сознавала, что влечение Адриана не уступает по силе ее собственному. А еще она понимала, что обратного пути нет.

Адриан провел ладонью по ее телу, пожирая его взглядом.

— Господи, как ты прекрасна! — пробормотал он. — Я думал, что сумею выдержать эту

пытку, но ошибся. Не могу дождаться, когда увижу тебя всю...

Трепещущими пальцами он спустил с ее груди прозрачное белое кружево, послушно заскользившее по бедрам и ногам Ли. Ее раздирало инстинктивное стремление прикрыться и ошеломляющее новое желание предстать перед Адрианом во всей красе. Она вдруг действительно почувствовала себя красавицей. Всесильной и обожаемой.

Адриан нетерпеливо отшвырнул в сторону рубашку, и Ли осталась в одних нелепых белых чулках до середины бедер. Но теперь они уже не казались ей нелепыми. Горящие глаза Адриана убедили ее в том, что он наслаждается зрелищем. И по каким-то необъяснимым причинам это польстило Ли.

Подперев голову ладонью, он продолжал рассматривать ее — уже гораздо спокойнее и медленнее, приглушив на время нетерпение, словно у него в запасе была вся жизнь, чтобы насладиться каждым дюймом ее тела и решить, как лучше завладеть им.

Только когда Ли уже казалось, что она умрет, не выдержав мучительного ожидания, Адриан свободной рукой подхватил ее отяжелевшую грудь и принялся водить большим пальцем по соску, превращая его в твердую бусинку. Внутри Ли волнами расходилось наслаждение.

Он повторил ту же сладостную пытку с другой грудью, а затем его ладонь заскользила ниже, по пологому холму живота и округлым бедрам.

Не выдержав, он со стоном приподнялся и начал нетерпеливо расстегивать свою белую рубашку.

— Я хочу чувствовать тебя всю, — объяснил он глухим хрипловатым голосом, в котором сквозило предвкушение, — хочу прикоснуться к тебе всем телом...

При этой мысли сердце Ли забилося еще быстрее и на миг остановилось, когда Адриан стащил рубашку и бросил ее на пол. Впервые Ли увидела его полуобнаженным и от неожиданности затаила дыхание. Одетый Адриан был совершенством, но Адриан с обнаженным торсом казался молодым богом. Его плечи и руки были гладкими и мускулистыми, смуглая кожа обтягивала упругие мышцы. Заходящее солнце щедро обливало его лучами.

Ли изнывала от желания прикоснуться к его груди, провести вдоль полоски темных волос, уходящей под пояс панталон.

— Смелее! — ободрил он, приближаясь.

— Но как вы догадались? — удивленно ахнула Ли. Адриан негромко рассмеялся:

— Я умею читать мысли. Прикоснись ко мне, Ли — я же знаю, как тебе этого хочется! — Взяв ее за запястья, он приложил ее ладони к собственной груди. — Коснись меня так, как я ласкал тебя.

Закрыв глаза. Ли последовала его совету. На ощупь тело Адриана оказалось горячим и твердым, а само ощущение — совершенно непривычным. Даже поверхность его кожи отличалась от ее собственной, была не шероховатой, но и не совсем гладкой. Она была твердой, упругой и восхитительно мужской.

Ли приблизила пальцы к темной полоске волос в середине груди. Не открывая глаз, она провела по ней ладонями и обнаружила, что эти волоски упруги, коротки и пружинисты.

Она чувствовала биение его сердца, отмечала ритм, в котором с каждым вдохом поднималась его грудь. Невольно она принялась подстраиваться к его убаюкивающему, ровному дыханию.

Постепенно осмелев, она принялась водить ладонями вверх и вниз по груди Адриана,

спускаясь каждый раз все ниже. Наконец она задела пальцами пояс панталон, услышала резкий вдох Адриана и почувствовала, как напряглись мышцы под ее ладонями.

Эти мышцы были изумительны. Как чудесны мужчины, думала она, охваченная непривычными приятными ощущениями.

Когда Ли наконец открыла глаза, то нетерпение на лице Адриана заставило ее задуматься: сколько же продолжались ее неспешные ласки? Казалось, больше он не в силах ждать ни секунды.

Ли попыталась убрать руки, но Адриан прижал их к себе и переплел пальцы с пальцами Ли, а затем, заставив ее поднять руки над головой, всем весом тела придавил ее к кушетке.

— А теперь решай, — прошептал он, едва дотрагиваясь до ее губ, — где мне запечатлеть первый поцелуй? Здесь? — Он на миг прильнул к ее губам. — Или здесь? — Губы проскользили по шее и остановились чуть выше груди. — Или...

Он медлил, а нетерпение Ли стремительно нарастало. Горячее дыхание обжигало ее кожу, от него соски вновь затвердели.

Заметив это, Адриан негромко рассмеялся:

— Или же где-нибудь еще?

— Можно, я выберу сама? — с трудом выговорила Ли.

— Разумеется.

— Тогда назови эти места.

— Им уже давным-давно даны названия, — объяснил Адриан со свойственным ему суховатым юмором. — Но я буду рад показать их тебе, если захочешь.

— Я не против. — И Ли выгнула шею, почувствовав прикосновение языка Адриана к нежной впадинке за ухом. — Да, это мне нравится!

— И мне тоже, — откликнулся он, не поднимая головы. — А вот это? — Он слегка прихватил зубами кожу между шеей и плечом, и вся грудь Ли покрылась мурашками наслаждения. — И так неплохо, — пробормотал он, не нуждаясь в ответе. — И вот так...

Он с силой впился в ее губы, лаская их губами, языком и зубами, пока Ли не задвигалась под ним. Адриан застонал, когда Ли обвела его язык своим, и сделал судорожный вдох, едва она попробовала просунуть язык поглубже, подражая его ритмичным ударам. Адриан поднял голову, лишь когда обоим уже не хватило воздуха.

Отпустив руки Ли, он принялся поглаживать ее ногу ниже колена, поднимаясь все выше, дразня кончиками пальцев чувствительную кожу внутренней поверхности бедра. Укромное местечко между ног Ли быстро наливалось жаром и влагой. Она пошевелила ногами, выгнула спину, но ничто не могло приглушить острой жажды, сосредоточенной в глубине ее лона.

Наклонив голову, Адриан обхватил губами ее сосок. Тело Ли пронзил блаженный трепет, но этого показалось ей слишком мало. Она и сама не знала, чего хочет, но понимала, что ей не терпится узнать, каким будет продолжение.

Она ахнула, почувствовав, что он просунул ладонь между ее ног, и попыталась удержать ее.

Чуть помедлив, Адриан вернул руку на прежнее место, истекающее соком.

На этот раз его прикосновение было решительным и уверенным. Ли чувствовала, как мужские пальцы раздвигают нежные складки, открывают их, обнаруживая новые точки жгучего наслаждения, каждый раз все более ошеломляющего. Эти ощущения радовали и пугали ее, доставляли одновременно удовольствие и боль.

Теперь Ли знала, чего хочет, — именно этого. Незачем думать о репутации или завтрашнем дне. Ей никто не нужен, кроме ее мужа, Адриана!

Он погрузил один палец поглубже, и Ли вздрогнула от незнакомого ощущения.

Адриан облизнул ее сосок, слегка сжал его зубами и что-то пробормотал хриплым голосом.

Сразу два пальца причинили ей легкую боль и вызвали ощущение наполненности. Желание с новой силой охватило ее, заставляя забыть о боли, отнимая всю энергию, повелевая утолить нестерпимую жажду, гнездящуюся глубоко внутри.

Застонав, Ли закрыла глаза и придвинулась ближе к Руке Адриана, инстинктивно чувствуя, что только от него в этот миг зависит ее наслаждение.

— Вот так, — одобрительно прошептал он, прикикая губами к ее шее и переворачивая ее на бок. Он прижался грудью к ее спине, обхватил рукой ее за талию и погрузил ладонь в горячую пещеру между ног. — Прижмись ко мне сильнее. Ты же знаешь, как... ты поняла, чего хочешь...

— Нет! — в отчаянии простонала Ли, ничего не понимая. — Не знаю!

— Знаешь, — возразил он, описывая внутри нее круги большим пальцем. — Твое тело знает. Впусти в себя мою руку. Почувствуй удовольствие, вот и все.

Продолжая говорить, он прижался к ней низом живота. Ли казалось, что она со всех сторон окружена его сильным телом. Твердое мужское достоинство ткнулось ей между ног, словно требуя впустить. Сквозь ткань панталон Ли ощущала пульсирующий жар желания, и ее нетерпение усилилось.

Время замерло. Мир вокруг застыл. Острое наслаждение охватило ее. Экстаз. Ли вскрикнула и заплакала, слезы бесшумно покатались по щекам. Это были слезы удивления, облегчения и безудержной радости.

Адриан почувствовал их вкус, когда перевернул Ли на спину и поцеловал ее в губы. Никакой другой женщине и в голову не пришло бы плакать в самый памятный момент жизни, подумалось ему.

Это была одна из его последних связных мыслей за последний час.

Он опасался, что долго не выдержит. Его страсть была так велика, что он боялся взорваться прежде, чем успеет доставить ей наслаждение и сиять чертовы панталоны. Но в этот миг он был готов рискнуть даже ценой собственного разочарования и унижения.

Ему не хотелось, чтобы первый взрыв страсти запомнился Ли только острой болью и пятнами крови. Она должна испытать трепет восторга прежде, чем подвергнется мужскому натиску.

Этот натиск обещал быть яростным и стремительным. Адриан предчувствовал это, широко раздвигая ноги Ли своими ногами и направляя трепещущее копьё в горячую влажную пещеру.

Прежнее игривое настроение их обоих улетучилось без следа.

Ли смотрела на него без улыбки, затуманенными страстью глазами.

Адриан с трудом сглотнул, понимая, что наверняка причинит ей боль, и сознавая, что остановить его сейчас способна лишь сама Ли.

— В первый раз это не так приятно... — предупредил он.

— Да, — отозвалась Ли.

Он вошел в нее одним мощным резким движением и почувствовал, как поддалась преграда где-то внутри. Но Ли не издала ни звука.

Вместо этого она вцепилась в его плечи. Закрыв глаза, Адриан заставил себя несколько секунд пролежать неподвижно, пока Ли привыкала к вторжению.

Медленно отстранившись, он велел себе продолжать так же неторопливо, пока это будет возможно. Ему пришлось стиснуть зубы. Долго он так не вытерпит. Ли доставляла ему ошеломляющее наслаждение. Еще никогда он не оказывался в более горячем, тугом и влажном лоне.

При втором ударе Ли согнула колени. Адриану показалось, что он возносится на небеса. Он думал, что умирает, но это не тревожило его.

Ему удалось сдерживать обещание на протяжении трех или четырех ударов. А потом он начал погружаться все глубже, заставляя ее еще шире раздвигать ноги, и наконец застонал от удовольствия и боли.

Задохнувшись, Адриан обхватил ее бедра и поднял их еще выше. С безумно колотящимся сердцем он отстранился, оглядел их сплетенные тела и поразился эротичности этого зрелища, но еще более — небывалому ощущению целостности и завершенности. Казалось, они остались вдвоем в центре вселенной, а их соитие было предначертано судьбой, на стороне которой оказались неведомые, но мощные силы.

Господи, он, должно быть, бредит. Так и есть, если он начал смешивать философию с плотской любовью. Очевидно, он и сам не сознавал, как сильно его влечет к Ли. Никогда еще он не чувствовал себя таким пылким... и живым.

Если бы не это бредовое состояние, он ни за что не сделал бы того, на что отважился в следующий миг, трюка, чего всеми способами избегал, предаваясь любви. Он взглянул в глаза Ли, и неприкрытая страсть в них сразила его наповал. Казалось, он заглянул ей прямо в душу, но еще тревожнее было то, что Ли наверняка видела его насквозь.

Это потрясение заставило Адриана забыть о запрете, который он никогда прежде не нарушал.

Уже переполненный, готовый перелиться через край и испытать блаженное удовлетворение, он в последнюю секунду сумел отстраниться и излиться вне ее тела.

Наконец-то! Он выдержал пытку.

Рассудок возвращался к нему постепенно, замедлялось дыхание, прояснялись мысли. Пылающий в жилах огонь угасал. Первой разумной мыслью Адриана стала мысль о победе.

Он выиграл! Соблазнил собственную жену, положил конец нелепым разговорам о разводе и доказал...

Нахмурившись, Адриан убрал прилипший к щеке длинный каштановый локон. Он доказал только то, что хотел доказать. Притом доказал блестяще, с гордостью признавал он. Ли сонно улыбалась, Адриан же был готов так лежать, не двигаясь, пожалуй, в течение нескольких недель, а может, и месяцев. Столько же времени понадобилось бы ему, чтобы осуществить самые смелые фантазии.

Боже милостивый, в нем вновь просыпалось желание! Почти сразу! И оно никак не вписывалось в тщательно продуманный план.

Адриан старался не замечать легких прикосновений ладоней Ли к его спине и ускоряющегося биения собственного сердца. Но тщетно. Он чувствовал, что вновь начинает твердеть, заметил удивление и удовольствие в глазах Ли и понял, что игра только начинается.

Еще никогда победа не казалась ему столь мимолетной.

А он-то надеялся, что победа поможет ему избавиться от вожделения, которое терзало

его с тех пор, как она появилась в этом доме! Он намеревался достойно завершить брачную церемонию, чтобы навсегда привязать Ли к себе, воздвигнуть преграду на пути любых других женщин, и вновь зажить по-прежнему. Но вместо этого он стал жертвой ее чар в ту минуту, когда она вышла из-за ширмы и заставила его застыть столбом.

Вот в чем все дело, уверял себя Адриан, обнимая Ли наперекор внутреннему голосу, который настоятельно советовал ему бежать прочь.

Он просто не мог расстаться с ней — по крайней мере пока. До тех пор, пока не убедится, что Ли способна нарушить любые, даже самые продуманные планы.

В желудке у Ли урчало от голода. И неудивительно, подумала она, прикрывая заспанные глаза, которые резал яркий утренний свет, заливавший скомканные простыни. Вчера вечером она пропустила ужин, а сегодня проспала завтрак.

Потянувшись, Ли поморщилась от боли в самых неожиданных местах. Но эта боль была приятна.

«Значит, вот что такое утро после брачной ночи...» — мысленно усмехнулась она, чувствуя себя проголодавшейся, измученной, одинокой. Однако она ни о чем не жалела — кроме, пожалуй, утреннего одиночества. Но что сделано, то сделано, жизнерадостно напомнила она себе, понимая, что прошлого не вернешь.

Минувшая ночь преподнесла ей немало чудесных сюрпризов, превосходящих блеклые романтические мечты. Эта ночь затмила все, о чем мечтала и что предвкушала Ли. Она могла бы приписать собственное изумление неопытности, но судя по всему, Адриан был не меньше ее ошеломлен внезапно вспыхнувшей страстью.

— Вот уж не думала, что это бывает именно так, — прошептала Ли ему после того, как он отнес ее в спальню, чтобы вновь предаться с ней любви.

Отдышавшись, Адриан крепко обнял ее, положил ее голову к себе на грудь и коснулся волос губами.

— Так никогда и не бывает.

«Никогда не бывает...» Так сказал мужчина, имеющий более чем внушительный опыт. И все-таки это случилось прошлой ночью с ними обоими. Ли была не так глупа, чтобы вообразить себя влюбленной в Адриана, и не так наивна, чтобы ожидать, что после ночи, проведенной в одной постели, он влюбится в нее.

По закону они считаются мужем и женой, прошлой ночью они испытали наслаждение, которое способны разделить лишь зрелые, искушенные люди. Ее муж хотел сохранить воспоминания о брачной ночи, и он добился своего.

Вздохнув, Ли поднесла к глазам левую руку и вгляделась в массивное кольцо с печаткой на третьем пальце, вспоминая о том, как впервые увидела его. Та давняя ночь навсегда преобразила ее жизнь, а только что минувшая сделала то же самое.

— Все началось с этого кольца, — пробормотала Ли, обводя пальцем золотой гравированный герб и чувствуя себя вдруг замужней дамой.

Пора подумать о том, как быть дальше. Со дня на день приедет Кристиана. По крайней мере хоть приезд сестры остается в силе. Ли не утратила решимости удачно выдать Кресси замуж. А что потом? Как повлияет эта ночь на их сделку? Что станет с бывшими заговорщиками, ныне любовниками, теперь, когда признание брака недействительным невозможно, а сам неожиданный брак оказался чересчур реальным?

К сожалению, найти достойные ответы на эти вопросы Ли не удалось. По-видимому, на

них не ответил даже Отщепенец лорд Рейвен, с усмешкой подумала она, — иначе сегодня утром она не проснулась бы одна в постели. Пресыщенный сластолюбец, никогда не теряющий рассудка и никому не отдающий сердце, способный уйти от любой женщины, ни разу не оглянувшись, на этот раз отнюдь — не удалился с достоинством. Он сбежал.

Но было уже слишком поздно. К худу или к добру, теперь они были соединены вечными узами и вместе должны были найти выход.

Разумеется, Ли понимала, чем выгоден для нее такой оборот дела. Подобного преимущества Адриан не имел. Ему никогда не приходилось считаться с обстоятельствами, приспособливаться или извлекать всю пользу из затруднительного положения.

До сих пор, но не сейчас.

Ему повезло — рядом оказалась она. Ли, способная помочь. Надо заставить его понять, что, несмотря на всю его убежденность, иметь любящую, добрую жену не самая страшная участь, какая только может постичь мужчину.

Перейдя из собственной спальни в спальню хозяина дома. Ли точно попала из дня в ночь. Запыленная мебель красного дерева придавала комнате мрачный и внушительный вид, в отделке преобладали цвета Рейвенов — темно-синий и старое золото. Плотно задернутые шторы не пропускали ни единого лучика света. Дождавшись, когда глаза привыкнут к темноте. Ли на цыпочках прошлась по комнате, с лукавой улыбкой представляя себе, как Адриан проснется и обнаружит ее в своей постели.

— Какого черта ты здесь делаешь? Грозный голос заставил Ли застыть на месте. Такого приема она не ожидала, и ей понадобилось собраться с силами, чтобы не броситься наутек.

— Я хотела сделать тебе сюрприз, — объяснила она.

— Ты уже добилась своего, — откликнулся Адриан, не открывая глаз и не поднимая головы с подушки. — А теперь будь добра уйти.

Ли не понравился его тон, а тем более то, что ее встретили, как незваного гостя — особенно в это утро.

— Почему? — возразила она.

Адриан открыл глаза и приподнял голову.

— Что значит — почему? Я приказываю вам уйти, а вы не двигаетесь с места, да еще задаете вопросы!

— Да. И незачем так возмущаться. Я здесь не служанка.

— Это уж точно. Слугам платят за то, чтобы они вели себя прилично.

— Что неприличного в том, если жене вдруг захотелось разделить ложе с мужем? — возразила Ли. — Особенно после того, как прошлой ночью он делил с ней ее собственную постель?

— Прошлая ночь кончилась. А это ложе я ни с кем не собираюсь делить. — Адриан зевнул с таким видом, словно разговор давно наскучил ему. — Ни сегодня, ни впрямь.

Ошеломленная его неприязнью, Ли с трудом поборола настойчивое желание повернуться, хлопнуть дверью и послать Адриана ко всем чертям.

— Но почему? — допытывалась она.

— Над ним висит проклятие, вот почему. — Адриан улегся на бок и подтянул одеяло повыше. — Так вы уберетесь отсюда или нет?

— Нет! — Ли скрестила руки на груди. — Какое проклятие?

Пробурчав что-то себе под нос, Адриан рывком откинул одеяло. На миг Ли сжалась, уверенная, что он собрался выставить ее силой, но он просто взбил подушки повыше и сел.

Он был совершенно раздет, заспанные глаза слезились, на щеках и подбородке проступила черная щетина, темные волосы растрепанны, на щеке осталась красная полоса — отпечаток складки на наволочке. Он выглядел ужасно. И вместе с тем неотразимо. К ужасу Ли, ее желание забраться к нему в постель лишь усилилось.

— Вы хотите узнать, что это за проклятие? Ладно, я расскажу... поскольку в противном случае вы вряд ли оставите меня в покое. В сущности, вам следует узнать правду. Может быть, тогда вы, образумитесь и перестанете досаждать мне. Вот это, — он обвел постель драматическим жестом руки, — восьмое чудо света, известное также под названием «брачное ложе Рейвенов». Мой отец фанатично гордился этой постелью. Он спал на ней с тех пор, как женился на моей матери, и до самой смерти. Всю жизнь мне твердили, что едва

я женюсь, это ложе станет моим, а до тех пор я не имею права спать на нем. — В голосе Адриана засквозили циничные нотки. — Но как обычно, я поступил по-своему. Я спал здесь на следующую ночь после смерти отца и с тех пор провел в этой комнате бесчисленное множество ночей.

— В память об отце? — неуверенно спросила Ли.

Рейвен рассмеялся:

— Нет, чтобы отомстить ему! — Ироничная улыбка подчеркнула горечь, проступившую в мелких морщинках вокруг глаз и рта. — Легенда гласит, — продолжал он, — что когда хозяин дома впервые ложится с женой в эту постель, он зачинает сына. Знаю, это звучит бессмысленно, но предсказание сбывалось на протяжении жизни шести поколений — так какой смысл спорить?

— Я бы не стала называть эту легенду проклятием, — заметила Ли, пораженная цинизмом Адриана. — По правде говоря, многие сочли бы ее благословением.

— Но только не я! — Это восклицание прозвучало, как удар хлыста. — Хотя я уже понял, что вы склонны впасть в заблуждение. В конце концов, большинство аристократов посвящают всю жизнь тому, чтобы обзавестись наследником мужского пола. А я поклялся, что не оставлю такового!

— Но зачем вам это понадобилось?

— Из чувства справедливости. Если я умру, не оставив сыновей, титул Рейвенов и их состояние перейдут к моему дальнему родственнику — Уилберу Милосердному. Достаточно сказать, что добропорядочный, набожный старина Уилбер олицетворяет все качества, которые презирал мой отец.

— Значит, таковы ваши представления о справедливости?

Адриан пожал плечами:

— В общем виде — да. Это отличный способ отомстить.

— Почему же вы так ненавидите своего отца? — Ли подступала ближе, пока пристальный взгляд Рейвена не заставил ее остановиться в нескольких шагах от постели.

— А почему вы решили, что я его ненавижу? — возразил Адриан, глядя на нее в упор. — Разве я не взял за образец его образ жизни? Я приумножаю свое состояние, добиваясь власти и влияния и делаю все, что захочу, не задумываясь о тех, кто меня окружает. — Он хищно улыбнулся. — И вы, мадам, живое доказательство моей преданности этой фамильной традиции.

Но Ли постаралась пропустить шпильку мимо ушей.

— Если вы надеялись задеть меня, вы просчитались. Мне слишком хорошо известно, что значит слепая, безумная ненависть к собственному отцу — человеку, которого следовало бы любить и дарить доверием. Но мне известно то, какую цену вы платите за эту ненависть и как она способна неминуемо погубить вашу жизнь. Уверена, чем бы ваш отец ни заслужил такую месть...

— Ошибаетесь. К своему отцу я не испытываю никаких чувств, кроме жгучего желания избавить его от потомков. Как видите, он выиграл только половину битвы. Он получил сына, о котором всегда мечтал. А я стал еще одним из отщепенцев лордов Рейвенов — последним из них.

— Значит, вы не шутите? — произнесла Ли тоном спокойного недоверия. — А я думала, ваши возмутительные пристрастия — не что иное, как нежелание брать на себя ответственность, но теперь понимаю, что дело не в этом. Так вот какова настоящая причина,

по которой вы столько лет избегали брака!

Адриан мрачно кивнул:

— Теперь вы понимаете, почему ваш маленький утренний сюрприз оказался неудачным и почему я никогда не позволю вам лечь в эту проклятую постель?

— Но... — Ли нахмурилась: у нее вдруг промелькнула пугающая мысль. — Зачем же вы вообще предавались любви со мной?

— Не прикидывайтесь простодушной.

— Нет, это вы не прикидывайтесь! — Равнодушие Адриана привело ее в ярость. — Пусть я выросла в глуши, но мне известно: ваше ложе не единственное место в мире, где можно зачать наследника!

— По-видимому, вы все-таки чересчур неопытны, — заметил Адриан, скривив губы. — Я сумел позаботиться о том, чтобы мое семя не попало в вас. По-латыни это называется «coitus interruptus». Если вы ничего не заметили, то я готов принять это за комплимент, поскольку в совершенстве овладел подобным приемом.

Ли покраснела от стыда и досады: «В совершенстве овладел подобным приемом!» Как просто он причислил ее к остальным самкам, которых бросал, едва получив удовольствие!

Ли знала, что Адриан решил соблазнить ее, притом по самым эгоистичным причинам, но глупо верила, что прошедшая ночь что-то изменила, что страсть преобразила и самого Адриана. В глубине ее души теплилась надежда на то, что теперь между ними все пойдет по-другому.

А вместо этого Адриан беспечно похвалялся тем, что просчитал каждый свой шаг — от начала до конца!

Казалось, он намеренно старался ранить и унижить ее, заставить понять, что минувшая ночь для него не имеет ни малейшего значения. И это ему удалось. Но Ли поклялась, что скорее сойдет живьем в ад, чем расплатится перед ним.

Она потрянула головой, чувствуя, как глупые, робкие мечты о вечном счастье сменяются глубокой, мучительной болью.

— Благодарю за преподанный урок, — произнесла она, радуясь тому, что голос почти не дрожит. — Вы наверняка продумали его еще вчера вечером. Продумали все, за исключением одной маленькой детали.

— Какой еще детали? — Снисходительный тон Адриана заставил Ли пожалеть о том, что под рукой нет тяжелой хрустальной вазы. Ей пришлось довольствоваться язвительной усмешкой.

— Признания брака недействительным, — пояснила она. — Для него больше нет никаких оснований. Возможно прошлой ночью вам и вправду удалось не зачать наследника, но зато вы наверняка приобрели жену. — Ее улыбка стала шире. — Как говорится, пока смерть не разлучит нас...

— Прекрасно! — Он поднялся с постели, нагой, величественный, и, ничуть не смущаясь, потянулся за панталонами.

Ли подозрительно наблюдала за ним.

— Что вы имеете в виду?

— То, что это прекрасно. Никакого развода не будет. Мы будем вместе, пока смерть не разлучит нас — разумеется, в переносном смысле.

— Почему же вы не сердитесь? — удивилась Ли.

— С какой стати я должен сердиться?

— Мы заключили сделку, — напомнила она, не понимая, в чем дело.

— У меня нет ни малейшего намерения отказываться от ее условий. При посторонних мы будем, продолжать разыгрывать влюбленную супружескую пару, пока от наших приторных нежностей не начнет тошнить весь Лондон. — Помедлив, он с ухмылкой добавил:

— А еще я позабочусь о том, чтобы ваша сестра вышла замуж за мужчину вашей мечты, даже если для этого мне придется устроить парад достойных холостяков.

— А потом? — Руки Ли, невольно сжались в кулаки.

Адриан пожал плечами:

— Потом вы вернетесь домой и будете писать о прекрасных принцессах и глупых, но благородных мужчинах, влюбленных в них. А я останусь здесь. Где, черт побери, моя рубашка?

Он направился к шкафу. Ли последовала за ним.

— Так что же вы предлагаете?

— Я ничего не предлагаю. — Зевнув, Адриан открыл дверцу шкафа и принялся рыться в стопке одинаковых белых батистовых рубашек. — Я просто вернулся к своим прежним планам.

— Но прежде мы договорились, что брак будет признан недействительным!

— Пощадите, Ли! — Выхватив из стопки рубашку, он захлопнул дверцу шкафа так резко, что Ли вздрогнула. — Об этом не могло быть и речи!

— Не понимаю, о чем вы говорите. Мы же заключили сделку!

Адриан пригвоздил ее к месту уничтожающим взглядом.

— Неужели вы и правда верили, что я соглашусь играть роль влюбленного мужа, а затем позволю вам объявить во всеуслышание, что мне так и не удалось уложить вас в постель? Даже у меня есть самолюбие.

Ли охватил гнев.

— Я верила тому, что вы умеете держать слово!

— А я дал слово, что соблазню вас, — напомнил он, просовывая руки в рукава рубашки, — и сдержал его. Незачем так ужасаться, герцогиня. Жизнь не волшебная сказка, а я не принц. Рано или поздно вы сами убедились бы в этом. Я всего лишь избавил вас от лишних трудов.

— Благодарю, но я предпочла бы подождать — хотя бы до тех пор, пока не представлю вам свою сестру.

О Господи! Кристиана! И без того взволнованную Ли охватила тревога. Ее грудь высоко вздымалась. Сумеет ли она собраться с силами и притвориться счастливой новобрачной хотя бы на одну минуту, не говоря уже о длительном присутствии Кристианы? При одной мысли о том, что ей придется улыбаться на многочисленных балах и приемах, стоя рядом с коварным мужем, по спине Ли пробежали мурашки. Этот человек не просто негодяй. Он... сам дьявол! Но если он уверен, что сумеет под ложным предлогом удерживать ее здесь, используя по своему усмотрению, лишая последней возможности когда-нибудь выйти замуж за порядочного человека, а потом отослать прочь...

Она похолодела.

Герцог намерен отослать ее из города! Значит, вот что он задумал с самого начала! Что ж, он нашел идеальный выход: отсутствующая жена — столь же надежная защита, как и мертвая.

Казалось, ее накрыла черная тень, вернувшись из давнего прошлого и заслонив робкие надежды на будущее. Объяснения Рейвена не оставляли сомнений. Он не нуждался в Ли, знать ее не желал.

По крайней мере так считал он сам.

Поистине нет лучше учителя, чем опыт. Это Ли усвоила слишком хорошо. Она точно знала, как приглушить сердечные муки, как черпать силу в боли, как сдерживать ее и давать ей выход только глубокой ночью, когда никого нет рядом.

— Мне хотелось бы знать; правильно ли я вас поняла, — произнесла она с надменной вежливостью. — Все будет продолжаться так, словно прошедшей ночи и не было?

Впервые за все время разговора Адриан помедлил с ответом.

— Как вам будет угодно. Лично я был бы не прочь время от времени делить с вами ложе — но только не это.

Ли пропустила последнее замечание мимо ушей.

— Кристиану примут здесь как желанную гостью?

— Конечно.

— И как только она выйдет замуж, мне придется покинуть Рейвен-Хаус и вернуться домой?

— Верно.

— Ну уж нет! — выпалила Ли. — Я никуда не уеду, ваша светлость. Я не собираюсь прозябать на краю земли, словно потрепанная вещь, которая уже отслужила свое. Никто — ни вы, ни сам король, ни другой человек — никто не вышлет меня отсюда!

— Боже милостивый, Ли, никто и не собирается никуда отсылать вас!

— Отлично! Значит; мы поняли друг друга. — И она повернулась, чтобы уйти.

— Вы просто отправитесь домой, как было условлено.

Обернувшись; Ли окинула его недоверчивым взглядом.

— Значит, условия нашей сделки имеют значение, если они служат вашим целям?

— Ладно, забудем про эту чертову сделку, — раздраженно буркнул Адриан, небрежно пригладив всклокоченные волосы. — Вы же сами говорили, что хотите уехать домой.

— Я передумала.

— Но я полагал, вы предпочитаете жить в Бэмборо, — настаивал он.

— И мне так казалось, — беспечно подтвердила Ли, — но, как выяснилось, мне пришлось по нраву столичная жизнь. За кого бы Крисси ни вышла замуж, она наверняка поселится не в Бэмборо, а в Лондоне. Живя здесь, я смогу чаще видеться с ней и ее детьми.

Адриан побледнел:

— С ее детьми? Неужели вы всерьез рассчитываете, что мы и впредь будем жить под одной крышей... до конца жизни?

— Конечно, нет! — заверила его Ли с вкрадчивой улыбкой. — Как только Крисси выйдет замуж, я переберусь в собственный дом.

— В Лондоне? — настороженно уточнил Адриан.

— Разумеется, в Лондоне. Насколько я помню, именно это вы мне и предлагали. Кажется, вы сами что-то говорили об уютном особнячке. Ему вовсе незначит быть большим, — поспешила добавить она. — Роскошь Рейвен-Хауса мне ни к чему. Меня вполне устроит небольшой дом где-нибудь в Мэйфере — разумеется, с каретником. И прелестным садом.

— Вы спятили! — Лицо Адриана уже не было бледным — оно приобрел

удовлетворивший Ли багровый оттенок. — Не могу же я относиться к жене, как к содержанке!

— Отчего же? Вы же сами не раз повторяли, что способны на все. И незачем так ужасаться, — упрекнула она, поддразнивая Адриана его собственными словами и направляясь к двери. — В конце концов вы добились своего.

— Что вы имеете в виду? — недоуменно спросил Адриан, шагая следом.

— Вы хитростью соблазнили собственную жену. — Ли остановилась и окинула мужа уничтожающим взглядом. — Полагаю, вся эта затея с портретом была уловкой? — Каменное молчание Адриана лишь подтвердило ее догадку. Она вздохнула. — Как я уже слышала, коварный ход и заблаговременная забота о последствиях ничего не значат.

Она взялась за медную дверную ручку.

— Ничего не значат? — эхом повторил Адриан. — Да в чем дело, черт побери?

— Именно в этом. Но если вы приняли меры, чтобы не зачать ребенка, так зачем же вам понадобилось соблазнять меня?

— Ради удовольствия, — пояснил Адриан, решительно взяв ее за руку. — И не пытайтесь отрицать, что вы его тоже получили.

— Зачем же? У меня остались весьма приятные воспоминания.

Лицо Рейвена исказилось от обиженной гримасы.

— Приятные?.. — рявкнул он.

— Весьма приятные. Правда, этого мне явно не хватит на всю оставшуюся жизнь.

Ли повернула дверную ручку, но Адриан схватил ее за запястье под шелковым рукавом пеньюара.

— Очень жаль, герцогиня, — потому что мне хватило одной ночи. Так и должно быть.

— Но почему? — Он стоял так близко, что Ли видела золотые искры в его синих глазах. — Почему вы так боитесь любви?

Адриан отдернул руку, точно обжегся:

— Я вовсе не боюсь любви, просто не верю в нее.

— Пощадите! — протянула Ли, поднимая глаза к небу. — Если хотите, обманывайте самого себя, но не меня!

Адриан хмыкнул так, словно Ли сказала глупость, но даже в полумраке она почувствовала его волнение.

— Какого черта мне лгать вам — особенно после того, что я наговорил сегодня утром?

— Потому что это проще для вас... — Ли открыла дверь и остановилась на пороге. — Однажды, когда мне пришлось несколько часов провести с маленьким сыном подружки, он упал и сильно разбил коленку. С плачем он прибежал ко мне, прикрывая рану ладошкой. По ноге струилась кровь, было сразу ясно, что рана довольно глубока, но мальчик ни за что не соглашался убрать руку и показать мне рану. Он боялся не только смотреть на нее, но и позволить мне прикоснуться — был уверен, что от этого станет больнее. Вы похожи на этого малыша, — продолжала она. — Сильно обожглись и убедили себя, что ожог будет меньше болеть, если не смотреть на него, вместо того чтобы залечить.

— В чем же состоит истина, Ли? — Его глаза опасно потемнели, предостерегая Ли, что она зашла слишком далеко. Она судорожно сжала пальцами дверную ручку.

— Пока не знаю. Но под пытками я призналась бы, что ваши раны как-то связаны с Шарлоттой Боннер. Сорвавшись с места, она захлопнула за собой дверь. Спустя секунду дверь хлопнула во второй раз, ударившись о стену. Ее распахнул Адриан.

Он застыл на пороге с видом человека, готового взорваться, и гневно уставился на нее:

— Уже второй раз вы произносите при мне имя этой женщины!

Он шагнул ближе. Ли не дрогнула.

— Вы уверены, что раскусили меня, не так ли? — вкрадчиво-зловещим тоном осведомился он. — По-вашему, все очень просто: Шарлотта разбила мне сердце, и я до сих пор зализываю раны?

— Не совсем так, — ответила Ли. — По правде говоря, я не вижу здесь ничего простого. С такой пуганицей я сталкиваюсь впервые в жизни.

— И хотите помочь мне, верно? — Не дожидаясь ответа, Адриан схватил Ли за руку и приблизил к себе. — Прошу, герцогиня, давайте осмотрим мои раны вдвоем. Ведь вы этого хотите? Ждете, чтобы я излил перед вами душу, позволил вам отнять ее у дьявола и превратить меня в достойную добычу?

Она покачала головой, пытаясь высвободиться, но Адриан не обращал внимания на эти слабые попытки.

— Я буду послушным мальчиком и покажу, где у меня болит. Тогда вы поцелуете шишку, и мне станет легче.

— Я ничем не могу помочь вам. Приглушить боль способны только вы сами.

— Нет, вы мне поможете, я знаю. Более того, мне известно, как вам не терпится оказать помощь. Вы солгали, уверяя, что вам чужда романтика. Только настоящий романтик поверил бы, что прекрасная принцесса способна влюбиться в человека с лицом, обезображенным шрамами.

Но Ли сдержала негодование.

— Мне известна разница между фантазией и реальностью.

— Надеюсь, вы заблуждаетесь. Если вы намерены действовать рассудительно, я обречен. Я рассчитывал, что вы призовете на помощь добрую фею-крестную или по крайней мере произнесете волшебное заклинание. По правде говоря, я жажду чуда, герцогиня.

— Отпустите меня!

— Нет. В чем дело, Ли? Вы передумали и уже не хотите помочь мне? Или вы считаете дело безнадежным?

— Я никогда не отказала бы в помощи тому, кто действительно в ней нуждается, но вы, судя по всему, не из их числа.

— Ошибаетесь! Я намерен рассказать вам то, о чем еще никому не говорил. Вы же не уйдете, не оставите меня истекать кровью — верно, герцогиня?

Перебрав возможные выходы, Ли так и не нашла среди них подходящего. Она не питала иллюзий, уверенная, что Адриан вступил в очередную игру, но если он впервые согласился завести такой разговор, пусть даже с корыстными целями, она готова выслушать его. И кроме того, кто знает, как Адриан воспримет ее отказ! Не хватало еще, чтобы Кристиана застала ее в состоянии открытой войны с молодым мужем!

— Если вы готовы к разговору, я, разумеется, выслушаю вас.

Он расплылся в притворной улыбке.

— Так я и думал. Кстати, для уточнения: Шарлотта не разбила мне сердце, а вырвала его из груди и растоптала.

Он резко разжал руки, удивленный собственным признанием. Казалось, желание излить душу для него в новинку и он не знает, как быть дальше.

Ли не удивилась, когда Адриан отошел в сторону, встал у камина и облокотился на

каминную доску. Он вновь стал прежним — высокомерным и неуязвимым, а Ли думала только о том, какой ценой ему удалось так долго сдерживать боль в глубине души.

— Видите ли, Шарлотта была не утонченной, а дьявольски расчетливой натурой. Она заплатила какому-то коновалу за то, чтобы он помог ей избавиться от моего неродившегося ребенка.

Ли содрогнулась и ахнула.

— Она сделала это вопреки вашей воле?

— Вопреки моей воле? — эхом повторил он. — Я не знал ровным счетом ничего! Неужели вы думаете, что я позволил бы ей такое, если бы узнал?

Ли покачала головой:

— Нет, не думаю. Не знаю, что и сказать. Теперь я понимаю, почему вам так ненавистно ее имя. Она проявила невыносимую жестокость. И на этой женщине вы хотели жениться?

— Я был готов жениться на ней, еще не подозревая, что она ждет ребенка. — Адриан сунул дрожащие руки в карманы. — Добавлю, что меня никогда бы не остановили недвусмысленные и весьма определенные желания отца.

— Значит, Шарлотта ему не нравилась?

— Не нравилась? — Адриан сардонически усмехнулся. — Он считал ее прожженной интриганкой, недостойной быть матерью его внука, и угрожал отречься от меня.

— И это вас не испугало? Должно быть, вы по-настоящему любили ее.

Адриан кивнул, и Ли вдруг ощутила укол ревности, хотя и понимала, что это нелепо.

— Я был еще слишком молод и неопытен. Я видел, как живут мой отец и его друзья, как они относятся к женам — женщинам, которых должны были любить, — и клялся, что ни за что не превращусь в подобного лицемера. Я мечтал совсем о другом. — Он слегка скривил губы. — Я жаждал всепоглощающей страсти.

— И вы нашли ее?

— Да, мне так казалось. Шарлотта мастерски создавала иллюзии. Она была старше меня, старше тех глупеньких вертихвосток, с которыми меня знакомили родители. Она была вдовой, зрелой женщиной, а когда дело доходило до страсти, точно знала, чего я хочу, и исполняла мои желания.

— Понимаю...

— Неужели? — Адриан с сомнением покачал головой. — Ради нее я был готов на все! — продолжал он срывающимся голосом. — Сражаться с драконами, воевать, ждать целую жизнь... — Он вдруг неприятно усмехнулся. — Тот день, когда я тщетно ждал ее у алтаря, показался мне вечностью. Как видите, я сказал правду.

— Она просто не явилась в церковь? И не прислала письма? Ничего не объяснила?

— Письмо в конце концов пришло — записка от моего отца, который звал меня к Шарлотте. Я бежал сломя голову, гадая, кто открыл отцу тайну, и недоумеваю, что ему понадобилось у Шарлотты. Зная характер отца, я был готов к тому, что он появится в церкви посреди церемонии и утащит меня прочь.

На мой стук в дверь никто не ответил, поэтому я поступил так, как поступил бы на моем месте любой человек. Я открыл дверь своим ключом, вошел в дом и прошел прямо в спальню... где в постели лежали мой отец и моя невеста.

У Ли подогнулись колени. Ничего подобного ей и в голову не приходило.

Его отец, родной отец! Каким ужасным, невыносимым ударом стало для Адриана это-

зрелище! Ли знала, как больно ранит неожиданное предательство. Даже теперь она чувствовала его запах и вкус, вспоминая, как в самые неожиданные моменты горечь вдруг подкатывала к горлу, мешая ей дышать.

Она давно поняла, что от боли и горечи можно избавиться только собственными усилиями. И все-таки ей хотелось обнять Адриана и попытаться утешить его.

— Адриан, мне очень жаль. Не представляю более страшного удара...

— Не представляете? — перебил он со смехом. — Меня ждал еще более сокрушительный удар!

Адриан замолчал, словно доставая воспоминания из дальнего тайника.

— Я упал на колени, — произнес он еле слышно. — Упал и начал умолять ее вернуться ко мне. В то время я думал, что у меня по-прежнему есть в запасе козырь — ребенок, о котором не знал никто, кроме нас. Ребенок в утробе этой женщины, лежавшей обнаженной в объятиях моего отца. Мой ребенок! Я мечтал о ней, мечтал о том, что у нас будет сын. «Ты должна выйти за меня замуж, — сказал я Шарлотте, убедившись, что все уговоры бесполезны, — ведь ты ждешь моего ребенка». А она...

Он потер лоб ладонью, лихорадочно блестя глазами.

— ...А она, глядя на меня, стоящего столбом в свадебном наряде, сказала, что ребенка не будет.

Он издал звук, напоминающий и смех, и рыдание. Так мог бы звать на помощь утопающий.

Желание обнять его стало непреодолимым, но Ли боялась подойти, боялась сказать что-нибудь не то, боялась обидеть его молчанием.

— В тот день, — продолжал Адриан — я стал достойным сыном своего отца. Мне понадобилось всего несколько бокалов крепкого вина, чтобы собраться с мыслями и понять: все, что ни делается, — к лучшему. Но отец добился своего. Он доказал мне, что Шарлотта не такая, какой казалась мне, и я не тот, каким хотел быть.

Он прервал слабое возражение Ли.

— Надо ли говорить, что я не посрамил предков? Я доказал отцу, что способен перепить, переиграть любого и перепробовать всех потаскух столицы. Я пообещал себе, что больше никогда и никому не позволю иметь надо мной такую власть. Никто и ни о чем не заставит меня умолять. Я поклялся, что буду мечтать о чем-либо только после того, как узнаю цену и решу, согласен ли ее заплатить.

— Адриан, я могу только догадываться, какую боль вы испытали... и каким беспомощным ощутили себя. Но я ума не приложу, почему Шарлотта решилась на такой шаг. Если она ждала вашего ребенка, а вы были готовы жениться на ней вопреки воле отца, почему же она...

— Боже милостивый, Ли, неужели вы еще наивнее, чем был я? Она сделала это потому, что была продажной, а я предложил не самую высокую цену. Ее перекупил мой отец.

Ли с сомнением покачала головой:

— Этого не может быть! Кажется, я понимаю, каким образом ваш отец заставил ее разорвать помолвку, но что касается остального... Не может быть, чтобы он заплатил ей за...

— Убийство моего ребенка? Его родного внука? Да, за это он и заплатил, — без обиняков объяснил Адриан. — Чтобы избавить меня от необходимости содержать ублюдков, когда я наконец образумлюсь и женюсь на женщине, способной произвести на свет

достойного наследника. Насколько мне известно, отец не поспешил. Хотите знать» как Шарлотта объяснила мне свой поступок? Она сказала, что сожалеет — всего-навсего сожалеет, словно речь шла о том, что она наступила мне на ногу в танце! — но не должна забывать о своих интересах. Жизнь коротка, добавила она, и обходится недешево.

— Господи, что же это за женщина...

— Что она за женщина? — хрипло перебил Адриан. — Такая, как все остальные женщины в мире, которые только и ждут мужчину, согласного заплатить их цену. Цена таких особ, как Шарлотта, измеряется фунтами и шиллингами, а женщин, подобных моей матери и другим женам, умеющим смотреть сквозь пальцы на проказы мужей, — титулами, положением и именьями. Таков был урок, преподанный мне отцом: у каждой женщины — своя цена.

Подойдя к Ли, Адриан взял ее за подбородок и пристально взглянул ей в глаза:

— И платить вашу цену я не согласен.

Адриан оторвал взгляд от бумаг, в которые смотрел уже целый час. Перед ним лежал составленный Сирилом Гейтсом список деталей, которые следовало согласовать, прежде чем приступить к окончательной отделке Дома птиц. Предприятие, которое некогда казалось таким многообещающим, теперь наводило на Адриана лишь скуку. Как, впрочем, и все, кроме Ли.

Отодвинув список, Адриан откинулся на спинку кресла. Через открытое окно доносился шорох земли под лопатой.

Что еще она вздумала посадить и где? Адриан недоумевал. Между фонтаном и новой живой изгородью не осталось места даже для крошечного цветка. Чуть приподнявшись, Адриан мог бы выглянуть в окно, но не удосужился. Сад представлял собой досадное напоминание о переменах, случившихся в его жизни. Пребывание Ли оставляло неизгладимый отпечаток на всем, что окружало Адриана, включая и его самого.

Услышав стук в дверь, Адриан бросил: «Входите!», не оборачиваясь.

— Ваша светлость, прибыл посыльный из Бэмборо. Он просит срочно принять его.

Это известие прервало размышления Адриана. Из Бэмборо он ждал только приезда назойливой и глупенькой свояченицы. Другой она и быть не могла, если позволила сентиментальной и романтической сестре заняться приготовлениями к самому важному событию своей жизни.

— Пришли его сюда, — велел он и вдруг уставился на слугу, стоящего на пороге:

— Фелс? — Он прищурился, разглядывая безукоризненного покроя сюртук и панталоны темно-синего цвета с золотой отделкой. Белые чулки и черные башмаки казались невероятно чистыми — подобную чистоту Адриан видел только в армии. — Что это на тебе?

— Герцогиня заказала новые ливреи для всей прислуги, — объяснил Фелс и с явной гордостью расправил плечи.

Адриан скривился:

— Не слишком ли роскошный наряд для конюха? Кстати, почему о прибытии посыльного докладываешь ты?

— Таковы мои новые обязанности, — ответил лакей.

— Новые обязанности? — В душе Адриана зашевелились подозрения. — А где Торн?

— На кухне.

— Что ему там понадобилось, черт побери?

— Он заменил Снейка, а тот — Мэннингтона, который теперь стал конюхом. А я, — заключил Фелс с грациозным поклоном, — новый дворецкий. К вашим услугам, ваша светлость.

— Будем считать, что мне повезло, — буркнул Адриан. — Чья же это затея?

Фелс озадаченно поднял брови:

— Разумеется, ваша, сэр. Герцогиня уверяла, что вы одобрили...

Адриан не дослушал — в этом не было необходимости. Если дворецкий занялся стряпней, повар — садоводством, а садовник — уходом за лошадьми, то в этом могла быть повинна только герцогиня. Адриан хотел было приказать слугам вернуться на прежние места, но подумав, решил не доставлять Ли удовольствия своим удивлением.

Он пережил предательство, штыковые ранения и кровопролитные сражения — с Божьей

помощью вытерпит и ее присутствие. Тем более что Ли не вечно жить в этом доме. Как только ее сестра выйдет замуж, он найдет способ убедить Ли уехать отсюда. И не просто переселиться в другой дом, где она стала бы для герцога вечным искушением, которому он был бы не в силах противиться...

Когда придет время, Адриан докажет Ли: ее место — в Бэмборо. А пока пусть переворачивает дом вверх дном, ставит статуи купидонов у него под окном и даже подает ужин на крыше, если пожелает. Пусть меняет обои и паркет. Но его самого она не изменит.

— Не стой столбом! — рывкнул Адриан на Фелса. — Если ты дворецкий, так будь любезен привести сюда посыльного.

Несколько секунд спустя в комнату торопливо вошел молодой слуга в запыленной дорожной одежде. Адриан узнал в нем одного из лакеев, посланных с экипажем. Прижимая шляпу к груди, лакей неуклюже поклонился.

— Ваша светлость, я привез для вас вести из Бэмборо.

— Неужели леди Кристиана задерживается?

— Не совсем так, сэр. Она вообще не приедет. Она сбежала.

— Сбежала?! — Адриан вскочил. — Боже милостивый! Ты уверен?

— Да, ваша светлость. Когда мы прибыли в Бэмборо, в доме творился переполох, но никто не объяснил нам, в чем дело. Должно быть, никто не подозревал, что молодая госпожа способна на такую выходку, и уж тем более ее домашние не хотели, чтобы посторонние узнали об этом.

— Откуда же тебе известно, что она сбежала?

— Куигли решил выяснить, что к чему, — объяснил лакей, имея в виду кучера и показывая синяк у себя на шее. — Он сам побеседовал с экономкой и когда намекнул, что ваша светлость наверняка обвинит в случившемся именно ее, она во всем призналась: девушка и ее возлюбленный ускользнули под покровом ночи. Несколько мужчин деревни отправились за беглецами в Гретна-Грин, но напрасно. Леди Кристиана оставила вот это. — Он вынул из-за ленты на шляпе свернутый листок бумаги. — Для герцогини.

Адриан взял поданное письмо и уставился на него.

Письмо было адресовано Ли, на печати значились инициалы К.С. — Кристиана Стреттон.

— Сбежала!.. — Он покачал головой, осознав всю трудность положения. — С кем?

— С неким Сент-Леджером, племянником соседа, — по словам местных жителей, неплохим малым. Говорят, он разводит овец.

Овец! Адриан фыркнул. Вот чем кончились затеянные Ли поиски состоятельного и достойного жениха для сестры! Теперь кому-то придется сообщить ей, что вся затея провалилась.

Он резко вскинул голову.

— А ты, случайно, не ошибся? Может быть, их еще удалось бы остановить?

Посыльный покачал головой:

— Никоим образом, сэр.

— Ясно. Хорошо, что ты поспешил сообщить мне эту новость. — Он похлопал слугу по плечу. — А теперь ступай подкрепись и хорошенько вымойся.

«А тем временем я, — мысленно добавил Адриан, — отмечу удачу хорошей сигарой».

Судя по всему, события развивались стремительнее, чем он рассчитывал. Теперь ничто не удержит Ли в столице. Обрезая кончик сигары, Адриан предположил, что Ли сразу

отправится домой, едва узнает последнюю новость. Не хватало еще, чтобы молодые супруги начали семейную жизнь самостоятельно, без помощи Ли выбирая постельное белье и не зная, с какой ноги вставать по утрам!

Идеальный выход! Мастерский удар! Он согласился играть в ее игру, даже следовать ее правилам — и победил. «Победитель получает все!» — вот его новый девиз.

Адриан чиркнул спичкой, размышляя, как воспримет новость Ли. По всей вероятности, она будет ошеломлена, безутешна и разъярена.

Внезапно промелькнувший перед его мысленным взором образ жены стал подобен удару стальным кулаком в живот. Потушив спичку, Адриан сунул незажженную сигару в ящик стола. Проклятие! Он до сих пор помнил, каким было выражение лица Ли сегодня утром. Она страдала. Он причинил ей боль — непреднамеренно, но иначе было нельзя. Этот исход Адриан считал неизбежным. И все-таки при виде слез в ее глазах у него разрывалось сердце.

Если бы хоть одна слеза скатилась по щеке Ли, он бы не выдержал, но Ли не позволила себе расплакаться. Она слишком горда и упряма. Адриан молился, чтобы та же железная воля помогла ей выдержать новое испытание. Сколько еще сокрушительных ударов она выдержит, прежде чем ее дух будет сломлен? Прежде чем она навсегда разучится улыбаться?

Письмо от Кристианы лежало на прежнем месте. Глядя на него, Адриан вдруг разозлился на эту безмозглую девчонку, которую он никогда не видел, неблагодарную дурочку, пренебрегающую чувствами сестры и жертвами, принесенными ради нее. Неужели ей все равно, что ради нее Ли отправилась в Лондон?

С чувством раскаяния он признал, что именно ради Кристианы Ли согласилась на его условия, была вынуждена играть незавидную роль жены убежденного холостяка. Сам Адриан уже не ощущал ни удовольствия, ни злорадства — только усталость и облегчение оттого, что вскоре все будет кончено. Для них обоих.

Единственное, что он хотел бы отдалить, — тот миг, когда придется сказать Ли правду, разбив вдребезги ее заветные мечты и надежды. Но на что она, черт возьми, рассчитывала?

Конечно, Ли стала бы возражать, но в конце концов ей пришлось бы признать свою ошибку. Даже глупец понял бы, что весь план — светский сезон в Лондоне, достойный жених, выводок отпрысков и счастливое будущее — был плодом чрезмерно богатого воображения Ли. То, что ее сестра сбежала с каким-то фермером, доказывало, что их интересы отнюдь не совпадали.

Именно Ли жаждала романа, венчания в великолепии цветов и принца с обещаниями вечного блаженства. Более того. Ли заслуживала такой участи. А теперь по вине Адриана она навсегда лишилась последней возможности.

— Может быть, поговорим?

Ли резко обернулась.

— Как вы напутали меня, Майкл!

Она стояла рядом с родственником в саду Тревор-Плейс, величественного кирпичного особняка, где провела детство. Возвращение в родной дом через десять лет произвело на Ли неожиданно сильное впечатление. Любопытство заставило ее принять приглашение тетки на чай. Но после утренней ссоры с Адрианом она чуть было не отказалась от визита. Ее убедил передумать Майкл, заехавший за ней в Рейвен-Хаус.

— Простите, — виновато произнес Майкл. — Просто я встревожился, увидев, что вы

выскользнули из дома, и решил проверить, все ли в порядке.

— Разумеется. — Ли попыталась улыбнуться.

— Охотно верю, но вы не ответили на мой вопрос. Нам надо поговорить.

— О чем?

— О том, почему сегодня утром вы так печальны.

Услышав эти слова, Ли вздохнула с облегчением. Поскольку Майкл сам заметил перемену, он избавил ее от необходимости возражать.

— Должно быть, визит в дом детства подействовал на меня угнетающе.

— Рискую вызвать ваше недовольство, я все-таки замечу, что вы грустите с самого утра, еще до приезда сюда.

— Вы слишком наблюдательны, — сухо отозвалась Ли.

— Только потому, что вы мне небезразличны, — объяснил Майкл. — Вы уверены, что во всем виновата здешняя обстановка?

Ли колебалась всего секунду. Вдали от Кристианы и подруг из Бэмборо она нуждалась в собеседнике, с которым могла бы говорить не таясь, а Майкл внушал ей доверие. Хотя они встречались лишь изредка, рядом с Майклом Ли чувствовала себя непринужденно.

— Нет, не только. Конечно, знакомая обстановка пробудила во мне воспоминания — и приятные, и тягостные, но это лишь воспоминания. — Она перевела взгляд на окно своей бывшей спальни. — Подобно детским игрушкам и урокам, моя привязанность к этому дому давно в прошлом.

— А в эту минуту вас тревожит будущее?

— Разве я сказала, что встревожена?

— Это ясно без слов.

Ли бросила на него печальный взгляд:

— Ив этом вы правы. Жаль, что я не отнеслась, к вашему первому предостережению более серьезно.

— В чем дело? — насторожился Майкл. — Неужели Рейвен...

Она покачала головой. Рейвен поступил правильно: он сразу дал ей понять, что воспринимает ее всего-навсего как удобную защиту. Ли было не в чем упрекнуть его — она с самого начала знала, какова репутация Адриана.

— Дело не в том, что он сделал, — объяснила она Майклу, — а в том, каков он сам. Вы правильно советовали мне быть настороже. Я уже имела случай убедиться, что Адриан слишком многое унаследовал от своего отца. — Она потупилась, глядя на плиты садовой дорожки под ногами. — И хотя мне стыдно в этом признаваться, я сама слишком похожа на свою мать.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сходство более чем очевидно, и я напрасно пыталась отрицать его.

Она опасливо оглянулась на застекленные двери гостиной, где собралось к чаю около дюжины гостей.

— Обстоятельства моего брака с Адрианом необычны... и весьма запутанны, — призналась она, — слишком запутанны, чтобы вдаваться в объяснения. Но можете поверить мне в одном: он умышленно ввел меня в заблуждение, как поступил его отец с моей матерью. Мужчины рода Рейвенов твердо убеждены, что женщины предназначены для одной-единственной цели. А я, к сожалению, унаследовала самые досадные слабости матери, — продолжала она со смешанным чувством гнева и горечи. Если бы не смятение,

она наверняка удержалась бы от откровений. — Несмотря на ваши предостережения и мои собственные благие намерения, я пала жертвой чар опытного и подлого человека, как и мама.

— Пойдите! — прервал ее Майкл, серебристые брови которого сошлись на переносице. — Вы считаете, что ваша мать была... — он густо покраснел, — ...жертвой? Это бессмысленно!

Ли возмутилась:

— Да как вы можете сомневаться? Она действительно стала жертвой моего отца, а также отца Адриана, Шеффилда и еще бог весть скольких мужчин!

— Придержите-ка язык, леди! Я не стану слушать, как вы наговариваете на собственную мать, невзирая на то что пострадали и вы, и ваша сестра. Если у Дейвы и были слабости, то в первую очередь — ее романтическая натура.

— Вы на редкость снисходительны, — сухо отозвалась Ли. — Но я слышала, как эту слабость называли иначе.

— Значит, вы прислушивались к словам врагов вашей матери, — возразил Майкл. — И в первую очередь — графини. — Он кивнул в сторону дома, где занимала гостей тетя Миллисент. — Она всегда завидовала Дейве, и не без причины. Ваша мать обладала всеми достоинствами, о каких Миллисент могла лишь мечтать. Дейва была прекрасна, чувственна и так жизнерадостна, что могла озарить целый день одним взглядом или словом... как и вы, дорогая Ли.

— Именно такой я и запомнила ее, — подтвердила Ли. — Но у нее было еще одно свойство — то самое, которое слишком уж привлекало внимание мужчин.

— Нет-нет! — Майкл решительно покачал головой. — Мужчины на самом деле увивались вокруг вашей матери, но она воспринимала их ухаживания совсем не так, как вам представляется. Мужчин влечет к таким женщинам, как Дейва, с тех пор, как Адам вкусил яблока, моя дорогая! Это самое естественное влечение на свете.

— Может быть. Но в ответ она...

— Она улыбалась, — перебил Майкл, губы которого тоже растянулись в улыбке. — Она сияла, искрилась, как драгоценный камень — она и вправду была редкостным сокровищем. И опять-таки это выглядело естественно. Я видел, как вы делали то же самое, когда мужчины ухаживали за вами и молили всякий вздор, пытаясь произвести на вас впечатление.

— Неправда!

Он рассмеялся:

— Поверьте, со стороны виднее. Это заметил не только я, но и ваш муж. Разве вы не видели, как он не находил себе места у стены бального зала всякий раз, когда вас приглашал на танец кто-нибудь другой? Откровенно говоря, его беспокойство вселило в меня надежду, что он не так плох, как мне казалось.

— Вы неверно истолковали его поведение, — мрачно пояснила Ли. — Если он и беспокоился, то отнюдь не из-за меня.

Майкл сочувственно усмехнулся:

— Бедное дитя, как много вам еще предстоит узнать! По крайней мере в этом вы отличаетесь от своей матери. Дейва прекрасно сознавала собственную власть и без стеснения пользовалась ею, чтобы добиться своего.

— Но она ничего не добилась, — возразила Ли. — В конце концов она стала отверженной.

— Отверженной? — Майкл поднял бровь. — Пожалуй можно сказать и так. Разумеется, ваш отец пришел в бешенство, застав ее с другим мужчиной. Он предложил ей расстаться, и она согласилась.

— У нее не было выбора.

— Нет, потому что таким было ее желание. Поверьте, одного приказа старого Олдвика было бы недостаточно, чтобы Дейва согласилась покинуть дом.

Ли окончательно растерялась. Она пыталась сопоставить слова Майкла с истинами, к которым привыкла за долгие годы.

— Но именно отец больше не желал видеть мать в своем доме. И нас тоже. Ее измены были непростительными. А кроме того, мать так и не смогла подарить ему сына.

Майкл возмутился:

— Кто наговорил вам все это?

Ли пожалла плечами. Кто мог сказать ей такое?

— Я сама пришла к такому заключению, собирая обрывки разговоров и воспоминаний. Кое-что объяснила мне мама, что-то я подслушала, узнала из перешептываний слуг... и из длинного разговора с тетей Миллисент в день отъезда.

— О, тогда мне все ясно! — Майкл пренебрежительно фыркнул. — В то время вы были еще ребенком, — напомнил он. — Вы ничего не понимали, вам было тоскливо оттого, что пришлось покинуть родной дом. Вы наверняка что-то перепутали или неверно истолковали.

— Но понять поступки отца было несложно! — с жаром возразила Ли. — Они сами говорили за себя, подтверждая, что отец не любил ни маму, ни нас.

Услышав неподдельную боль в голосе Ли, Майкл сочувственно нахмурился.

— Ошибаетесь. Я ничуть не оправдываю вашего отца, но уверен, что он любил вас и Кристиану. Просто ему было так проще избавиться от всех напоминаний о бурном скандале в свете.

— И вы надеетесь, что это заставит меня забыть о годах, проведенных в изгнании? Простить отца, который ни разу не навестил нас и не прислал письма?

— Ни в коем случае! — отозвался Майкл. — Но вы, Ли, уже доказали свою стойкость, пережив тяжкое испытание. А что касается матери... отчасти я согласен с вами. Ваш отец не мог дать ей любви, в которой она нуждалась. Подобная страсть была ему чужда.

— Так зачем же он женился на ней?

Майкл в раздумье пожал плечами:

— Он увидел ее, был ослеплен, подобно другим жертвам ее чар, и сделал предложение. Подозреваю, что было уже поздно, когда ваш отец понял, что ему досталось жаркое, неукротимое пламя. Но Рейвен — я имею в виду вашего свекра — сразу во всем разобрался. Пока он и ваша мать были вместе, он умело управлял любовным пожаром. Эти двое составили бы идеальную пару, но дело в том, что было уже поздно. К тому времени, как они познакомились, оба состояли в браке.

— Значит, мама стала игрушкой в руках Рейвена? — выпалила Ли, вложив в слова об отце Адриана всю ненависть к его сыну.

— Он любил ее, — возразил Майкл, — любил отчаянно и безнадежно.

— Почему же мама сбежала с другим мужчиной?

— Видите ли, Дейва мечтала о новой жизни, непохожей на лицемерное и легкомысленное существование, которое она вела здесь. — Его глаза затуманились. — Она мечтала забрать дочерей, уплыть с ними в Америку и начать все заново, мечтала о простой,

но счастливой жизни. Ради исполнения этой мечты она была готова на любые жертвы.

— А Рейвен — нет, — заключила Ли.

— Достаточно сказать, что он никогда не подчинялся велениям сердца и был достаточно умен, чтобы понять вашу мать и желать ей только добра.

— Ну уж нет! Зная сына Рейвена, я уверена, что его отец был способен заботиться только о собственных чувствах.

— Вы ошибаетесь, — тихо возразил Майкл.

— Почему вы так в этом уверены?

— Я знал Дейву. А кроме того, — добавил он, доставая изящную коробочку из кармана сюртука, — если бы Рейвен не любил ее и не заботился о ее благополучии, он никогда не сделал бы ей такой подарок.

Осторожно открыв черный бархатный футляр, он вынул из него нитку бриллиантов в платиновой оправе, в которой был подвешен рубин размером с яйцо малиновки в оправе из бриллиантов.

У Ли перехватило дыхание: она впервые видела такое простое и вместе с тем поразительной красоты украшение.

— Оно настоящее?

Майкл рассмеялся:

— Разумеется! Оно называется «Солнце и звезды». Карл Второй подарил его одному из предков вашего мужа — согласно легенде, в благодарность за неоценимые услуги. О том, что это были за услуги, нам остается только догадываться.

Но Ли почти не слушала его. Она благоговейно провела пальцем по бриллиантовому ожерелью. Это прикосновение вызвало в ней трепет, пробудило воспоминания о прошлом и о матери.

— Возьмите, — предложил Майкл. — Оно принадлежит вам.

— Мне? — изумилась Ли, отдергивая руку, словно боясь обжечься.

— На него не вправе претендовать никто, кроме вас. Это ожерелье в течение нескольких поколений хранилось в семье вашего мужа, а затем перешло к вашей матери.

Не в силах отвести глаз от сияющих камней, Ли спросила:

— Но каким же образом оно попало к вам?

— За несколько недель до смерти Дейва прислала его мне с письмом, в котором просила тайно передать его герцогу в собственные руки. В то время я подумал, что она всего лишь решила порвать с прошлым. — Он испустил тяжкий вздох раскаяния. — Но вскоре я понял, что ожидание сломило ее. Смирившись с обманом Шеффилда и с тем, что ее мечтам не суждено сбыться, Дейва не хотела, чтобы ожерелье попало в чужие руки, когда сама она... — Он осекся. — Если бы я знал!..

Он замолчал, а Ли робко погладила его по руке.

— Откуда вам было знать?

— Я пытался исполнить просьбу Дейвы и вернуть ожерелье Рейвену, но несколько недель не мог застать его дома. От других людей я узнал, что у него возникли серьезные разногласия с сыном... то есть вашим мужем, — добавил он с таким видом, словно нашел среди разрозненных кусочков мозаики тот, который подходил к рисунку. — Но я не знаю, что произошло между ними.

Ли молча кивнула: она-то все знала! Десять лет назад умерла ее мать, и в то же самое время Адриан застал отца в постели со своей невестой. Неудивительно, что Майклу не

удалось повидаться с герцогом. Старый Рейвен был занят: он приносил в жертву неродившегося внука и губил жизнь сына.

— После смерти Дейвы я решил не возвращать ожерелье герцогу. Я убеждал себя, что если бы Рейвен поступил иначе, Дейва была бы жива. Глупо, конечно... Ожерелье я спрятал в надежном месте, не зная, как с ним поступить. А потом я увидел вас, — с грустной улыбкой продолжал он, — принял вас за Дейву и в этот миг понял, что должен отдать «Солнце и звезды» законной владелице. Вашей матери не пришлось носить его, но говорят, что своей владелице оно приносит любовь и удачу. Пусть это предсказание сбудется, — прошептал он, вкладывая украшение в дрожащие руки Ли.

— Ли, где ты?

Услышав пронзительный голос тетки, Ли застонала и поспешно вытерла глаза, которые уже в сотый раз за день наполнились слезами.

Майкл быстро заслонил ее собой, пока девушка торопливо прятала футляр с ожерельем в свой ридикюль.

— Подождите немного, чтобы собраться с силами, — посоветовал Майкл. — А я пока отвлеку дракона.

Ли была только рада немного побыть одна, но не уверена, удастся ли ей взять себя в руки после всего, что услышала от Майкла. Вести принесли ей не только боль, но и облегчение. Если Майкл прав, значит, ее мать не была жертвой собственной страстной натуры, а просто совершила смелый, почти рискованный рывок к любви и счастью. И потерпела фиаско.

Ли задумчиво вздохнула. Оправдать и простить Дейву ей никак не удавалось — слишком уж много ни в чем не повинных людей пострадало из-за ее поступка. Но по крайней мере теперь Ли лучше понимала мать, и это принесло ей успокоение.

Наверное, она слишком похожа на мать, решила девушка, и эта мысль вдруг перестала тревожить ее. Адриан обвинил ее в излишнем романтизме. По словам Майкла, Дейва была неисправимым романтиком. Внезапно мать представилась Ли героиней одной из собственных сказок — Оливией. Прекрасной, упрямой, беспечной Оливией, готовой рисковать ради истинной любви.

Ли вдруг с душевным трепетом обнаружила, что это описание соответствует еще одному человеку. Адриан тоже был готов пойти на риск, бросить вызов отцу ради любимой женщины. Или скорее ради призрачной любви.

Странно было думать об Отщепенце лорде Рейвене как о неисправимом романтике. Должно быть, услышав подобное предположение о себе, он разразился бы хохотом. Но чем больше Ли размышляла, тем сильнее убеждалась, что у ее мужа и матери есть немало общего. Оба они любили пылко и безоглядно. Оба возлагали свои надежды на любовь.

Была у них и еще одна общая черта — Ли любила их обоих.

Осознание любви к Адриану нахлынуло на нее лавиной, поначалу вызвав потрясение, а затем чувство неизбежности и спокойствия. Она создана, чтобы любить его. Такова ее судьба. И подтверждение тому — все прихотливые повороты и изгибы их жизненных дорог, которые в конце концов пересеклись. Ли слишком долго скрывала истину от самой себя. А теперь стена, возведенная в целях самозащиты, рухнула, и все чувства и желания вырвались наружу.

Впервые с тех пор, как сегодня утром Адриан покинул ее спальню, Ли позволила себе всерьез задуматься об утреннем разговоре. Ее вдруг осенило: он не подпускал ее к

собственному сердцу потому, что был слишком раним. Вот почему он никому не доверял, никого не любил и никому не позволял любить себя.

В душе Ли затеплилась надежда. Ей не удалось спасти мать, но она твердо вознамерилась спасти Адриана от самого себя — не важно, понравится это ему или нет.

— Ли, дорогая, где же ты пропадала? Надеюсь, ты не собиралась уйти не попрощавшись? — осведомилась тетка.

Именно об этом и подумывала Ли, в поисках Майкла направляясь из сада в парадный холл дома.

— Право, сегодня мы даже не успели перемолвиться и парой слов, — продолжала графиня.

— Простите, тетя Миллисент, — произнесла Ли, отыскивая Майкла взглядом, — но...

— Незачем извиняться. — Крепко взяв Ли за руку, тетка повела ее в гостиную. — Теперь, когда все гости разошлись, мы наконец сможем мило побеседовать. Еще чаю?

Ли почувствовала себя в ловушке. Ей не хотелось ни чаю, ни нелепых крохотных сэндвичей, ни шоколадного печенья и уж тем более общения с теткой. В этот момент она мечтала лишь об одном — поскорее встретиться с Адрианом.

— По правде говоря, — произнесла она, сопротивляясь попыткам тетки усадить ее в кресло, — мне уже пора...

— Ни в коем случае! — воскликнула графиня и тут же попыталась смягчить резкий возглас жеманной улыбкой. — Дорогая моя герцогиня, я не могла дожидаться минуты, когда мы сможем побеседовать с глазу на глаз, и вот наконец нам представилась такая возможность.

— Пожалуй, в другой раз. У меня вдруг разболелась голова. — Ли почти не лгала. Ей и вправду грозила головная боль после тет-а-тет с женщиной, — показавшейся ей вдруг скорее осьминогом, нежели драконом.

— Какой ужас! Ты непременно должна прилечь. Сейчас я позвоню...

Ли схватила колокольчик, стоявший на столе.

— Прошу вас, не надо! Пока боль еще не так сильна. Просто я хочу поскорее вернуться домой, пока мне не стало хуже.

— Ну, — отозвалась тетка, — тебе все же придется выслушать меня, пока не вернулся Майкл.

— Что вы хотите мне сказать? — насторожилась Ли. Тетка поправила белую кружевную отделку чепца и судорожно сжала руки.

— У меня есть к тебе одна просьба: убеди мужа .принять предложение твоего дяди. Граф задумал одно выгодное дело, и он...

— Сожалею, тетя, но я не вмешиваюсь в дела мужа и вам советую последовать моему примеру. А теперь, если вы не против...

— Мы погибли! Разорены!.. — без обиняков объявила тетка.

Ли уставилась на нее, уверенная, что ослышалась.

— Я знала, что это тебя удивит.

— Но как это случилось? — удивленно спросила Ли. — Поместья Олдвиков так обширны...

— В том-то и дело. Они не только обширны, но и запущены и требуют непомерных расходов. На одно содержание поместий ушло все наше состояние — до последнего

пенни. — Оглядевшись, тетка перешла на шепот: — Нам грозит нищета, понимаешь?

— Но насколько я помню, прежде управление поместьями не составляло труда. Тем более что доходы, приносимые имениями...

— Доходы! — Тетка презрительно фыркнула. — С каждым годом они сокращались. После отъезда твоей матери твой отец утратил всякий интерес к делам и перестал следить за своим состоянием. Господь свидетель, твой дядя пытался поправить положение, но он лишен таланта делать деньги из воздуха, как некоторые. — Миллисент вздохнула. — Его единственным предприятием, которое принесло хоть какую-то прибыль, был контракт на строительство судов, заключенный с Рейвеном. Именно поэтому твой дядя и решил возобновить сотрудничество с ним. Дело наверняка окажется прибыльным, если ты сумеешь убедить герцога изменить свое решение.

— Значит, он уже отказал дяде? — спросила Ли, удивленная подобной откровенностью.

Графиня пренебрежительно махнула рукой:

— Это еще ничего не значит. Если ты уговоришь его...

— Я уже сказала, что не вмешиваюсь в дела мужа.

— А как насчет дел ближайших родственников? — Тетка пригвоздила ее к месту укоризненным взглядом. — В них вы тоже не вмешиваетесь, ваша светлость?

Ли отвернулась с недоверчивым смешком — так странно ей было слышать, что именно тетя Миллисент упрекает ее в предательстве интересов родных. Это обвинение поразило своей нелепостью.

— Разумеется, при твоём нынешнем положении тебе не о чем беспокоиться, — продолжала графиня, — но подумай о сестре!

Ли быстро обернулась к ней:

— Наследство Кристианы никоим образом не связано с фамильными поместьями.

— Конечно, — подтвердила тетка, — но представь себе, какой скандал может разразиться, если мы не предпримем самых решительных мер... И как можно скорее!

Ли пожала плечами:

— Едва ли финансовые затруднения родственников, с которыми Кристиана не виделась десять лет, повлияют на её будущее, особенно теперь, когда она вправе рассчитывать на поддержку герцога Рейвена.

Тетка вздрогнула, словно слова Ли обожгли ее:

— Может, ты и права. Но у моей Дженни нет таких преимуществ.

— Судьба Дженни не моя забота! — Ли ощутила укол совести, который постаралась скрыть от тетки взглядом, достойным герцогини.

— Ушам своим не верю! — воскликнула графиня, касаясь руки Ли и впиваясь в неё пристальным взглядом заплывших глазок. — Ты же никогда не была эгоистичной и злопамятной!

— Эгоистичной? — переспросила Ли. — Злопамятной? И вы осмеливаетесь обвинять меня после того, что нам с сестрой пришлось терпеть все эти годы по вашей вине? Вы смеете просить меня об одолжении после того, как отвечали отказом на каждую просьбу, не позволяли навестить вас и лишали даже слов ободрения? Нет, эгоизм и злопамятность тут ни при чем, — заявила она, не давая себя перебить, — все дело в...

Последнее слово застряло у нее в горле.

Справедливость! Справедливость в понимании Адриана, готового унижить и невинного, и виновного, оставляя за собой выжженную, безжизненную пустыню.

Ей не терпелось броситься домой, к Адриану, чтобы пробудить в нем остатки чувств, исцелить глубокую, саднящую рану, которую невольно разбередила сегодня утром. Но как она могла помочь ему справиться с прошлым, если сама не хотела забывать о былых обидах?

Воспользовавшись ее замешательством, тетка возобновила мольбы, не понимая, что зря теряет время. Никакими доводами и уговорами нельзя было склонить Ли к согласию. Времена ее беспомощности миновали. Она имела полное право сама принять решение: или покончить с прошлым, или сохранить его в душе навсегда. Точно так же ей самой вскоре придется решать, как быть — остаться в Лондоне или вернуться в пустой дом в Бэмборо, быть женой Адриана или спрятаться в собственную раковину.

— Я ничего не могу обещать, — произнесла она, прервав графиню на полуслове, — кроме одного: я попытаюсь замолвить за дядю словечко в разговоре с Рейвеном.

Что-то изменилось — Адриан почувствовал это, едва захлопнув парадную дверь. Застыв, он прислушался, а затем оглядел мраморный холл Рейвен-Хауса. Все вещи стояли на своих местах, только в холле стало светлее. Адриан впервые заметил, что на хрустальной люстре так много подвесок, сияющих, точно грозди бриллиантов.

Что-то не просто изменилось, а исчезло. Вот в чем дело — чего-то в доме не доставало! Адриан осмотрелся внимательнее и наконец с радостью осознал, чего не хватает: пыли. Ее не оказалось нигде, ни на полу, ни на мебели, ни на стеклянных абажурах. Прежде они казались тусклыми, а теперь сияли. Исчезла тонкая серая пелена, приглушавшая цвета.

Принюхавшись, Адриан понял, что в доме господствует совершенно новый аромат. Как же вести себя с женой, способной преобразить вокруг себя даже воздух? Адрианом постепенно овладело раздражение.

Лимоном — вот чем пахнет в доме, наконец понял он и решил, что этот запах удачно сочетается с блеском отполированных ореховых перил резной лестницы. Сквозь запах лимона пробивались другие ароматы, острые и приятные. Рот Адриана наполнился слюной. Судя по всему, сегодня на ужин подадут вовсе не баранину, а по всем расчетам следовало ожидать именно ее. Что здесь происходит, черт возьми?

Открыв рот, чтобы позвать Торна, Адриан вдруг вспомнил, что Торн теперь приставлен к кухне, а лакеем — или, вернее, дворецким, — стал старший конюх. Но позвать Фелса Адриан не успел.

— Слушаю, ваша светлость, — послышался голос слуги.

Адриан вздрогнул:

— Откуда ты взялся?

— Оттуда, сэр. — Фелс указал на каморку под лестницей. — Я услышал, как открылась дверь, и подошел поближе, ожидая, когда вы позовете меня.

— Но я тебя не звал!

— Я предугадал ваше желание, ваша светлость.

— Ошибаешься, — отрезал Адриан, — ты всего лишь напугал меня! Когда понадобится, я позову. — «Торн никогда не являлся по собственной воле!» — мысленно добавил он, вдруг затосковав по старым порядкам и старому слуге.

Фелс поклонился.

— Как вам угодно, сэр. Хотя проще всего позвать слугу, позвонив в колокольчик, — Он указал на витой шнур, болтающийся у соседней стены.

— Ты прав, беда лишь в том, что половина колокольчиков в доме не звонит.

— Теперь они исправны, ваша светлость.

Адриан чертыхнулся:

— Весьма похвально. Герцогиня уже, дома?

— Да, сэр. Она у себя. Она просила вас зайти, как только вы вернетесь.

Адриан посмотрел туда, где широкая витая лестница уходила на второй этаж. Вспомнив о предыдущем разговоре, он предпочел бы встретиться на общей территории.

— Передай герцогине, что я приглашаю ее поужинать со мной, — приказал он.

— Мадам уже велела подать ужин в ее спальню, — известил Фелс.

Значит, она до сих пор дуется, решил Адриан.

— Ужин на двоих, — добавил слуга. А может, вовсе не дуется? Меньше всего на свете Адриан сегодня вечером ждал приглашения в спальню Ли, а тем более на ужин для двоих. Что, черт возьми, задумала эта женщина?

Едва войдя в спальню жены, Адриай понял, что их здесь трое — он, герцогиня и ложе. Кружевное покрывало царило не только в комнате, но и в мыслях Адриана, и чем дольше он думал о нем, тем больше убеждался, что их в комнате трое — если не считать туалета Ли.

Совсем не предназначенный для раннего вечера, этот пеньюар с глубоким вырезом был прозрачен, облегающ и казался живым существом. Он выглядел то совершенно бесцветным, то переливался всеми цветами радуги, лаская тело Ли и доводя Адриана до помешательства.

Ярко пылающие свечи только осложняли положение. Они были десятками расставлены по всей комнате. Их отблеск играл на плечах и груди Ли, невольно наводя на мысли о спелом, сочном персике, который так и просится в рот. Адриан поперхнулся слюной, но виной тому были вовсе не ароматы из-под серебряных крышек на блюдах.

Следовало признать, что Ли предприняла на редкость продуманный ответный ход. Но что это было — насмешка или приглашение? Не важно, твердо ответил себе Адриан. Какими бы ни были мотивы супруги, вечеру не суждено остаться спокойным. Как только Ли услышит неприятное известие, от ее благодушия не останется и следа.

— Что это? — осведомился Адриан, поднимая одну из крышек и обнаруживая под ней сочный ростбиф, свежую спаржу со сливочным соусом и молодой картофель, посыпанный мелко нарезанной петрушкой. Жаль, что сегодня ему придется обойтись без ужина...

— Ужин, — объяснила Ли, снимая крышку со второго блюда. — А вот и закуски: русская икра, испанские маслины и восхитительные болонские колбаски. — Взяв одну колбаску с блюда, она поднесла ее к губам Адриана. — Хотите, я покормлю вас?

Адриан почувствовал, как на лбу у него проступает испарина. Его терзал не только голод. Покачав головой, он вынул из кармана письмо Кристианы, чтобы не забыть о цели своего визита.

— С этим можно подождать, — ответил он неубедительным тоном.

Ли понимающе улыбнулась:

— Выпейте хотя бы вина. — Она наполнила бокал и протянула его Адриану. — Кажется, это ваше любимое.

Адриан глотнул роскошной рубиновой жидкости и кивнул.

— Сегодня вечером я отпустила слуг, чтобы самой прислуживать вам, — объяснила Ли. — Надеюсь, вы не против?

Кто бы стал возражать, увидев ее в этом пеньюаре! Да еще рядом с манящей постелью! И при этом смакуя излюбленное вино и острые колбаски, поданные длинными гибкими пальцами Ли!

— Ничуть, — сдержанно ответил Адриан. — Но неужели все это приготовил Торн? Ли кивнула.

— Еще неделю назад я выяснила, что он готовит лучше, чем Снейк, а сегодня он удивил даже меня.

— А я-то думал, что мне до конца жизни придется два раза в неделю давиться жареной бараниной!

— И в этом были бы виноваты только вы сами, — упрекнула Ли так, словно произнесла комплимент. — Вам следовало всего лишь повнимательнее осмотреться.

— А если прежние порядки в доме были мне по вкусу? Вы когда-нибудь задумывались об этом?

— Нет, — ответила Ли. — Но если так, я немедленно прикажу принести вам тарелку баранины.

И она потянулась к колокольчику, но Адриан перехватил ее руку.

— Это ни к чему.

Нелепо отстаивать свои принципы, не зная, когда в следующий раз тебе доведется сытно поужинать. Адриану вдруг пришло в голову, что на полный желудок Ли не так болезненно воспримет известие о бегстве сестры. Не пытаясь высвободить руку, Ли рассмеялась:

— Признайтесь, Адриан — вам нравятся перемены!

— Если я признаюсь, что содержимое этих блюд мне нравится больше, чем баранина, этого будет достаточно?

— Нет! — Улыбка Ли стала обольстительной. — Значит, больше вы ничего не заметили, ваша светлость?

Адриан покачал головой, с готовностью заглатывая приманку и теряясь под взглядом таинственных зеленых глаз Ли.

— Вот это мне тоже нравится, — сообщил он, проводя ладонями по прозрачным рукавам ее пеньюара. — И вот это. — Он коснулся кончиком пальца ее шеи, спустился вниз по ней до ямочки возле ключиц и плавной округлости груди. — А еще вот это...

Продолжая бормотать, он поднял и другую руку и краем глаза заметил, что по-прежнему держит в ней письмо от Кристианы.

— Черт! — выпалил он и застыл.

— Что такое? Что-нибудь случилось?

— Нет, то есть да. — Опустив руки, Адриан попятился. — Нам надо поговорить, и откладывать этот разговор не имеет смысла.

— О чем? — настороженно осведомилась Ли. Адриан скомкал письмо, ненавидя себя за то, что ему придется причинить Ли боль. Глядя ей в глаза, он произнес:

— Сегодня утром прибыл посыльный... из Бэмборо.

Ли просияла:

— С новостями от Кристианы? Вам известно, когда она приедет? — Заметив мрачное выражение на его лице, она ахнула. — Господи, неужели с ней что-то случилось?

— Нет, с ней — ничего, — заверил Адриан и заметил, что Ли мгновенно успокоилась, поверив ему. — Просто она... — Он стиснул в кулаке проклятое письмо, мечтая уничтожить его так, как вскоре будут уничтожены надежды Ли. — Она задерживается, — неожиданно для себя произнес он. Проклятие! Разговор грозил затянуться.

— Задерживается? Надолго? — Между бровями Ли залегла знакомая морщинка, и Адриан поспешил внести поправку:

— Нет, ненадолго, я в этом уверен. Ее задержали дожди. В такое время года погода непредсказуема. Так мы будем ужинать?

— Как прошел день? — спросила Ли во время ужина, который явился воплощением мечты гурмана.

— Скучно, — отделался — Адриан уклончивым ответом, чтобы отомстить Ли за неизведанные чувства и непривычную слабость. Заявив о том, что Кристиану задержала в

пути погода, он лишь ненадолго отдалил неизбежное.

Отправив в рот еще один сочный кусок ростбифа, он принялся молча пережевывать его.

— А как продвигается устройство Дома птиц?

— Быстро. — Ли выжидательно молчала, надеясь на продолжение. «Прекрасно, — решил Адриан, — если она ждет подробностей — будут ей подробности». — Галерея Колина идеально подошла для моего замысла. Конечно, «клетки» пришлось отделать заново, притом весьма роскошно. — Он взглянул на Ли в упор. — Осталось только нанять дам, чтобы заполнить эти клетки.

Ли покачала головой:

— Пожалуй, мне не стоило расспрашивать об этом. Еще вина?

Адриан протянул ей свой бокал и, пока Ли наполняла его, решил, что время от времени можно ужинать и без помощи слуг.

— А теперь расскажите, как прошел ваш день, — попросил он из чистейшей учтивости. — Кажется, вы были приглашены на чай к тетушке?

— Да, и это событие тоже не назовешь веселым или забавным. Особенно само чаепитие. Вообразите себе десяток скучающих гостей, которым время от времени приходилось будить друг друга.

Адриан не выдержал и рассмеялся:

— Удачное выражение, притом применимое не только к званым чаепитиям. Мне случалось бывать на заседаниях палаты лордов, которые полностью соответствовали этому описанию.

— Правда? — с притворным удивлением переспросила Ли. — А мне палата лордов представлялась святилищем, где благородные мужи обсуждают дела величайшей важности...

Адриан усмехнулся:

— Как бы не так! Когда-нибудь я возьму вас с собой, посажу на галерею, и вы сами убедитесь... — Он осекся и уставился в тарелку. — Конечно, если вы задержитесь в городе.

— Ну разумеется, — откликнулась Ли с тонкой улыбкой. Эта улыбка совсем не понравилась Адриану, и он тут же вознамерился навсегда отучить Ли от подобных гримас. — А еще сегодня днем у меня состоялся весьма любопытный разговор с Майклом Холтом.

— Опять? Похоже, в последнее время вы встречаетесь с ним не реже, чем с Уиллом и Колином. — Адриан принялся старательно жевать очередной кусок мяса. — Что же любопытного он вам сообщил?

— Мы беседовали о моей матери, — объяснила Ли. — Я уже упоминала, что Майкл дружил с ней.

— Да, и похоже, с вами он намерен начать с того же, на чем остановился с вашей матерью.

— Он очень добр ко мне, — возразила Ли и вдруг нахмурилась: — Что это с вами?

— А в чем дело?

— Вы сердитесь.

— Ничуть. Я в восторге оттого, что моя жена так быстро обзавелась друзьями, преимущественно мужчинами.

Ли медленно расплылась в улыбке.

— Чтобы утешить вас, могу сообщить, что еще я беседовала с леди Уильяме, моей кузиной Дженни и тетей Миллисент. Кстати, совсем забыла: я хотела бы попросить вас об

одном одолжении, притом значительном.

— Смелее! — подбодрил Адриан, сопроводив этот возглас самым недовольным из своих взглядов — жалкой попыткой скрыть от Ли свое истинное настроение. Сегодня он был не в силах отказать ей ни в чем.

— Кажется, мой дядя недавно обратился к вам с деловым предложением?.. — начала Ли.

Адриан кивнул:

— Письмо .принесли в прошлый четверг, и в тот же день я отправил его обратно нераспечатанным, как и обещал вам когда-то.

— Помню. — Ли сверкнула обольстительной улыбкой, и Адриану вдруг пришло в голову, что, будь они деловыми партнерами, их удачливости можно было бы только позавидовать. — А что, если он вновь пришлёт то же письмо? Не могли бы вы прочесть его и, если можно, одобрить?

Адриан насторожился:

— Почему?

— Видите ли, по словам тети Миллисент, они пребывают в чрезвычайно стесненных обстоятельствах. А я, к собственному удивлению, обнаружила, что не могу позволить моим родным разориться, тем более что в силах помочь им.

В голове Адриана послышался глухой гул. Должно быть, лопнул кровеносный сосуд, подумал он, увидев перед глазами красные пятна. Какой он, оказывается, болван, если решил, что вся эта тщательно продуманная сцена продиктована невинным желанием Ли поужинать вместе с ним! Отшвырнув салфетку, Адриан вскочил.

— Так вот в чем дело! Эти свечи, вино, этот нелепый... — Он устремил взгляд на грудь Ли, вздымающуюся под прозрачным шелком.

— Пеньюар, — подсказала она.

— Да, пеньюар, — подхватил он. — Значит, и слуг вы отпустили спать и накормить меня решили только с одной целью? Да будет вам известно, что вы напрасно потратили время.

— Вы хотите сказать, что не измените своего решения? — негромко спросила Ли.

— Нет. Я сделаю все, о чем вы просите. Я приму это чертово предложение, каким бы оно ни было. Но я согласился бы даже в том случае, если бы вы обошлись без предисловий и не подвергали себя опасности, уже зная, что сегодняшней ужин может закончиться точь-в-точь так, как вчерашний вечер, ясно? — Каким-то чудом ему удалось перевести взгляд с груди Ли на ее лицо.

— Да, — кивнула она, вставая и отходя от стола. — Только...

«Ну что еще?!» — мысленно простонал Адриан.

— Только все это не имеет никакого отношения к моим дяде и тете.

Адриан ошеломленно вскинул голову:

— О чем вы говорите?

— О вине, свечах, слугах, даже о пеньюаре... — При упоминании последнего Адриан вновь уставился на него, словно марионетка, послушная рукам кукловода. Чувствуя себя совершенно беспомощным, он скользил взглядом по груди Ли, ее животу и тому месту, где ткань образовывала неглубокую впадину между ее ног. — Особенно о пеньюаре, — поправилась Ли. — Все это я приготовила не ради родственников, а ради вас.

Адриан нехотя перевел взгляд на ее лицо, на котором, к его полному изумлению, играла

слабая улыбка.

— Но почему?

— Потому что сегодня днем я поняла: в вашу игру можно играть вдвоем — по крайней мере слегка изменив правила. Вы задумали соблазнить меня, и это было чудесно, самое лучшее, что случилось в моей жизни. Я решила отплатить вам той же монетой, заставив влюбиться в меня.

Адриан удивленно воззрился на нее:

— Этого никогда не будет! Неужели утром вы не слушали меня? С чего вам это взбрело в голову?

— Потому что я люблю вас, — ответила Ли, и открытое, невинное выражение ее лица не оставило у Адриана сомнений в том, что Ли говорит правду, какой бы безумной и немислимой та ни была.

Внутренне похолодев, он пожалел о том, что не сел несколько минут назад, когда его ноги только начали дрожать. Его охватило смятение, накатывающее волна за волной.

— Прошу вас, молчите, — продолжала Ли. — Я знаю, о чем вы думаете, — что я лишилась рассудка. И все-таки я сказала правду. Я люблю вас. — Адриан напрягся, опасаясь, что Ли бросится к нему на шею, но она просто скрестила руки на груди. — Не знаю, зачем мне это понадобилось, — ведь вы отнюдь не легкая и уж вовсе не завидная добыча. Но очевидно, любовь, как и азарт игрока, неподвластна доводам рассудка.

Услышав такое сравнение, Адриан немного пришел в себя.

— Вы ничего не скажете в ответ? — негромко спросила Ли.

— Ничего, кроме двух вещей: вы нашли весьма оригинальный способ выразить свои чувства. Если бы не ваш нежный голос, такое сравнение показалось бы мне омерзительным.

— А второе?

— Вы зря теряете время, мадам.

— Но это мое время, — возразила Ли, подступая ближе. — Пока не придет Кристиана, я могу тратить его, как захочу.

«Скажи ей правду, — советовал внутренний голос. — Скажи, что сестра не придет, что у этой истории не будет счастливого конца, что ее надеждам не суждено сбыться. Скажи ей немедленно!»

Внезапно Ли протянула к нему руки, и говорить правду стало слишком поздно.

Она расстегнула жилет, и Адриан не стал протестовать, наслаждаясь легкими, как перышко, прикосновениями ее пальцев и мечтая о продолжении. Покончив с жилетом, она принялась расстегивать рубашку между узлом тщательно повязанного галстука и поясом панталон.

Словно замороженный, Адриан следил, как Ли приблизилась к нему, ощутил ее дыхание на обнаженной коже груди и испытал чувство, названия которого не знал. Чуть помедлив, она прикоснулась к нему слегка приоткрытыми губами и горячим, влажным, вкрадчивым языком.

— Ли, что вы делаете? — едва выговорил он.

— Пробую тебя на вкус, — прошептала она, не поднимая головы. — Так, как вчера ночью ты пробовал меня. Помнишь, как ты целовал мне шею, живот и...

— О Господи! — Схватив за плечи, — Адриан прижал ее к себе и завладел ее губами.

Он вовсе не был необузданным сластолюбцем. Речь шла не о гордости, а о здравом рассудке. С годами он, становясь все более равнодушным и себялюбивым, всем существом

впитал философию безразличия. Но теперь она утратила прежний смысл. Адриан отчаянно нуждался совсем в другом, и это пугало его.

Он жаждал того, что подарила ему Ли вчера ночью, мечтал о сладостном привкусе, который оставляла на языке ее кожа, о жарком пламени ее пальцев, пляшущих по телу, стремился обладать, покорять, завладевать... до тех пор, пока не победит свое влечение. Будь проклята ее сестра! Никакие силы не заставят его отпустить Ли, пока он не утолит свою страсть.

После продолжительного поцелуя он принялся слегка покусывать ее шею и изгиб плеча. Просунув палец под ленточки пеньюара, он грубо рванул их. Полы разошлись, открывая ее грудь жадному взгляду и алчным губам. Адриан впился в нее губами.

Лизнув ложбинку между ее грудей, он застонал. Ее кожа имела привкус мыла, соли и женщины, и он никак не мог насытиться им, даже если бы эта минута длилась вечно. Его охватило неукротимое желание.

Выпрямившись, он заглянул ей в глаза, и она улыбнулась:

— Отличный сюртук! — Она игриво провела ладонью по груди Адриана. — Ты сам снимешь его или позволишь мне?

— Ни то ни другое, — отрезал Адриан, которому было не до шуток. — Сейчас не время.

Пусть игру начала она, но закончить ее должен был он сам. Подхватив ее под мышки и ощущая соблазнительные округлости под шелком, Адриан прижал ее к стене всем телом. Он уткнулся лицом в ее плечо, вдохнул ее аромат, пока у него не перехватило дыхание, а тем временем его пальцы продолжали раздвигать скользкую ткань в лихорадочном стремлении добраться до тела.

Собрав пеньюар на талии Ли, Адриан просунул ладонь между их телами и прижал раздвинутые пальцы к ее животу и нежному холмику, увенчанному шелковистыми завитками.

Его пальцы поползли к ее нетерпеливо ждущему лону. Его неудержимо влекло туда. Пальцы путались в ароматных локонах, погружаясь все глубже, исследуя тонкие лепестки плоти. Наконец обнаружив то, что искал, Адриан испустил хриплый стон. Она оказалась горячей и влажной на ощупь. Блаженство!

Ли задрожала, пробуждая в нем новую волну желания. Ему хотелось вновь почувствовать эту сладкую дрожь, услышать негромкие стоны, преподнести ей величайший дар любви — плотское наслаждение.

Он просунул колено между ног Ли, и ее дрожь передалась ему, словно они уже стали единым существом, с общей плотью и чувствами. Сама мысль об этом привела Адриана в трепет, испугала и заставила сжать объятия. Склонив голову, он прильнул к груди Ли, заставляя ее застонать, мотая головой.

Она прикрыла глаза ладонью, словно пряча их, и подтянула колено повыше. От этого невинного и вместе с тем соблазнительного движения в жилах Адриана вспыхнул пожар. Не теряя времени, он расстегнул панталоны.

Он вошел в нее, остерегаясь проникать слишком глубоко — сегодня он не надеялся на то, что сумеет остановиться вовремя. Достаточно и того, что она охватывала его, как атласная перчатка.

Адриан чуть приподнялся, потирая таинственный бугорок — средоточие ее наслаждения. Ли ахнула от удивления и восторга и сжала ноги, и этот жест вновь привел его в восхищение и отчаяние.

Дыхание Адриана стало хриплым и отрывистым, ритм его движений неуклонно усиливался. Подхватив ее под ягодицы, он прижал ее к себе и вонзился слишком глубоко, чтобы замедлить темп, остановиться, выпитать блаженство.

Ли что-то прошептала, касаясь губами его влажной от пота шеи, целуя и покусывая ее. Страстная и горячая, она была подобна извергающемуся вулкану.

Обхватив руками плечи Адриана, Ли льнула к нему, мысленно взлетая все выше на волне первобытного, страстного ритма. Их влажные тела сливались, прижимались друг к другу, изгибались все сильнее, пока души не унеслись на край вселенной.

Адриан ощутил, как неистово сжались ее мышцы, услышал низкий стон наслаждения, слившийся с собственным хриплым возгласом, и был бы абсолютно удовлетворен, если бы на этом все и завершилось.

Но нет: едва придя в себя, Ли улыбнулась, запустила пальцы в его волосы и одарила его сияющим, нежным взглядом, а затем вновь произнесла слова, которые он так боялся услышать:

— Я люблю тебя, Адриан.

Он ухитрился не поморщиться и не отстраниться — вместо этого он запечатлел поцелуй на ее обольстительно припухших губах. Подумав, он не нашел ничего лучше, как сказать:

— Ты об этом еще пожалеешь.

— Мне не о чем жалеть, — уверенно возразила Ли. — Что бы ни случилось, я никогда не пожалею о том, что прислушалась к зову сердца.

Адриан усмехнулся, чего и ждала Ли. В этом звуке было что-то успокаивающее, хотя Ли воздержалась от подобных слов, решив, что лучше не обрушивать на Адриана лавину сентиментальности.

— Ты движешься напрямик к пропасти, — сообщил ей Адриан. — Ты когда-нибудь пробовала прислушиваться не к сердцу, а к рассудку?

— Не будь таким циничным! — упрекнула Ли с ликующим смехом.

— А тебе давно пора отучиться от романтизма.

— По правде говоря, я довольно рассудочная натура. И могу доказать это.

— Каким же образом? — Адриан чуть отстранился и удивленно посмотрел на нее.

— Отпусти меня — тогда покажу.

Адриан послушался, а Ли быстро опустила подол пеньюара. Тем временем Адриан привел себя в порядок. Ли вынула из ящика стола черный бархатный футляр.

— Узнаешь? — таинственно спросила она, застегивая знаменитое ожерелье.

При свете свечей в глубине рубина вспыхнуло неяркое пламя, а бриллианты ослепительно засияли.

— Конечно. — Адриан уставился на нее в упор. — Но гораздо любопытнее мне было бы узнать, как оно очутилось в твоём столе?

— Сегодня днем Майкл отдал мне это ожерелье.

Адриан поднял брови:

— Ну и ну! Должно быть, беседа была и впрямь любопытной. Может быть, ты объяснишь, каким образом к нему попала бесценная реликвия, которая принадлежала нескольким поколениям моих предков, пока вдруг не исчезла?

— Майкл не украл его.

— Само собой. Это всего-навсего еще одно доказательство симпатии со стороны старины Холта. Берегитесь, герцогиня: если этот человек вновь захочет доказать вам дружеские чувства, я могу оказаться в стесненных обстоятельствах, а вам придется просить милостыню у тетки!

— Ты несправедлив к Майклу. Если бы он стремился получить выгоду, он давным-давно продал бы это ожерелье. Но вместо этого он сохранил его.

— Ты хочешь сказать — спрятал от законного владельца?

— Довольно! — Ли сорвала ожерелье и протянула его Адриану. — Забирай его обратно!

Несколько секунд Адриан смотрел на нее, словно оценивая силу вспышки, а затем сунул руки в карманы.

— Не возьму, — заявил он. — Все равно на тебе оно смотрится лучше.

— Так ты хочешь узнать, в чем дело, или нет? — спросила Ли.

— Сгораю от нетерпения, — подтвердил Адриан без особого воодушевления.

Ли вздохнула, размышляя, правильно ли она поступит, если промолчит и оставит Адриана и впредь сгорать от горечи и гнева. Так бы она и поступила, если бы не влюбилась в этого негодяя, страдания которого переплелись с ее собственными. Ей не терпелось положить мукам конец.

Адриан молча и безучастно выслушал ее рассказ о том, какими были отношения Дейвы и его отца и как ожерелье стало прощальным подарком.

— Теперь понимаешь? — наконец спросила Ли, убедившись, что рассказ не впечатлил его. — Твой отец подарил его моей маме!

Адриан пожал плечами:

— Он имел на это полное право. Насколько я помню, ожерелье не входило в наследство.

— Но согласишься, редко кто делает любовницам такие дорогие и редкие подарки, — настаивала Ли. — Неужели ты не понимаешь, что это значит?

— Что твоя мать заключила выгодную сделку!

— Это жестоко! — Вчера подобное замечание ранило бы Ли в самое сердце, но с тех пор многое изменилось. Сегодня она хорошо понимала, что под цинизмом и гневом Адриана кроется острая боль. — Если он подарил ей такую ценную вещь, значит, он любил ее, несмотря на все свои недостатки. Твой отец умел любить!

— Вздор! — отмахнулся Адриан, небрежно взвешивая ожерелье на руке. — Семейная сокровищница битком набита драгоценностями. Одним украшением больш, одним меньше — какая разница?

— Не все украшения одинаковы, — возразила Ли. — Это ожерелье бесценно хотя бы тем, что оно принадлежит твоей семье уже много лет. Просто ты слишком упрям, чтобы признать мою правоту, и мне известно почему.

— Почему же?

Не обращая внимания на предостерегающий блеск в потемневших глазах Адриана, Ли объяснила:

— Если я права, значит, твой отец вовсе не хладнокровный негодяй, а тебе гораздо, проще считать его мерзавцем.

— Я счастлив, что у тебя нашлись причины оправдывать его, — сообщил Адриан, — но я...

— Я никого не оправдываю, — перебила Ли, повысив голос. — Поверь, я презираю его за то, как он поступил с тобой, и мои чувства никогда не изменятся. Но еще ненавистнее для меня те муки, которым он до сих пор подвергает тебя, заставляя расплачиваться каждым днем своей жизни, который ты проживаешь в тени его ошибок. Подумай хорошенько, Адриан! — взмолилась она, взяв его за руку и не давая отвернуться. — Отец отнял не только у тебя невесту, — он отнимал женщин и у других мужчин. Он убил не одного ребенка, а множество других, которых ты мог бы иметь прежде... и можешь иметь впредь. В тот день пытка, на которую он обрек тебя, только началась. С тех пор он неотступно преследовал тебя, не давая тебе дышать полной грудью, а ты не пытался протестовать. И до сих пор не пытаешься.

Адриан отвернулся, на скулах его заиграли желваки.

— Его ошибку мне уже не исправить.

— Да, но то, что случилось много лет назад, больше не должно вредить тебе. Перестань относиться к отцу, как к злобному чудовищу, олицетворению зла, перестань тратить жизнь на то, чтобы отомстить ему! — Ли отпустила руку Адриана и положила ожерелье на ладонь. — Не повторяй ошибку, которую допустил твой отец, обретая любимую женщину и расставшись с ней, причинив ей боль, как и тебе. — В конце концов больше всех пострадал он сам.

— Пострадал? — переспросил Адриан. — Он получил все, чего добивался.

— Ты уверен? — Немного помолчав. Ли заговорила вновь. — Вряд ли. По-моему, ему только казалось, что он хочет именно этого, или же так его всегда уверяли. Его желания оказались призрачными, и он остался ни с чем. Где ты был, когда твой отец испустил последний вздох?

Адриан зло прищурился:

— На другом конце света.

— Ну теперь ты понял? Он пожертвовал любовью ради долга и нескольких фамильных традиций, и в этой сделке потерял единственного сына.

— Прошу прощения, — бесстрастно произнес Адриан в тот момент, когда Ли была уже уверена, что сумела убедить его. — Должно быть, я что-то пропустил. Ты так и не объяснила, почему все сказанное оправдывает твое нелепое стремление следовать зову сердца. Мне казалось, твоя мать избрала именно этот путь и потерпела фиаско.

— А твой отец предпочел прислушиваться только к разуму, и его участь куда тяжелее. — Ли вновь показала Адриану ожерелье: — Видишь ли, это символ.

— Символ чего? — иронически переспросил он. — Неиссякаемой способности мужчин к самообману?

— Нет. Символ... отваги, — произнесла Ли, наконец подобрав слово, наиболее точно передающее целую гамму чувств. — Майкл сказал, что это ожерелье было подарено твоему предку в награду за некое тайное, но, несомненно, рискованное деяние, совершенное по приказу короля. Твой отец подарил его моей маме, желая ей удачи в новой жизни. Он ценил ее решительность и знал, сколько отваги ей понадобится.

— Весьма увлекательная история, герцогиня. Но она не более правдоподобна, чем сказка про Оливию и Невара.

— Иногда сама жизнь выглядит неправдоподобной, — возразила Ли. — Господь свидетель, мы сами тому доказательство. Подумай, Адриан, разве мы должны были встретиться? И тем не менее познакомились при самых невероятных обстоятельствах. А теперь благодаря нам «Солнце и звезды» вернулись к законному владельцу... как и должно быть.

— Какая идиллия! Почему бы не завершить ею сказку про принцессу и старину Невара? — Адриан с наслаждением потянулся. — Но лично я сегодня слишком устал, чтобы отказаться от здравого смысла и поверить хотя бы одному твоему слову.

Взяв Ли за руку, в которой она держала ожерелье, Адриан небрежно поднес ее к губам и запечатлел на ней бесстрастный поцелуй, скользнув по лицу Ли непроницаемым взглядом.

— Спокойной ночи, герцогиня. Ужин был... восхитителен.

Только после того как Адриан оказался в собственной спальне и захлопнул за собой дверь, он смог сбросить маску холодного равнодушия, сохранять которую на лице стоило ему немалых усилий. У него взмокли ладони, голова гудела.

По словам Ли, его отец при всех своих человеческих недостатках не считал нужным придерживаться тех правил, которые навязывал сыну. Разумеется, если он и вправду любил Дейву. По правде говоря, Адриану до сих пор не верилось, что его отец был способен на любовь к кому бы то ни было — окружающие были всего лишь пешками в его руках.

Схватившись за голову, Адриан принялся вышагивать по комнате. Просторная спальня

вдруг показалась ему тесной кельей. Он метался в ней, как тигр в клетке. Минуту Адриан размышлял, не съездить ли в клуб, но вскоре обнаружил, что сегодня ему не хочется ни вина, ни азартных игр — прежних излюбленных развлечений в часы тревоги и печали.

Наконец его блуждающий взгляд остановился на постели. Брачное ложе Рейвенов. Адрианом вдруг овладело настойчивое желание позвать Торна, приказать вытащить из спальни злополучную кровать, увезти ее подальше и сжечь. Но уничтожение кровати доставило бы ему лишь минутное удовлетворение, но не избавило бы от грызущих подозрений, уже поколебавших его решимость. Зачем его отцу, человеку, свято чтившему фамильные традиции, понадобилось дарить драгоценное ожерелье своей любовнице? Только по одной причине — он был без памяти влюблен в нее.

Найти другое объяснение поступку отца Адриану не удавалось, и это злило его. И укрепляло решимость быть настороже всякий раз, приближаясь к Ли.

Вспомнив о Ли, Адриан вновь выругал себя — за то, что не сообщил ей о бегстве сестры. Если бы он отважился на такой шаг, все было бы позади, его жизнь вернулась бы в привычное русло. Чем дольше он медлит, тем труднее будет сказать ей правду и тем сильнее рассердится Ли, узнав, что от нее утаили важную весть. Несомненно, она придет в ярость и сочтет его самым коварным, беспринципным, хладнокровным ублюдком, какого когда-либо носила земля. Другими словами, Ли наконец поймет, каков он на самом деле.

Жена была уверена, что его удастся соблазнить так же легко, как перерезелую девушку. Но она ошиблась, и Адриан намеревался доказать ей это.

С новостями о побеге можно подождать несколько дней, решил он. Потакая всем маленьким слабостям Ли, он докажет ей раз и навсегда, что она жестоко ошибалась, надеясь переубедить его так же легко, как сменить обои в Рейвен-Хаусе.

По крайней мере привести его мысли в еще больший беспорядок, чем сейчас, ей не удастся. Адриан не мог определить, какие чувства он испытывает, но впервые за десять лет он ощутил что-то еще, кроме слепой, неукротимой ненависти к собственному отцу. Пожалуй, Ли сочла бы такую перемену достижением. Но она вряд ли когда-нибудь сумеет до конца понять его.

В самые тягостные дни, после двойного предательства — отца и Шарлотты, только ненависть поддерживала Адриана и придавала смысл его жизни. Он лелеял и взращивал в себе эту ненависть, придавая ей форму и направление, бережно держал при себе, как рыцарь — прочный щит.

И чем сильнее разрасталась эта ненависть в душе Адриана, тем больше вытесняла другие чувства — те самые, которые он считал бесполезными. В первую очередь она потеснила доверие и любовь.

В конце концов в душе у него не осталось ничего, кроме горечи. Она завладела им. Что же ему останется, если он потеряет горечь и ненависть?

— Семь очков у меня, — подсчитывала Ли, — и пять у Уилла. Итого с начала партии... — Она помедлила, покусывая нижнюю губу — гримаска, которую Адриан, наблюдавший за ней из тенистого угла, нашел на редкость соблазнительной. Ему стало жаль, что Ли так быстро справилась с подсчетами и подняла голову. — Черт возьми, Уилл, это означает, что у Колина по-прежнему вдвое больше очков, чем у вас, и на три очка больше, чем у меня.

— Я же предупреждал, что играю мастерски, — вмешался Колин.

— Тоже мне мастер! — хмыкнула Ли. — Просто ноги у вас длиннее, чем у меня, а ваши два шага и бросок вдвое превосходят мои. И потом, у меня юбки путаются в ногах.

— А я, к счастью, не ношу юбки. Разумеется, туалеты нашего священника — его личное дело.

— Очень смешно! — кисло пробормотал Уилл. Все трое весело перешучивались и смеялись, готовясь к следующей партии. Впервые за много лет Адриан вновь увидел длинный узкий деревянный желоб с отверстиями для девяти маленьких кеглей на одном конце. Он смутно припоминал, как его мать играла в кегли с подругами в ясные летние дни. Но эти игры никогда не начинались ранней весной и никогда не выглядели столь забавными. Несмотря на добродушное ворчание. Ли привнесла в игру ту же атмосферу безопасности и веселья, которая сопровождала ее повсюду.

За исключением только тех случаев, когда они с Адрианом оставались вдвоем. Стоило им оказаться наедине, как страсть вспыхивала с новой силой. В последние дни это случалось все чаще, особенно с тех пор, как Ли преисполнилась решимости заставить Адриана влюбиться в нее. А он, в свою очередь, старался заставить Ли забыть о романтических мечтах и счастливом супружестве.

Днем он занимался устройством Дома птиц, а по ночам принимал все дары, какие могла предложить ему Ли. Подобно опытному солдату, Адриан знал, что атака с двух флангов наиболее верный способ поставить противника на колени. Но теперь, наблюдая за смеющейся Ли, он ощутил слабый укол, который могла причинить ему только совесть. Сопrotивляясь ей, он мысленно уверял себя: какими бы жестокими и расчетливыми ни выглядели его поступки, в сущности, он делает Ли одолжение. Эта женщина слишком великодушна, жизнерадостна и романтична, чтобы образумить ее другим, менее болезненным способом.

— Тише! — велел Колин, принимая картинную позу перед следующим броском. — Кто посмел свистеть, когда мастер готовится к удару?

— Это не мы, мастер, — принялась оправдываться Ли. — Это птицы. Прикажете очистить небеса?

— Если вас не затруднит, — бросил Колин через плечо.

Ли рассмеялась.

— Настоящий мужчина не обращает внимания на птиц, — наставительно заметил Уилл, заставив партнеров скорчиться от смеха.

— Нет, настоящий мужчина чувствует себя уверенно даже в юбке.

Не обращая внимания на партнеров, Колин сделал два огромных шага и пустил шар по деревянному желобу, ус-пешно сбив все девять кеглей.

— Безупречный бросок! — Он горделиво взмахнул руками и усмехнулся. — Поступки

настоящего мужчины говорят сами за себя.

Адриан не выдержал.

Выйдя из тени под деревом, он прошагал через всю лужайку к желобу, возле которого кипела игра.

— Вы сделали ошибку, герцогиня, — объяснил он, изумив всех троих игроков. — Джентльмены должны дать вам три лишних шага — ведь юбка действительно мешает вам.

— Блестящая мысль! — Ли широко улыбнулась. Она часто улыбалась ему в эти дни — Адриан уверял себя, что Ли просто следует плану обольщения, и вновь переполнялся решимостью устоять под ее натиском. — Вы согласны, джентльмены?

— Один шаг, — выдвинул ответное предложение Колин, метнув недовольный взгляд в Адриана. — Предатель! Она и без того наступает мне на пятки. Не хватало — мне еще проиграть в кегли женщине!

— Два шага. — Адриан решил поторговаться. — Либо дай ей лишние шаги, либо сам надевай юбку. Или ты хочешь, чтобы весь Лондон узнал, что ты смошенничал в игре с женщиной?

— Ладно, два шага, — поспешно уступил Колин.

— Я вышла замуж за гения! — Приподнявшись на цыпочки, Ли обняла Адриана за шею и запечатлела восторженный поцелуй на его щеке.

Этот порывистый жест не удивил никого, кроме Адриана. Он не помнил, когда женщина в последний раз целовала его так естественно. Поразмыслив, он пришел к выводу, что это еще одно утонченное, особенное удовольствие, к которому он должен привыкнуть. И в котором он не нуждался.

— Вы давно наблюдаете за нами? — спросила Ли с улыбкой.

— Всего несколько минут, — солгал Адриан и поспешно добавил:

— Я только хотел спросить Уилла и Колина, поедут ли они в четверг в Ньюмаркет.

— До первого числа еще далеко, в карманах у меня пусто, — грустно поведал Уилл, — но развлечься я не откажусь. Я слышал, Бисуэлл выставляет кобылу от Перламутра. Она впервые будет участвовать в скачках.

Колин присвистнул.

— У меня мороз подирает по коже при мысли о том, в какое столпотворение мы попадем! К счастью, мои карманы полны. Вчера вечером я опять обыграл Уикерсона. Если хочешь, могу сделать ставку за тебя, — предложил он Уиллу.

— Ньюмаркет? Что это? — переспросила Ли.

— Ипподром, — пояснил Уилл.

— Развлечение королей, — вставил Колин.

— И простофиль, — сухо добавил Адриан. — Ньюмаркет — лучший ипподром в округе. На четверг намечен забег двухлеток по прямой, на самом трудном участке маршрута.

Зеленые глаза Ли засияли от предвкушения.

— Я не прочь отправиться с вами. Все трое мужчин усмехнулись.

— Сожалею, герцогиня, но Ньюмаркет не место для леди, — твердо заявил Адриан. — Прежде всего там повсюду непролазная грязь. Если уж вы считаете, что в юбке трудно играть в кегли, то Ньюмаркет вы возненавидите с первой минуты.

— Я бы предпочла сама в этом убедиться. Видите ли, мне нравятся скачки.

Мужчины вновь приглушенно усмехнулись.

— Там нет ни трибун, ни скамей, — продолжал запугивать ее Адриан. — Вам придется

сидеть верхом на лошади, целый день провести в седле и увидеть зрелище, которое ничем не напоминает жалкие скачки на деревенской ярмарке. Ну, не буду больше мешать вам.

— Разве вы не останетесь с нами? — спросила Ли с притворным спокойствием.

Адриан снисходительно усмехнулся:

— Я не играю в кегли. Кстати, где вы откопали эту рухлядь?

— Блюстер нашел ее в конюшне вместе с другими вещами, давным-давно забытыми, — Ли радостно улыбнулась. — Поздравляю вас, отныне у камина в библиотеке появилась чугунная подставка для дров!

— Вы себе представить не можете, как я счастлив, — буркнул Адриан, с досадой думая о том, что в доме не осталось ни единого уголка, куда бы не добралась Ли со своей неумной энергией.

— Сыграйте с нами. Вы быстро научитесь, — заверила его Ли.

— Дело не в том, умею я играть или нет. — Неужели она решила, что он отказался от игры, боясь оконфузиться? — Меня ждет работа.

— Так пусть подождет еще полчаса. — Ли умоляюще взглянула на него из-под пушистых ресниц. Ее уловка была так же очевидна, как и смехотворна. Неужели она и правда рассчитывала, что он попадется на такую жалкую приманку?

Подойдя поближе. Ли коснулась его руки.

— Пожалуйста, Адриан! Это будет так забавно! Забавно... Ли вновь воскрешала в нем давно забытые воспоминания. Адриан задумался: когда он в последний раз брался за что-нибудь только потому, что это занятие обещало быть забавным?

— Я даже не стану просить вас надеть юбку, — поддразнила она. — И потом, у нас появится возможность обсудить мою страстную любовь к скачкам.

— Не теряйте время попусту, — посоветовал Адриан. — Ни за какие блага я не соглашусь появиться в Ньюмаркете вместе с женщиной.

— Неужели женщинам доступ туда закрыт официально? — спросила Ли.

— Моей женщине — да. — Непреклонный тон Адриана вызвал любопытные усмешки на лицах Уилла и Колина; Адриан не обратил внимания ни на друзей, ни на обиженное выражение лица Ли. — Ваше место в моей жизни ограничено домом и постелью. Не забывайте об этом.

«Оливия решила...»

«Оливии казалось, что если она...»

«Оливия была уверена только в одном...»

Ли с досадой отшвырнула перо и подперла голову ладонью. Все было напрасно, ее работа безнадежно застопорилась. Даже если Оливия и впрямь что-то задумала, то не пожелала поделиться планами со своей создательницей.

Откинувшись на спинку кресла. Ли закрыла глаза и попыталась представить себя на месте принцессы Оливии. Принцесса только что увидела любимого человека без маски, обнаружила, что его лицо обезображено, и...

Сосредоточенно сжав губы, Ли выпрямилась и принялась перелистывать страницы рукописи, лежащей на краю стола. Она довольно быстро наткнулась на то место, которое искала. Обычно, сочиняя новую сказку. Ли бывала настолько погружена в работу, что помнила каждое слово. Но в последнее время ее жизнь неузнаваемо изменилась. Поглощенная собственным романом. Ли, похоже, потеряла нить истории Оливии и Невара.

И все-таки ей не верилось, что она упустила такую важную подробность. Ее подозрения подтвердились: нигде в книге не говорилось о том, что лицо Невара обезображено. К такому выводу пришел Адриан, прочитав часть рукописи, и Ли почему-то запомнила его слова.

Теперь ее мысли приняли совсем иное направление. А если на лице главного героя нет шрамов? Что, если он прятал лицо под кожаной маской по совсем другой причине? Например...

Например, потому, что он ошибочно считал себя обезображенным, наконец поняла Ли в приливе вдохновения. Виной всему стало ужасное проклятие, тяготеющее над ним, — проклятие, из-за которого он стал слеп к собственной красоте и не видел себя таким, каким был на самом деле.

«Как Адриан», — мысленно добавила Ли и вдруг задумалась о своем. В каком-то смысле над Адрианом тоже тяготело проклятие, затмевая чувства, мешая любить и быть любимым. Ли поклялась, что избавит его от страданий, но не добилась ровным счетом ничего.

Почему-то Адриан мрачнел с каждым днем с тех пор, как Ли призналась ему в любви. Впрочем, внешне все выглядело вполне благополучно. Он по-прежнему разыгрывал преданного мужа и при посторонних, и в постели. Он не вмешивался в приготовления к приезду Кристианы. Иной раз он даже вносил свои предложения или подсказывал имена молодых неженатых аристократов, когда Ли составляла списки будущих гостей.

Беда заключалась в том, что эта помощь вызывала у Ли чувство неловкости, тем более что она часто сопровождалась гневными взглядами, причину которых Ли никак не могла понять.

Ли с нетерпением ждала приезда сестры, уверенная, что уж тогда-то у нее не останется ни единой свободной минуты. Но не далее как вчера Адриан получил известие, что экипаж Кристианы потерял колесо и устранение неисправности займет почти целый день. Ли так и не смогла решить, радоваться или печалиться такой задержке. Кресси наверняка удивится, обнаружив, что муж старшей сестры, которому полагалось быть преданным и заботливым, бродит по дому, словно медведь, сунувший лапу в осиное гнездо.

Вздохнув, Ли взяла перо и попыталась сосредоточиться на работе.

«Оливия понимала: надо найти способ заставить Невара увидеть себя таким, каков он на самом деле...убедить, что она любит только его одного.

Но как?»

«Уместный вопрос, принцесса, — мысленно ответила Ли, кладя перо на подставку. — Если ты найдешь ответ раньше, чем я, будь любезна известить меня».

Решив, что на сегодня достаточно, Ли спустилась вниз, чтобы узнать, вернулся ли Адриан со встречи с поверенным. Почему-то дом без Адриана казался безмолвным и мрачным. Прислушавшись, Ли поняла, что Адриана еще нет дома.

Пожалуй, надо приготовить ванну к его приезду. После долгого и трудного дня он наверняка будет чувствовать усталость, а Ли недавно купила новую соль для ванны, успокаивающую боль в мышцах. А когда обнаженный Адриан немного расслабится, Ли сможет позаботиться о нем способом, недоступным сказочным принцессам. Она с грустью подумала, что лишь в такие минуты между ней и Адрианом появлялось некое подобие духовной близости. Предвкушая сегодняшней вечер, она остановилась в холле, чтобы просмотреть утреннюю почту, сложенную на китайском блюде у входной двери. Среди писем, адресованных Адриану, и приглашений обнаружился измятый конверт, который немедленно привлек внимание Ли.

Письмо было подписано Кристианой и, судя по его виду, проделало трудный и долгий путь. Нетерпеливо взломав печать. Ли развернула лист бумаги.

Письмо было предельно кратким и столь же ошеломляющим. Ли пришлось перечитать его дважды.

Кристиана писала, что она вышла замуж — или выйдет к тому времени, как Ли получит письмо. Она сбежала с племянником Грисхолма, фермером из Уэнтуорта. Ли недоверчиво покачала головой. Этого просто не могло быть. Ведь через неделю они приглашены на бал в Олмак... Она уже все распланировала, продумала каждую мелочь...

«Не может быть! — мысленно повторяла она, комкая письмо. — Этого нельзя допустить. Надо немедленно вернуться домой и положить конец этому безумию».

Сколько времени займет путь до Бэмборо? Ли лихорадочно разглядела скомканный листок, пытаясь найти на нем дату отправления письма.

Даты нигде не оказалось. Ну разумеется, прошипела Ли сквозь зубы. В спешке Кристиана не удосужилась подумать не только о дате, но и о том, что безнадежно губит свою жизнь.

Сбежала!.. Это слово вызывало у Ли тошноту. Нет, Томас Сент-Леджер довольно мил, но он не пара Крисси. Она заслуживает большего. Ее мужем должен стать человек, способный баловать, лелеять ее и внушать восхищение. Такой, как Адриан.

Бедный Адриан! Ли вновь ужаснулась, представив, как разозлит ее мужа неожиданное известие. Теперь понятно, зачем понадобились эти вымышленные предлоги и задержки. Но как Кристиана ухитрилась ввести в заблуждение кучера и лакеев, оставалось загадкой. Должно быть, ей помог Сент-Леджер. По-видимому, он все предусмотрел. Однако Ли не собиралась терять последнюю надежду — по крайней мере до тех пор, пока не найдет Адриана и не расскажет ему обо всем. Если кто-нибудь и способен спасти Кристиану, так только он.

— Фелс! — крикнула Ли, дергая шнурок колокольчика.

Фелс явился на зов бегом.

— Да, ваша светлость? — Увидев выражение ее лица, он нахмурился. — Что-то случилось?

— Да. Самое страшное, — нетерпеливо ответила она. — Вам известно, где проходит встреча герцога с поверенным?

— Конечно, мадам.

— Отлично. Запишите мне адрес. Герцог уехал в экипаже?

Дворецкий кивнул.

— В таком случае разыщите моего кучера и прикажите немедленно закладывать карету. — Направляясь к лестнице, она оглянулась через плечо:

— Я только схожу за шалью. Прошу вас, подайте карету к крыльцу, и немедленно!

— Прикажете послать за следующей кандидаткой, ваша светлость? — осведомился Гейтс.

— Почему бы и нет? — отозвался Адриан, в притворном предвкушении потирая руки и гадая, кого он, собственно, пытается убедить — Гейтса или самого себя?

Он ожидал, что сегодняшней день станет для него сплошным удовольствием. Так и случилось, уверял он себя. Но насладиться ему никак не удавалось. Адриан ничего не понимал. Уже больше часа он беседовал с особами, которым предстояло занять места в «клетках» Дома птиц. Хотя все они без исключения были милостивы и чувственны — именно такие женщины неизменно удовлетворяли плотские желания Адриана, — его одолевала скука. Вся затея теперь казалась ему пошлой и плоской.

Ожидая, когда Гейтс приведет следующую претендентку, Адриан оглядывался по сторонам. Гостиную, где он расположился, окружали «клетки», каждая из которых предназначалась для особой «райской птички». В «клетке для канарейки» стояли диваны, обтянутые ярко-желтым атласом, пол устлала шафранная ковра, повсюду были расставлены бронзовые статуэтки. «Клетка для кардинала» была отделана в красных тонах, «для дрозда» изобиловала черным атласом и кружевом, а в «клетке для синей птицы» красовались качели, обтянутые ярко-синим атласом.

У Адриана не было поводов для недовольства. Обойщики, нанятые Гейтсом, в точности исполнили все указания заказчика и получили щедрое вознаграждение за обещание держать язык за зубами.

Услышав, как за спиной открывается дверь, Адриан обернулся. Улыбающийся Гейтс галантно поклонился, объявив:

— Ваша светлость, позвольте представить вам мисс Глорию де Пардье.

Выход мисс де Пардье своей утонченностью напоминал появление духового оркестра. Эта пухленькая блондинка, перед зазывной улыбкой которой не смог бы устоять ни один мужчина старше четырнадцати лет, была идеальной обитательницей для желтой «клетки». Но Адриан не почувствовал к ней ни малейшего проблеска интереса.

Прежде чем он успел открыть рот, Гейтс удалился, оставив их вдвоем. Ничуть не смущаясь, мисс де Пардье направилась к Адриану, покачивая бедрами и играя глазами.

Она остановилась прямо перед ним и метнула в него из-под ресниц манящий взгляд:

— Ваша светлость, познакомиться с вами — величайшее из удовольствий! О вас говорят с таким восторгом...

Адриан принужденно улыбнулся, с трудом сдерживая раздражение. В былые времена ему хватило бы одного прикосновения пальчика мисс де Пардье к груди. Что с ним

стряслось, черт возьми?

Во всем виновата только Ли. Он так увлекся игрой в соблазнение, что разучился обращать внимание на других женщин. Адриан старался не думать о том, что рядом с Ли страсть вспыхивает в нем мгновенно. Этому пора положить конец. Он заманивал ее все дальше в ловушку, выжидая удобный момент, чтобы сообщить правду о сестре и истинной сущности Дома птиц. Момент следовало выбрать ; так, чтобы нанесенный удар получился сокрушительным. Но ожидание изводило его. С каждым днем Ли выглядела все более умиротворенной, все сильнее привыкала к дому, где Адриан совсем не хотел видеть ее. А он, мастер решающих ударов, постепенно терял власть над собой.

— Вы мне льстите, — ответил он мисс де Пардье, мягко отводя ее руку. Крошка не виновата в том, что он на время утратил вкус к женским прелестям. — Но сейчас не время...

— Годится любое время, — перебила она, — и любое место. Настоящая женщина никогда своего не упустит.

— Послушайте, мисс де Пардье... — начал Адриан, когда блондинка кокетливой походкой отошла от него и уселась на качели.

— А вы лучше посмотрите, — предложила она, демонстрируя свои пышные прелести, — Прошу вас, зовите меня Глорией. Вы не прочь немного... покачать малышку Глорию?

— Простите, Глория, — сухо ответил Адриан, — но продолжения не будет. Беседа закончена. Мистер Гейтс свяжется с вами.

— Вот так номер! — Блондинка была явно обижена. — И зачем я только вырядилась во все желтое, как велел Гейтс? Вы даже не пожелали взглянуть на то, что я могла бы показать вам! — Взявшись за атласные веревки качелей, она кокетливо улыбнулась. — Может, все-таки посмотрите, ваша светлость?

С этими словами она подняла ногу и положила ее на колени Адриану, коснувшись носком туфельки его промежности.

Он с досадой схватил ее за ногу. Мисс де Пардье захихикала, а тем временем за спиной Адриана открылась дверь, из-за которой донесся встревоженный голос Гейтса:

— Мадам, повторяю: его светлость просил не тревожить его. Будьте любезны подождать...

— А я повторяю, что мне некогда ждать. Я должна видеть...

Обернувшись, Адриан увидел застывшую на пороге Ли, а затем перевел взгляд на ступню блондинки, по-прежнему прижатую к предмету его мужской гордости.

— Господи! — ахнула Ли.

«Замечательно!» — промелькнуло в голове Адриана. Он искал именно такого случая, чтобы показать Ли, за какого мужчину она вышла замуж.

Именно на это он и рассчитывал. Но почему же он вдруг ощутил смущение?

Он сбросил на пол ногу мисс де Пардье.

— Ли, поверьте, это совсем не то, что вы думаете...

Поверить ему? Да Адриан сам не верил себе! Очевидно, и Ли ему не поверила.

Она обвела взглядом комнату, нахмутив брови и застыв в такой напряженной позе, словно боясь разбиться. Внезапно Адриан увидел обстановку комнаты не своими глазами — глазами пресыщенного, эгоистичного сластолюбца, — а глазами жены и поморщился.

— Если это не то, что я думаю, — произнесла она, — так что же это такое?

Она устала на мисс де Пардье, покачивающуюся на атласных качелях, а когда

наконец перевела взгляд на Адриана, тот вздрогнул, прочитав упрек в ее глазах.

— Судя по виду, сэр, это бордель. Или я ошиблась? Так поправьте меня! — Ее голос вдруг задрожал, яростное обвинение превратилось в душераздирающую мольбу.

— Нет, вы не ошиблись, — негромко произнес он. В этот миг Ли взорвалась. Ее плечи по-прежнему остались прямыми, подбородок — высоко поднятым, затянутые в перчатки пальцы — сжатыми. Она взорвалась изнутри, и свидетельством тому стала ее язвительная улыбка.

— Значит, вы не шутили, — сказала она. — Каждый раз, повторяя, что вы задумали устроить бордель, вы вовсе не хотели повеселить меня. Стало быть, я оказалась наивнее, чем думала.

Этот упрек Ли в собственный адрес показался Адриану ударом хлыста. Он-то понимал, что в случившемся не виноват никто, кроме него.

— Ли, прошу вас, — перебил он, устремляясь к ней, — позвольте мне объяснить...

— Нет! — В ее голосе вдруг зазвенела ярость. — Это место и эта женщина мне уже все объяснили. Я совершила, ошибку, приехав сюда в надежде на вашу помощь, посчитав, что вы изменились. Вы неисправимы!

Эти слова, именно такие, каких ждал Адриан, вдруг наполнили его бесконечным отчаянием.

Едва он попытался взять Ли за руку, как она отпрянула, остановив его брезгливой гримасой.

— Не прикасайтесь ко мне! — выкрикнула она. — Молчите! Не приближайтесь! Больше я не желаю видеть вас, ясно?

Он пожал плечами, ощущая, как открылись в глубине души давние раны. Он ненавидел себя за то, что допустил такое, но вместе с тем ненавидел и Ли.

— Совершенно ясно, — отозвался он с кратким поклоном. — Больше я не стану докучать вам, мадам. Будьте уверены.

Болван, безмозглый болван, ругал себя Адриан этим вечером, выходя из «Уайта». Надутый, тупой индюк!

У Ли есть все основания презирать и обвинять его, а он имеет право лишь на раскаяние и жгучее желание заслужить ее прощение.

И все-таки он осел. Но он. не безнадежно глуп.

По крайней мере на сей раз он осознал это не за десять лет, а всего за несколько часов.

Забившись в дальний угол экипажа, он велел кучеру трогать. Кто сказал, что он неисправим?

Это неправда. Он вполне способен исправиться. Благодаря нескольким бокалам бренди он сразу понял, как должен поступить. Надо выяснить отношения с Ли. Задача не из легких. К счастью, тот же бренди придал ему смелости.

Вернувшись домой, он немедленно расскажет ей правду. Обо всем. Но сначала сообщит, что поручил Гейтсу продать проклятый Дом птиц, точнее то, что осталось от борделя после того, как Адриан выместил на нем злобу. А потом он расскажет жене о бегстве ее сестры. Он признается, что намеренно утаил эту весть от Ли, но лишь потому, что был еще не готов расстаться с ней. Он по-прежнему не желает расставаться с ней и, возможно, никогда не согласится. Надо набраться смелости и заявить даже об этом.

А если она снова скажет, что больше не желает видеть его, он...

Адриан вздохнул и закрыл глаза. Тогда ему останется только прыгнуть с моста вниз головой.

— Герцогиня уже вернулась? — спросил он Фелса, возникшего перед ним с привычной быстротой и бесшумностью.

— Конечно, нет, сэр. — Этот вопрос явно удивил слугу. — Герцогиня уехала.

— Куда? — осведомился Адриан, чувствуя, как в желудке возникает неприятная тяжесть. Он мысленно перебрал все возможные места, где Ли могла проводить вечер, — театр, опера, балы. Но в глубине души он понимал, что Ли не в настроении развлекаться. — Так куда она уехала? — повторил он.

— Домой, сэр, — смущенно объяснил Фелс.

— Домой? — Адриан недоумевал. — Ее дом здесь! — Внезапно его осенила догадка. — Ты хочешь сказать — в Бэмборо?

— Кажется, да, сэр. Я думал, это вам известно, ваша светлость. Она уехала вскоре после того, как сегодня днем встретилась с вами. По крайней мере так мне кажется, ваша светлость. — Слуга начал запинаться, видя, что лицо Адриана все больше мрачнеет. — Она спрашивала, где проходит ваша встреча с поверенным, а я назвал ей адрес. Надеюсь, я поступил правильно?

— Да, разумеется, — подтвердил Адриан, не желая срывать гнев на дворецком: Фелс ни в чем не виноват, как и Ли. — И все-таки я ничего не понимаю, — продолжал он размышлять вслух, пытаясь разобраться в случившемся. — Почему она покинула Лондон? Ведь со дня на день должна приехать ее сестра!

Фелс откашлялся.

— Вы позволите предложить возможное объяснение, ваша светлость?

— Какое? — оживился Адриан, готовый выслушать любой вздор.

— Вероятно, решение герцогини связано с этим. — И Фелс взял с китайского блюда смятый лист бумаги.

— Вот как?

— Герцогиню сильно встревожило это письмо.

Адриан смотрел на послание от Кристианы Стреттон, не дотрагиваясь до него. Он не сомневался в том, что Ли встревожилась. Значит, вот почему она бросилась разыскивать его. Но нашла в таком месте, что это лишь распалило ее гнев.

— Как оно сюда попало? — спросил Адриан безучастным тоном.

— Горничная нашла его за туалетным столиком в спальне герцогини, отдала экономке, та принесла мне, а я положил в блюдо вместе с остальной почтой...

— ...где его и нашла герцогиня, — закончил Адриан.

— Именно так! — горделиво подтвердил Фелс.

— Великолепно, — рассеянно произнес Адриан. Он побрел вверх по лестнице. Возможно, к утру он сумеет найти выход из создавшегося положения, но вряд ли. Его единственный шанс искупить свои грехи — сказать Ли правду прежде, чем она узнает ее сама. Таким же образом, как застала его со шлюхой, с отвращением вспомнил Адриан.

Непонятым осталось лишь одно: почему, собственно, Ли должна поверить его словам и дать ему еще один шанс исправиться, о котором ему следовало бы попросить с самого начала.

Объяснения получатся слишком долгими, понадобится перечислить множество грехов.

И в довершение всех бед этого злополучного дня Адриан обнаружил под своей подушкой «Солнце и звезды». Все было ясно без слов: Ли порвала с ним так, как ее мать покончила со своими мечтами несколько лет назад.

Несколько минут Адриан лежал с закрытыми глазами, а потом отбросил одеяло и вскочил.

Прекрасный финал? Как бы не так! До финала еще далеко. Его супружеская жизнь только начинается.

Он бросился к двери, чтобы позвать слугу, но вовремя вспомнил о колокольчике и изо всех сил дернул шнур. Если это новое приспособление обернулось против него, заставив когда-то выронить из кармана письмо, то теперь пусть окажет добрую услугу.

Фелс и камердинер тут же появились одновременно. Адриан усмехнулся.

— Одеваться! — рявкнул он. — Костюм для верховой езды! — Камердинер бросился к шкафу. — Оседлайте и приведите к крыльцу коня! — приказал Адриан Фелсу, который молниеносно исчез.

Ли — его жена. Ради нее он плел интриги, лгал и рисковал. Он хитрил, изворачивался, примирился с купидонами и лютиками, лишь бы затащить ее в постель. Он шатался по балам и театрам, сопровождал ее по лавкам Бонд-стрит, словно влюбленный жених, и теперь не собирался отказываться от нее просто так. Ни по какой причине! И уж тем более из-за глупого...

Недоразумения.

Дом птиц — чистейшее недоразумение. Все ясно и просто как день. Между супругами постоянно возникают размолвки. Он непременно извинится за ту шлюху с ее злополучной ногой и сообщит Ли, что уже отказался от своих возмутительных замыслов. А еще лучше — пообещает открыть настоящий птичник в ее честь.

А вот побег ее сестры — совсем Другое дело. Его никак не назовешь недоразумением.

решил Адриан, старательно обдумав все обстоятельства. Здесь извинениями не отделаешься. Поможет только чистосердечное раскаяние. Пожалуй, даже хорошо, что Ли давно покинула дом. За время погони он успеет подыскать нужные слова.

На окраине города Адриана настигли первые тяжелые капли дождя. Когда большак сменился извилистой и узкой проселочной дорогой, дождь начал усиливаться, поднялся резкий ветер.

Насквозь промокнув и продрогнув, Адриан прибыл в Уэстерхэм и решил переночевать в доме священника церкви святой Анны, а завтра с первым же лучом солнца вновь двинуться в путь. Если повезет, он нагонит экипаж Ли еще до полудня.

Объехав дом священника, он направился напрямик к конюшне. Незачем вытаскивать из постели беднягу конюха, если сам уже давно промок до костей.

Управившись с мокрой упряжью, Адриан вдруг узнал экипаж, стоящий у дверей конюшни. Он принадлежал Ли.

У него сжалось сердце от облегчения, радости и испуга. Не раздумывая, он бросился к дому.

Ежась под безжалостным ливнем, он барабанил в дверь до тех пор, пока из окна над ней не выглянул младший викарий Коул Бриндли.

— Как вам не стыдно шуметь! — возмутился он. — Вам известно, который теперь час?

— Не знаю и знать не хочу! — крикнул в ответ Адриан. — Я Рейвен, я приехал за женой!

Бриндли что-то забормотал. Окно захлопнулось, а через несколько минут дверь распахнулась.

Ли стояла на пороге, освещенная пламенем единственной свечи. Распущенные волосы падали на плечи, она куталась в белый шерстяной халат, из-под которого виднелись оборки ночной кофточки. На мгновение Адриан забыл, каким озябшим, мокрым и встрепанным он выглядит.

— Ты прекрасна! — произнес он.

Ли поджала губы, пряча радость, промелькнувшую в глазах.

— И вы проделали такой путь под дождем только для того, чтобы сообщить мне об этом? — ледяным тоном осведомилась она.

— Нет! — Он шагнул через порог, разделяющий их. — Я приехал, чтобы сказать: я тебя люблю!

Ли оказалась в его объятиях — нежный, любимый клубок тепла и блаженной сухости. Только ее приоткрытый рот был влажным, но таким горячим и сладким, что Адриан был готов продолжать поцелуй до бесконечности, даже если ради этого понадобилось бы всю жизнь провести под дождем на крыльце. Рассудок вернулся к нему лишь после того, как он почувствовал, что волосы Ли вымокли.

И все-таки он не стал медлить с вопросом.

— Значит ли это, что ты уже не сердишься? — с надеждой спросил он.

— Я не сержусь. Я в бешенстве! — объяснила она, и в ее зеленых глазах вновь вспыхнуло пламя. — Но не каждый день увидишь, как гора сама идет к Магомету, — добавила она. — Пожалуй, такое стоит запомнить.

— Да и меня стоит запечатлеть в памяти, — подтвердил Адриан и повел ее в дом.

Миссис О'Хара помогла ему избавиться от промокнувшего сюртука и остальной одежды, кроме бриджей. Бриндли уже растопил камин в маленькой гостиной и поставил на столик

бутылку бренди и стакан.

Задумчиво поглядев на бутылку, Адриан с грустной улыбкой обернулся к экономке:

— Понимаю, уже поздно, но не затруднит ли вас принести чашку чаю?

— Уже несу, — сообщила экономка и торопливо вышла.

Адриан втайне надеялся, что в голове у него вскоре прояснится.

Наконец он остался вдвоем с Ли и своими извинениями и объяснениями, придуманными по дороге. Заглянув в глаза жены, он мгновенно забыл о приготовленных словах.

Он любил ее. Сражение кончилось. Ли перестала быть желанной добычей. Она — его жизнь, и он хотел вернуть ее.

Они сидели в креслах у камина, застывшие, напряженные, словно готовые сорваться с места... или броситься в погоню, мысленно пошутил Адриан.

Он передвинулся на край кресла, протянул руки перед собой и повернул их ладонями вверх.

— Можно взять тебя за руки? — спросил он, заметив, что Ли не обратила никакого внимания на этот жест.

— Нет.

— Чтобы согреть кх, — настаивал Адриан, — только и всего.

Он пообещал себе, что солгал ей последний раз в жизни. Просто ему не терпелось прикоснуться к ней, чтобы Выдержать последнее испытание.

Ли нехотя придвинулась ближе и протянула руки. Пальцы Адриана сплелись с ее пальцами. Руки Ли были меньше и белее, чем у него, кости тоньше, кожа нежнее. И все-таки они идеально подходили друг другу.

Ему вдруг пришло в голову, что он без труда смог бы сломать эти хрупкие косточки. Одним движением он сумел бы оставить синяк на лилейной коже. Это так же легко, как разбить сердце или ранить душу. Но почему-то Адриан не чувствовал себя сильным и могущественным. Напротив, у него возникло желание оберегать и защищать, его переполнила решимость больше никогда и никому не давать ее в обиду.

— Мне очень жаль, — начал он. — Я совершил столько ошибок, что не знаю, с чего начать. — Он перевел дух. — Поэтому начну с самого начала. Простите за то, что я обманом женился на вас, герцогиня, и одним ударом разбил ваши мечты о прекрасных принцах, волшебных свадьбах и счастливой супружеской жизни.

— Об этом я и не мечтала, — возразила Ли. — По крайней мере для себя. Я надеялась что...

— Не надо! — тихо прервал он и провел большими пальцами по ладоням Ли. — Я знаю, ты мечтала об этом, просто не понимала сама себя. Ты была слепа, как и я.

Прости за то, что я разрушил твои планы объявить наш брак недействительным. Я сделал это умышленно и расчетливо, ты совершенно справедливо обвинила меня. А еще я должен извиниться за то, что отнял у тебя драгоценность, которую ты могла отдать лишь однажды. Если бы ты настояла на своем, ты сберегла бы ее для другого человека — мужчины, который сумел бы заслужить твою любовь. Но я не жалею об этом, — вдруг объявил он, сжав ее руки, — и никогда не пожалею.

Ли слушала его молча, с непроницаемым выражением лица.

— Я пропущу еще сотню мелких грехов и перейду сразу к сегодняшнему дню.

Ли не шелохнулась, но явно вспомнила о недавних событиях — об этом

свидетельствовал яркий румянец на ее скулах.

В голосе Адриана зазвучало искреннее раскаяние:

— Ли, мне очень жаль, что ты увидела... то, что увидела.

— Но насколько я понимаю, ты ничуть не жалеешь о собственном поступке?

— Я не сделал ничего дурного, — возразил Адриан, — то есть не совсем так... — Ли скептически приподняла бровь. — Признаюсь, мысль о борделе принадлежала мне.

— А о «клетках»?

Адриан пожал плечами:

— Мы придумали их совместными усилиями.

— Весьма... творческий подход к делу, — заметила Ли. — А перья были настоящими?

— Да, то есть нет... по правде говоря, не знаю. — Он тяжело вздохнул. Судя по удовлетворенному блеску глаз, его растерянность польстила Ли. — В подробности я не вникал, — объяснил Адриан, надеясь пропустить их, — И уж тем более я не хотел, чтобы эта женщина...

— Ласкала тебя? — подсказала Ли, заметив его колебания.

— Вот именно. Я намеревался только побеседовать с ней...

Ли вновь вскинула брови.

Не обращая внимания на ее гримасу, Адриан продолжал:

— И когда я уже известил ее, что беседа закончена, вдруг... вошла ты. Клянусь, Ли, к тому времени я уже решил отказаться от своих замыслов и закрыть Дом птиц прежде, чем он откроется.

— Но почему? — Адриан задумался: и правда, почему? — Почему ты решил закрыть его? Потому, что вдруг понял всю нелепость этой ребяческой выходки? Полагаю, так оно и было. Признайся, ты просто хотел выставить на посмешище влиятельных попечителей-нопавших на твой крючок! Я права?

— Почти, — пристыженно сознался Адриан.

— И ты передумал потому, что вдруг понял: в этом нет ничего смешного или забавного?

Помедлив, Адриан грустно улыбнулся:

— Ты опять права.

Ли просто смотрела на него, ожидая продолжения.

— Теперь я все понял. Знаю, я должен был объяснить тебе, но... — Он глубоко вздохнул и крепко сжал ее пальцы. — Я решил, что отныне никогда не обману тебя;

— Насчет Дома птиц ты почти не солгал, — вымученно-безразличным тоном отозвалась Ли.

— Почти, — согласился Адриан. — Сегодня днем ты сказала, что ошиблась, решив, будто я изменился, а я приехал, чтобы объяснить: нет, ты не ошиблась, я и вправду стал другим. Я вооружился длинным списком доводов, чтобы доказать свою правоту. Но я все тот же.

Пальцы Ли напряглись, но она не высвободила руку. Для Адриана ее пальцы стали подобием барометра. Теперь он держал их свободно, замечая малейший трепет.

— Я тот самый человек, который на руках отнес тебя в церковь и женился на тебе, не спрашивая согласия, тот самый, который предавался любви с тобой, зная, что ты мечтаешь не об этом. — Он поднял руку, не давая Ли возразить. — В глубине души мне и сейчас кажется, что Дом птиц был бы блестящей мстью своре чванливых лицемеров. Но я отказался от своих планов не ради них или самого себя, а ради одной тебя. Я вдруг понял,

как воспринимаешь мою затею ты, как ты при этом чувствуешь себя, а это мне безразлично. Больше я никогда и ничем не обижу тебя. Это правда, любимая. Я не только отказался от одного плана, но и решил изменить множеству своих привычек, чтобы ты была счастлива.

Руки Ли похолодели.

— Это весьма любезно с твоей стороны, — сухо произнесла она, — но я вовсе не намерена ограничивать твою свободу. Поэтому я...

— Верно, — прервал он. — Я неудачно выбрал слова. Просто я пытаюсь объяснить, что прежняя жизнь утратила для меня смысл. Но сам я ничем не лучше, чем был раньше. Разница лишь в одном: ты вызвала во мне желание измениться, стать лучше, чем прежде, хотя бы предпринять попытку...

— О, Адриан! — Ли придвинулась ближе, коснулась его запястий, затеребила отделку манжет.

Видя совсем рядом ее нежные и манящие губы, Адриан с трудом сосредоточился.

— Во время скачки под дождем в темноте я успел о многом подумать. Я понял, что моя жизнь похожа на калейдоскоп. Разноцветные осколки в ней уже есть, но чтобы сложить из них узор, чтобы я вновь ожил, понадобилась ты. — Он взял ее за локоть. — Неужели ты не понимаешь. Ли? Вот почему я бросился за тобой вдогонку — я просто не мог с тобой расстаться. Изменился не я, а все, что окружало меня, — и это благодаря тебе.

Он прильнул к ее губам — легко, осторожно, хотя и знал, что Ли не станет противиться. Проведя губами по ее щеке, он пригладил ее волосы, стараясь справиться с вихрем чувств.

— Еще недавно мне казалось, что нет боли, сильнее той, которую причиняет предательство любимого человека, — продолжал он хриплым голосом, касаясь губами уха Ли. — Но сегодня я узнал, что есть и другая, нестерпимая боль. Ее чувствуешь, когда расстаешься с любимым человеком и понимаешь, что в этом виноват только ты сам.

Такую боль пришлось терпеть его отцу, вдруг осознал Адриан и ощутил легкий трепет. Подобной участи он не пожелал бы даже врагу.

— Вернувшись домой и узнав, что ты уехала, я понял, что это я выгнал тебя из дома, и чуть не сошел с ума, — прошептал он.

Отстранившись, Ли удивленно уставилась на него.

— Ты не выгонял меня! — Ее глаза широко открылись. — Разве ты еще не знаешь... Ну разумеется, откуда ты мог узнать? Именно поэтому я так спешила встретиться с тобой, все рассказать и спросить, как быть дальше. А когда я вошла...

— О чем ты хотела рассказать? — прервал Адриан, торопясь узнать истинную причину бегства Ли.

— О Кристиане, — с трудом выговорила она.

— Что именно? — Адриан насторожился.

— Ужасные новости, хуже не придумаешь! — Ее нижняя губа задрожала, волнение передалось Адриану. — Она сбежала!

Стало быть, она ни о чем не подозревала! Эта мысль обрушилась на Адриана, словно лавина. Пока Ли гневно осуждала глупых, опрометчивых девчонок и пронырливых фермеров, Адриан успел прийти в себя.

Оказывается, Ли была уверена, что письмо от сестры принесли только в этот день. Она и понятия не имела, что Адриан давно прочел его, а потом придумывал объяснения задержкам Кристианы в пути.

Может, стоит промолчать? Адриан нахмурился. Как просто было бы делать вид, что он никогда не видел злополучного письма! Лакей, который доставил его, был отослан в поместье. Осталось лишь подкупить новоиспеченного свояка парой отар овец, чтобы он подтвердил: все было именно так, как уверяет Адриан.

А пока следовало лишь молчать.

Бедняга Адриан, думала Ли, глядя на мужа, — вести о бегстве Кристианы ошеломили его не меньше, чем ее саму! Впрочем, ей понадобилось гораздо больше времени, чтобы прийти в себя.

— Разумеется, я до сих пор надеюсь, что приеду домой вовремя и успею их остановить, — продолжала она. — А если путешествие затянется, я буду молить Бога о чуде, которое помешает им осуществить брак и даст нам возможность признать его недействительным.

Адриан кивнул, но судя по мрачному выражению лица, не питал столь радужных надежд.

— Нет, Сент-Леджер — славный малый, благовоспитанный и состоятельный, — заметила Ли. — Он хорош собой, бегло говорит по-французски и играет на губной гармонике... — Ее губы нехотя сложились в улыбку. — Однажды Крисси рассказывала, что он может играть две минуты подряд, не переводя дыхание. Я заметила, как сияли при этом ее глаза, — добавила она, припоминая. — Напрасно тогда я не придавала этому значения.

— Напрасно, — подтвердил он без тени насмешки.

Ли вздохнула.

— Я испытывала те же чувства, которые ты только что описывал. Я потеряла любимого человека только по собственной вине.

— Тебе не в чем винить себя, — возразил Адриан с несвойственным ему жаром.

— Напрасно я оставила ее дома одну, без компаньонки. В то время мне казалось, что так будет лучше. А теперь я...

— Перестань! — Он вскочил так резко, что на столике зазвенели чайные чашки и блюдца. — Ты ни в чем не виновата, слышишь? Решение была вправе принимать только твоя сестра — так она и поступила. Она выбрала не то, о чем мечтала ты, а осуществила собственное желание.

Он тяжело дышал, вышагивая по тесной комнате. Можно подумать, что Это его сестра сбежала с возлюбленным, разрушив все планы.

— Если кто-нибудь и виноват, — продолжал он, глядя на Ли в упор, — так только я. Дело в том, что я получил известие о побеге несколько дней назад и утаил его. Мало того, я спрятал письмо, которое прислала тебе сестра. Уверяю, сегодня ты нашла его только по чистой случайности.

Ли вскочила.

— Значит, ты все знал?

Он кивнул:

— Лакей привез письмо на прошлой неделе... И даже тогда предпринимать что-либо было уже поздно: твои слуги долго отказывались сообщить моим, что их молодая хозяйка сбежала.

— Тогда уже и вправду слишком поздно. — Робкая надежда Ли улетучилась.

— Боюсь, что да. Могу порадовать тебя лишь тем, что жители деревни долго и старательно разыскивали беглецов.

— Ты узнал об этом от лакея? — Место угасшей надежды заняло подозрение. — И ничего не сказал мне?

Адриан кивнул.

— Но почему?

— Скажи, как бы ты поступила, узнав правду?

— Разумеется, немедленно отправилась бы домой!

— Вот именно. А я был не в силах расстаться с тобой. — Он стиснул зубы. — И теперь не могу.

— И потому ты утаил от меня истину? — допытывалась Ли, повысив голос. — Ты прочел письмо, адресованное мне? Да как ты посмел вмешиваться в чужую жизнь? Не важно, что я твоя жена, — продолжала она, не давая Адриану возразить. — Я не позволю тебе решать, что и когда я должна узнавать, ясно?

— Да.

Ли перевела дыхание.

— И не смей распоряжаться мной, как... вещь, словно у меня не может быть собственных желаний!

— Я все понял.

— А поступил все-таки по-своему! — Ли с трудом сдерживала ярость, несмотря на раскаяние мужа. — Ты хотел удержать меня в столице потому, что; еще не пресытился своими играми?

— Да, но лишь поначалу. Не уходи! — окликнул он, преграждая Ли путь к двери. Взяв за руку, он заглянул ей в глаза. — Ты никуда не уйдешь, пока не выслушаешь меня.

— Я и без того выслушала достаточно! — отрезала Ли, торопясь уйти к себе, в комнату прежде, чем горе вырвется наружу. Как легко он вновь обманул ее! Все, что ему понадобилось, — произнести слова, которые она так надеялась услышать. Слова любви. Он и на этот раз не сказал всей правды. Лучше бы он не приезжал! — Как ты можешь? Ты ведь только что уверял, что больше никогда не причинишь мне боль!

— Я сказал правду, черт побери! Знаю, это звучит нелепо, но меня заставила солгать именно боязнь причинить тебе боль. Я опасался окончательного разрыва.

Он сжал в ладонях ее лицо. Ли не стала вырываться, только сурово сжала губы.

— Мысль о том, что именно мне придется сообщить тебе печальную весть, была невыносима, — продолжал он. — Я промолчал потому, что боялся увидеть, как твои глаза наполнятся слезами — как сейчас, — а подбородок задрожит... — Он коснулся большим пальцем ее подбородка. — А еще мне было страшно разрушить твои самые заветные надежды и мечты. Не просто мечты найти идеального мужа для сестры, — пояснил он, а Ли перевела взгляд наполненных слезами глаз на верхнюю пуговицу его рубашки и тщетно пыталась взять себя в руки. — Я говорю о твоих тайных мечтах, о тех, в которых ты не признаешься даже самой себе. Ты мечтаешь об идеальном мире, где властвует любовь. — Он устало улыбнулся. — Ты себе представить не можешь, как меня подмывало утаить правду и сейчас! Нет, не солгать — просто держать язык за зубами, чтобы ты поверила, будто я ничего не знал о побеге.

— Почему же ты не сдержался? Возможно, — д, никогда не узнала бы правду.

— Поступить иначе я не мог, — с сухим смешком объяснил он, и в этот миг Ли поняла: Адриан ошибался. Он и вправду изменился. Прежний Адриан, тот, который без колебаний женился на умирающей женщине, не преминул бы воспользоваться ее доверием ради собственной выгоды. Он сознался бы во лжи только в том случае, если бы оказался загнанным в угол. И уж наверняка прежний Адриан не стал бы гнаться за женщиной под

проливным дождем только затем, чтобы признаться ей в любви.

Внезапно у Ли закружилась голова оттого, что именно ей он объяснился в любви. А еще она порадовалась собственной выносливости и терпению. Адриан заключил ее в объятия.

— Должно быть, от тебя я заразился романтизмом, — произнес он. — Я не принц, но люблю счастливые финалы. А это невозможно, если между нами останутся ложь и недомолвки. На этот раз я хочу начать с самого начала. — Он усмехнулся, и от этой мальчишеской, проказливой усмешки у Ли закружилась голова. — Герцогиня, я прошу вас стать моей женой.

— Мы ведь женаты, — напомнила Ли.

— Но разве у нас была настоящая свадьба? — возразил он. — Пусть будет море цветов, музыка и церковь — нет, собор! — переполненный гостями. Я хочу увидеть тебя в самом прекрасном свадебном наряде, какой ты только способна придумать. Хочу видеть, как ты идешь по проходу между скамей, улыбаясь мне издалека, встаешь рядом со мной у алтаря, слушаешь мою клятву любить... — он поцеловал ее в затрепетавшие веки, — почитать... — его губы скользнули по ее щеке и шее, — и лелеять тебя... — горячими губами он приоткрыл ее губы, — каждый день, каждую ночь, каждый миг до самой смерти.

Ли таяла, слушая его и не веря, что исполнились ее самые заветные желания.

Запустив пальцы в ее волосы, он принялся целовать ее нежно и благоговейно, словно святыню, которую ему было доверено беречь.

— Скажи «да», — попросил он, на миг оторвавшись от ее губ, — и узнаешь, что будет дальше.

— Да, — с трудом выговорила Ли, рассмеялась и поцеловала Адриана. — Да, да, да!

— А после венчания и праздничного завтрака я увезу свою герцогиню домой и на руках отнесу ее в спальню, — продолжал он, вызывая у Ли дрожь предвкушения, — в мою постель. Где мы будем предаваться любви до тех пор, пока не сольемся душой и телом — отныне и навсегда.

Следующий поцелуй стал еще более страстным и требовательным. Ли слышала биение сердца Адриана. Несмотря на беспечный тон, она понимала, о чем он просит и что значит для него согласие.

Он просил не просто ее руки. Он требовал отдаться целиком — телом и душой.

— Так что вы скажете, герцогиня? — негромко спросил он. — Вы согласны подарить мне сына?

Ли приложила ладони к его щекам.

— С радостью. Только одного?

Адриан с улыбкой прижал ее к себе, облегченно усмехнувшись.

— Пожалуй, потом мы перейдем на дочерей — девчушек с зелеными глазами и улыбкой их матери. Пусть играют под моим окном, отвлекая меня от работы.

— Пожалуй, двух девочек будет вполне достаточно, — согласилась Ли.

— А я бы предпочел трех.

— Ладно, пусть будут три дочери. Только не сразу, хорошо?

— Уже боишься за фигуру? — поддразнил Адриан, сжимая ее талию.

— Нет, опасаясь, что придется вывозить их в свет всех сразу, а потом одновременно устраивать три свадьбы.

Адриан застонал:

— Мадам, я передумал; я хочу только сыновей. Мне уже известно, что такое

приготовления к свадьбе. Пожалуй, одной свадьбы — нашей собственной — мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

— В таком случае давай поженимся, когда Кристиана и мистер Сент-Леджер приедут в Лондон, — чтобы они смогли стать нашими свидетелями.

На его лице заиграла снисходительная улыбка.

— А тебе этого хочется, дорогая?

— Очень! — Улыбка Ли вдруг стала задумчивой. — Наверное, ты был прав: все, о чем я мечтала для Кристианы, мне хотелось получить самой, только я боялась в этом признаться. Но теперь уже не важно, чьи это были мечты. Мы отпразднуем их исполнение все вместе.

— Тогда решено: сыграем сразу две свадьбы. — Он вновь принялся ласкать ее, возбуждая и успокаивая. — Ли, я хочу только одного: чтобы все твои желания исполнились.

— Ты их уже исполнил, — ответила она. — Я люблю тебя, Адриан, и обещаю, что теперь буду навязывать свои мечты другим людям только в сказках — начиная с истории про Оливию и принца Невара. — Ее глаза заискрились. — Кстати, я наконец-то придумала продолжение.

— Расскажешь?

— А может, пусть лучше для тебя оно станет сюрпризом?

Адриан восхищенно рассмеялся:

— Разве у меня есть выбор?

Бэмборо, Англия

Год спустя

— Ты одна?

Ли, сидя за утренним кофе, улыбнулась вошедшей в комнату Кристиане. Сестра была одета в простое желтое платье, ее золотистые кудри на затылке перехватывала черная лента. Простота наряда удачно подчеркивала ее юную прелесть.

Хотя Крисси оказалась опытной и гостеприимной хозяйкой, она явно обрадовалась, обнаружив, что сегодня утром в столовой нет никого, кроме Ли. И Ли понимала, почему. У нее теперь тоже все чаще возникало желание побыть в одиночестве.

— Здесь нет никого, кроме меня и крутых яиц, — ответила Ли и тут же поморщилась, хватаясь за край стола. — О, как я могла забыть? Меня же тошнит от этого слова!

— От какого? «Яйца»? — Крисси сочувственно усмехнулась, наполняя собственную тарелку.

— Вот именно, — подтвердила Ли сквозь зубы. — Пожалуйста, больше не повторяй его.

— Торжественно обещаю: до конца твоего визита это слово больше ни разу не слетит с моих губ! — Крисси села к столу, потянулась за салфеткой и вдруг нахмурилась, заметив, что Ли передернуло при виде полной тарелки.

— А меня тошнило от слова «соус», а стоило мне подумать о тушеном мясе, как я бледнела и зажимала рот руками. И как назло, Томас обожает соус!

— Как же ты выкручивалась? Каждый, вечер садилась за стол с повязкой на глазах?

— Не болтай чепухи! Просто я запретила подавать на стол соус до самого конца беременности. — Ее синие глаза вызывающе блеснули, а Ли вдруг поняла, как много общего у Крисси и Адриана. — Я решила, что поскольку моя беременность — результат совместных трудов, а большую часть ноши приходится тащить мне, значит, Томас обойдется без соуса. Но теперь, когда Кэтрин-Энн подросла, он уверен, что ради нее стоило вытерпеть и не такие муки!

Ли задумалась: как она могла считать, что ее упрямая сестрица поступила опрометчиво, убежав с Томасом Сент-Леджером? Пусть Томас не блистал красотой и остроумием, но он был серьезен, заботлив и обожал свою жену. Он стал надежной опорой для такого воздушного мотылька, как Кристиана, а она после свадьбы вдруг расцвела, изумив сестру. Теперь Кристиана производила впечатление, вполне уверенной в себе женщины, и Ли не могла нарадоваться на нее.

— Предложи Рейвену отказаться, сама знаешь от чего, пока ты не родила, — посоветовала Крисси. — Должна же от него быть какая-то польза! Пусть считает, что и он вносит посильный вклад в успех предприятия. Ты же знаешь, как это льстит мужчинам.

— Пожалуй, так я и сделаю. Как странно! — вдруг задумчиво произнесла Ли. — Мы с тобой поменялись ролями: ты стала давать мне советы!

Крисси наморщила носик:

— Давать советы мне нравится ничуть не больше, чем выслушивать их. Лучше будем

считать, что я поделилась с тобой опытом — о том, как укрощать будущих отцов. Звучит внушительнее, правда?

— Гораздо. Значит, мне давно пора было перестать посылать тебе письма на десяти страницах с подробными советами о том, как заботиться о муже и вести домашнее хозяйство?

— Разумеется, нет. — Крисси усмехнулась, — Иначе откуда я бы узнала, чем следует посыпать пол в птичьей клетке?

Не успели сестры рассмеяться, как в столовую вошли мужья, вернувшиеся с утренней поездки в соседнее поместье, которое Томас подумывал приобрести. За ними ввалились Колин и Уилл, которые вызвались сопровождать Адриана и Ли в Бэмборо.

Познакомившись с Крисси и Томасом год назад, Колин и Уилл пожелали присутствовать на крестинах их первенца. Но Ли подозревала, что их интересовала не столько Кэтрин-Энн, сколько другой младенец. Пожалуй, ей следовало бы расспросить Крисси еще кое о чем, поскольку иногда ей казалось, что ей предстоит укрощать не одного, а троих будущих отцов.

— Над чем это вы смеетесь, милые дамы? — осведомился Колин, устроившись за столом. Лакей налил ему кофе.

Усевшись на законное место рядом с Ли, Адриан по-прежнему приветствовал ее ласковой улыбкой, поцеловал и легонько погладил по животу. Последние два знака внимания в его представлении были неразрывно связаны, и Ли уже привыкла получать оба сразу.

— Мы обсуждали испытания и тяготы беременности, — объявила Крисси, заговорщицки подмигнув сестре.

Как и следовало ожидать, мужчины смущенно прокашлялись и обменялись настороженными взглядами, словно ковер под ногами вдруг превратился в зыбучий песок, а им предстояло проложить по нему тропу. Только Томас чувствовал себя совершенно непринужденно. Откинувшись на спинку стула, он снисходительно улыбнулся жене.

— Замечательно! — наконец произнес Адриан. Ли так и не поняла, недоволен он или просто смущен. И то, и другое было вполне возможно. — Отрадно сознавать, что у Ли есть возможность поделиться тревогами с опытной наставницей.

— Мой опыт может пригодиться и вам, Рейвен, — заметила Крисси. — «Заранее предупрежден — заранее вооружен», не так ли?

— Благодарю! — Улыбнувшись, он подхватил руку Ли и поднес ее к губам. — Но по моему, состояние моей жены — убедительное доказательство того, что к отцовским обязанностям я уже готов.

Ли чуть не расхохоталась, увидев самодовольную улыбку на лице Адриана. Но вытерпеть целый квартет подобных улыбок она не смогла.

— Дорогой, мы говорим о том, как быть отцом, а не племенным жеребцом, — медовым голосом уточнила она. Адриан покраснел.

— Я прекрасно понял, что имеет в виду твоя сестра, и не нуждаюсь в наставлениях по этому предмету.

— Вот и хорошо, — подытожила Ли. — Тогда будь добр, назови нам хотя бы одну обязанность отца новорожденного младенца.

— С удовольствием... — Адриан задумался, пожевал губами и наконец перевел взгляд на Томаса. — Пусть сначала назовет он.

— Прежде всего отец должен уметь носить младенца на руках после кормления, пока

тот не отпрыгнет, — отбарабанил Томас. — Это несложно и не слишком хлопотно. — И, смущенно пожав плечами, добавил: — Главное — не слишком сильно шлепать... то есть похлопывать ребенка по спине.

— Вот! — подхватил Адриан с таким видом, словно додумался сам. — Не сомневаюсь, что в искусстве носить младенцев на руках я достигну таких же высот, как Томас.

Едва сдерживая смех, Криси возразила:

— А я всерьез сомневаюсь в том, что знатный джентльмен с таким... скажем, бурным прошлым способен быть столь же заботливым отцом, как мой муж!

— Право, Криси, — упрекнула Ли, — не стоит делать выводы, пока Адриану не представилось случая продемонстрировать нам свое мастерство.

— Верно, — согласился Колин. — Покажи-ка им, на что ты способен, Рейвен! — Он поднялся, схватил со столика фарфоровую вазу и протянул ее совершенно сконфуженному Адриану.

— Представь, что это шпага, — посоветовал Уилл.

Колин скривился:

— При чем ту шпага?

Уилл пожал плечами:

— Я просто хотел помочь.

Адриан недовольно взглянул на Ли:

— Неужели это обязательно?

— Конечно! — воскликнула Ли, удостоив его взглядом, которому мужья беременных женщин быстро привыкают повиноваться.

Адриан протянул руки:

— Дайте-ка мне эту штуковину.

Под шквал наставлений и замечаний Адриан наконец сумел прислонить вазу к плечу и похлопать по ее боку, доставив удовольствие окружающим.

— А можно и мне попробовать? — спросил Уилл.

— Разумеется, — отозвалась Ли. — Если вы с Колином будете навещать нас так же часто и после рождения ребенка, то несколько уроков вам пойдут на пользу.

— Каких уроков? — осторожно поинтересовался Колин.

— Для начала надо научиться вышагивать из угла в угол, — пояснила Криси. — Это очень важно во время родов. Нельзя же допустить, чтобы вы путались у всех под ногами!

— А потом — укачивать малыша, — подхватила Ли. — Это еще сложнее, чем носить его на руках после кормления.

— И потом, мы не собираемся даже притрагиваться к подгузникам, — подлила масла в огонь Криси.

— К подгузникам? — Адриан, который все это время рассеянно похлопывал по вазе, застыл на месте. — Надеюсь, вы не предлагаете?..

Ли невольно улыбнулась. Увидев Отщепенца лорда Рейвена, укачивающего вазу и беседующего об обязанностях отца, она избавилась от последних опасений. Если она нуждалась в доказательстве того, что Адриан будет старательно и воодушевленно играть не только роль мужа, но и отца, то это доказательство она уже получила.

Так или иначе, финал истории оказался настолько удачным, словно она сама придумала его. Но на этот раз Ли не строила никаких планов, поскольку уже поняла, что иногда лучше обходиться без них. И потом, до настоящего финала еще далеко. Обведя взглядом своих

самых близких и любимых людей. Ли поняла, что это всего лишь начало...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Колючее растение (англ.)